

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2023 Том 29 № 2

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке

Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

П.М. Козырева
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Л.А. Козлова
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор,
Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный университет, ЭОПП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

М.К. Горшков, доктор филос. наук, академик РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь, США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук,
Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии Академии наук Чешской Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет, Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент,
НИУ «Высшая школа экономики», Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

Эдвард Свидерски, почетный профессор, Университет Фрибурга, Швейцария

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

Б.М. Фирсов, доктор филос. наук, профессор,
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия

С.В. Чесноков, кандидат техн. наук, независимый исследователь, Израиль

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva
Editor in Chief,
Doctor of Sociological Sciences

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
NRU "Higher School of Economics",
Russian Federation

L.A. Kozlova
Deputy Editor in Chief,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Russian Federation

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University,
USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State
University; Institute of Economics and Industrial Engineering of
the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent
Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS),
University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology, Czech
Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ivanovo State
Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences, National Research
University Higher School of Economics, Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences, Foundation "Public
Opinion" (FOM), Russian Federation

Edward M. Swiderski, Professor em., Dr., University of Fribourg, Switzerland

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences, All-Russian Public Opinion
Research Center (VCIOM), Russian Federation

Boris M. Firsov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, European
University in St Petersburg, Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sociological
Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Sergey V. Chesnokov, Candidate of Chemical Sciences, Independent Researcher,
Israel

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницилируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с. 37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания:

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 499. Оп. 1. Д. 276. Л. 126–127.
2. *Липпман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; Под ред. К.А. Левинсона, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
3. *Харламов Н.А.* Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри // Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева; Вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издат. и консалт. группа «Праксис», 2012. С. 7–58.
4. *Калинин С.Ю.* Библиографический аппарат научной работы // Библиография. 1993. № 2. С. 36–45.
5. *Silverman D.* Telling convincing stories: A plea for cautious positivism in case-studies // The qualitative-quantitative distinction in the social sciences / Ed. by V. Glassner, J. Moreno. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 57–77.
6. *Utz S.* Social information processing in MUDs: The development of friendships in virtual worlds // Journal of Online Behavior. 2000. Vol. 1. No. 1 [online]. Accessed 10.04.2001. URL: <<http://www.behavior.net/JOB/v1n1/utz.html>>.
7. *Яницкий О.Н.* Природоохранные сети России и их социальный капитал (гносеологические и теоретические проблемы) / Институт социологии РАН; О.Н. Яницкий // Официальный сайт ИС РАН 2012 [электронный ресурс]. Дата обращения 21.12.2012. URL: <<http://www.isras.ru/publ.html?id=2446>>.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 86306.

Адрес интернет-магазина «Пресса по подписке» — <http://www.akc.ru/>

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. Факс: +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023. ТОМ 29. № 2

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2023.29.2

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.И. Корсунова, Б.О. Соколов

8–24 Динамика поддержки эмансипативных ценностей в России в ходе пандемии COVID-19

*Д.О. Тимошкин, Д.С. Пчелкина, А.С. Самарин,
В.В. Хворостов, Р.В. Томилин*

25–50 Социальные медиа как механизм (вос)производства миграционных стратегий (на примере цифровых площадок русскоязычных мигрантов в Корее)

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Т.В. Гаврилюк, Т.В. Погодаева

51–73 Переход к обучению по индивидуальным образовательным траекториям в оценках студентов и преподавателей (на примере Тюменского государственного университета)

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

И.А. Шмерлина

74–100 Философия славянофильства и субъективная школа в социологии: опыт компаративного анализа

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

Г.А. Погосян

101–109 «Для многих из нас Геннадий Батыгин явился своего рода проводником в мир высокой профессиональной социологии» /
Интервью подготовил *Д.М. Рогозин*

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Л.Е. Гринин, А.Л. Гринин, А.В. Коротяев

110–131 Глобальное старение
как интегральная проблема будущего

И.Г. Дежина

132–149 Научная политика в России в 2018–2022 гг.:
противоречивые сигналы

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 100-летию со дня рождения Л.Н. Когана

Н.Н. Маликова, Г.Е. Зборовский

150–169 Социолог как объект музейного дискурса

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

А.А. Поплавская

170–182 Фриланс — свобода «от» или «для»?
Рецензия на книгу: Стребков Д.О., Шевчук А.В.
Что мы знаем о фрилансерах?
Социология свободной занятости.
М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022

Д.Б. Литвинцев

183–191 Домашний vs Институциональный.
Размышления над книгой
L. Series “Deprivation of liberty
in the shadows of institutions”

CONTENTS

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2023. VOL. 29. No. 2

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2023.29.2

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Korsunova, V.I., Sokolov, B.O.

8–24 Support for Emancipative Values in Russia during the COVID-19 Pandemic

*Timoshkin, D.O., Pchelkina, D.S.,
Samarin, A.S., Khvorostov, V.V., Tomilin, R.V.*

25–50 Social Media as a Mechanism for Developing and Reproducing Migration Strategies (Using the Example of Digital Platform Profiles of Russian-Speaking Migrants in Korea).

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Gavrilyuk, T.V., Pogodaeva, T.V.

51–73 Transitioning to Individual Learning Paths in the Opinions of Students and Teachers: the Case of the University of Tyumen

HISTORY OF SOCIOLOGY

Shmerlina, I.A.

74–100 Slavophile Philosophy and the Subjective School in Sociology: An Experience of Comparative Analysis

SOCIOLOGISTS ABOUT SOCIOLOGISTS

Poghosyan, G.A.

101–109 “For many of us, Gennady Batygin was a Sort of Guide to the World of High Professional Sociology”. Interview Prepared by *D.M. Rogozin*

INVITATION TO DISCUSSION

- Grinin, L.E., Grinin, A.L., Korotayev, A.V.*
110–131 Aging of the Global Population
as an Integral Problem of the Future
- Dezhina, I.G.*
132–149 Russia’s Science Policy in 2018–2022:
Controversial Signals

ACADEMIC LIFE

ON THE 100TH ANNIVERSARY OF LEV N. KOGAN

- Malikova, N.N., Zborovsky, G.E.*
150–169 A Sociologist as an Object of Museum Discourse

REVIEWS, SUMMARIES

- Poplavskaya, A.A.*
170–182 Freelance — Freedom “from” or “for”?
Book Review: Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Chto my
znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti.
[What do we know about Freelancers? Sociology of
Free Employment.] Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly
ekonomiki publ., 2022
- Litvintsev, D.B.*
183–191 Household vs Institutional. Reflecting on the Book
“Deprivation of Liberty in the Shadows of Institutions”
by L. Series.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.1

EDN: CGYQPQ

В.И. КОРСУНОВА¹, Б.О. СОКОЛОВ¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

192171, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2.

ДИНАМИКА ПОДДЕРЖКИ ЭМАНСИПАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ В ХОДЕ ПАНДЕМИИ COVID-19¹

Аннотация. В статье исследуется групповая и индивидуальная динамика эмансипативных ценностей в России во время пандемии коронавируса, а также анализируется связь эмансипативных ценностей и личного опыта пандемии. Материалы трех волн лонгитюдного исследования «Ценности в кризисе» показывают незначительный рост поддержки ценностей выбора и такое же незначительное снижение поддержки ценностей равенства с июня 2020 г. по декабрь 2021 г. Помимо этого, результаты исследования свидетельствуют о том, что обеспокоенность возможными экономическими последствиями пандемии приводит к росту поддержки ценностей равенства, тогда как личный опыт экономических проблем в период пандемии — к ее снижению. В то же время ни опыт заболевания коронавирусом, ни обеспокоенность возможными рисками для здоровья в период пандемии не оказывают влияния на ценности равенства. В случае ценностей выбора значимых коррелятов среди перечисленных факторов выявлено не было. В целом эмансипативные ценностные ориентации оказались устойчивыми к ухудшению жизненных условий в краткосрочной перспективе — как на социальном, так и на индивидуальном уровне.

Ключевые слова: эмансипативные ценности; ценности выбора; ценности равенства; COVID-19; «Ценности в кризисе».

Для цитирования: Корсунова В.И., Соколов Б.О. Динамика поддержки эмансипативных ценностей в России в ходе пандемии COVID-19 // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. с. 8–24. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.1 EDN: CGYQPQ

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (номер соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Введение

Пандемия COVID-19 привела к масштабным социальным изменениям и снижению уровня жизни практически во всем мире. Число заболевших исчисляется сотнями миллионов; несколько миллионов человек умерло, а многие из выздоровевших не восстановились до конца. Почти во всех странах произошел экономический спад, выросли безработица, неравенство и уровень бедности. Неопределенность, порожденная быстрым распространением новой инфекции, имеющей высокие коэффициенты контагиозности и летальности [28; 31], привела к росту тревожности и подавленности [20; 24; 29]. Связанные с пандемией социальные ограничения, такие как самоизоляция, изменение режима работы, а зачастую и ее потеря, также сказались на психологическом состоянии людей [25; 27; 34].

Пандемия повлияла в том числе на жизненные приоритеты и ценностные ориентации граждан. Подобные свидетельства имеются, например, для базовых ценностей Шварца [30] (которые в целом чувствительны к кризисным ситуациям [21; 22; 33]). Так, в ходе пандемии наблюдалось распространение ценностей сохранения [18; 19] и снижение поддержки ценностей самоутверждения [16; 21], открытости изменениям [19] и заботы о других [21].

В то же время отсутствуют данные о том, как коронавирусный кризис воздействовал на другую важную категорию ценностей, а именно на постматериалистические/эмансипативные ценности [6; 3]. С точки зрения теории модернизации Инглхарта – Вельцеля, ценностные установки являются устойчивыми на протяжении жизни индивида, однако для массового распространения эмансипативных ориентаций в обществе требуется постоянный рост благосостояния и безопасности, тогда как в условиях пандемии происходил обратный процесс.

Основная цель данной работы — рассмотрение динамики эмансипативных ценностей в России в ходе пандемии COVID-19, а также оценка того, как повлиял на ценностные установки граждан РФ опыт столкновения с различными жизненными трудностями во время коронавирусного кризиса. Для этого используются результаты трех волн международного панельного онлайн-исследования «Ценности в кризисе».

Эмансипативные ценности и культурная модернизация

Концепция эмансипативных ценностей отражает то, насколько важны для отдельных индивидов или целых сообществ свобода выбора и равенство возможностей [3, с. 32]. Концепция была предложена К. Вельцелем в рамках развития теории модернизации, разработанной Р. Инглхартом. Эта теория утверждает, что одним из ключевых индикаторов общественного развития является постепенная смена преобладающих ценностных установок — с ценностей выживания (в фокусе которых находятся материальное благополучие и физическая безопасность, а также имплицитное представление о допустимости социального неравенства и ограничения индивидуальных свобод)

на эмансипативные² [3; 6]. Вельцель выделяет четыре основных вида эмансипативных ценностей: личной независимости («автономия»), свободы слова и политического участия («голос»), сексуальной и репродуктивной свободы («выбор») и гендерного равенства на рынке труда, в образовании и политике («равенство»).

Ценности конкретных индивидов обуславливаются в первую очередь условиями жизни в момент взросления (т. н. «гипотеза социализации»). Если детство и юность человека приходятся на тяжелые времена, когда общий уровень благосостояния низок, он с большой вероятностью станет носителем ценностей выживания (т. н. «гипотеза дефицита»). Людям, растущим в более благоприятных условиях, не нужно заботиться о физическом выживании на повседневной основе, благодаря чему они в большей степени ценят нематериальные аспекты качества жизни. В силу этого для них становятся важными такие ценности, как равенство, личная свобода, права человека и демократия [6]. Подобные изменения объясняются через понятие «лестницы полезности свобод» (англ. *utility ladder of freedoms*): по достижении определенного уровня экономического развития равенство и свобода становятся выгодными «активами», повышающими жизненные шансы индивида, и поэтому усваиваются в качестве ценностей большим количеством людей [3, с. 33].

Теория модернизации в версии Инглхарта — Вельцеля предполагает, что с ростом благосостояния в обществе должен увеличиваться и средний уровень поддержки эмансипативных ценностей. Вместе с тем теория не отрицает возможности возвращения к более консервативным установкам при определенных условиях. В частности, усиление экономического неравенства может приводить к обратному распространению ценностей выживания [26]. Непонятно, однако, насколько сильным и долгосрочным должно быть снижение уровня жизни для того, чтобы переломить долгосрочный эмансипативный тренд в общественных настроениях, наблюдаемый по всему миру.

Что касается стабильности/изменчивости личных ценностных установок, то они, как полагают, сформировавшись в подростковом периоде, остаются стабильными на протяжении жизненного цикла. Впрочем, эмпирических исследований по данному вопросу очень мало, поэтому степень устойчивости персональных проэмансипативных позиций к ухудшению жизненных условий также остается неясной.

Пандемия коронавируса позволяет проверить, как масштабный социальный и экономический кризис влияет на ориентации отдельных

² В ранних версиях теории модернизации (в основном в работах Инглхарта) использовались термины «материалистические ценности» / «постматериалистические ценности» и «ценности выживания» / «ценности самовыражения». Понятие эмансипативных ценностей является более широким и в плане операционализации включает постматериалистические ценности и отдельные показатели ценностей самовыражения как частные индикаторы [3, с. 93–94].

людей и на распространенность эмансипативных ценностей в обществе в целом. Предыдущие исследования свидетельствуют о росте консервативных настроений в течение пандемии [18; 21], в частности о некотором снижении распространенности ценностей открытости изменениям³ [19]. Исходя из этого есть основания предполагать, что пандемия могла привести к снижению среднего уровня популярности эмансипативных ценностей, а личный негативный опыт в ходе пандемии — к падению индивидуальной поддержки гендерного равенства и ценностей выбора.

COVID-19 в России

Первые случаи COVID-19 в России были зафиксированы в конце января 2020 г. С тех пор, согласно официальным статистическим данным, заразилось свыше 21 млн человек; более 390 тыс. скончались⁴. При этом исследователи отмечают рост показателя смертности населения на 17 п. п. уже в первый год пандемии [4]. Помимо повышенной смертности, пандемия вызвала и другие демографические изменения: уменьшение числа браков [14], увеличение числа разводов [1], отложенное деторождение [7; 8].

Также обострились экономические проблемы, такие как неравенство доходов граждан [15], безработица, закрытие предприятий малого и среднего бизнеса [5]. В особенности кризис затронул благосостояние женщин, так как они составляют большую часть занятых в наиболее пострадавших от пандемии секторах экономики [12]. В частности, отмечается рост доли женщин, перешедших на неполный рабочий день [10; 12]. Кроме того, вырос уровень домашнего насилия [2; 9].

Социальные и экономические неурядицы отразились и на психологическом состоянии населения: возросла обеспокоенность граждан по поводу последствий пандемии для их здоровья и экономического благополучия [13; 11]. Таким образом, в России, как и в других странах, сложились условия, потенциально способствующие снижению поддержки эмансипативных ценностей.

Данные

Для того чтобы понять, как пандемия на самом деле повлияла на ценности населения РФ, были использованы результаты панельного онлайн-опроса, проводившегося в рамках международного проекта «Ценности в кризисе» (Values in crisis). «Ценности в кризисе» (ЦВК) — это масштабное сравнительное социологическое исследование, охватывающее около двух десятков стран и нацеленное на изучение социальных последствий пандемии [17]. В силу своего лонгитюдного характера

³ Данный тип базовых ценностей, по Шварцу, коррелирует с эмансипативными ценностями [23].

⁴ Оперативные данные. Коронавирус COVID-19. — URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/information/> (дата обращения 01.04.2023).

ЦВК позволяет проследить изменения (или отсутствие таковых) в ценностных ориентациях населения в различные периоды пандемии.

К настоящему моменту в России прошли три этапа исследования. Данные всех трех волн были собраны компанией OMI (Online Market Intelligence) — ведущим отечественным маркетинговым агентством. Респонденты отбирались среди участников онлайн-панелей «Анкетка» и «МоеМнение» (сертифицированы по стандарту ISO 20252:2019). На первом этапе формирования выборки были заданы квоты по полу и возрасту (в соответствии с переписью 2010 г.); на втором этапе использовался случайный отбор. Первая волна ЦВК прошла в июне 2020 г.⁵ (размер выборки составил 1527 респондентов), вторая — в апреле и мае 2021 г.⁶ (1200 респондентов), третья — в ноябре и декабре 2021 г.⁷ (1205 респондентов). Стоит отметить, что из-за типичной для панельных опросов проблемы выбытия во всех трех волнах принял участие только 761 респондент. Чаще прекращали участие в исследовании женщины, молодые люди, а также лица с низким уровнем образования⁸. Ушедшие участники заменялись новыми для сохранения установленных квот.

Использованные в анализе показатели представлены в таблице 1. В качестве зависимых переменных выступили два из четырех типов эмансипативных ценностей, а именно ценности выбора и ценности равенства⁹, измеренные по методике К. Вельцеля [3, с. 86–95]. Данные конструкторы представляют собой индексы, рассчитанные как арифметические средние ответов на соответствующие вопросы. Оба индекса были приведены к шкале от 0 до 1, где 0 означает наименьшую поддержку соответствующих ценностей, а 1 — наибольшую.

⁵ Понарин Э.Д., Климова А.М., Соколов Б.О. Values in Crisis-International / Ценности в кризис (данные по российской выборке). 2020 г. — URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=DB&DocNumber=2021622511&TypeFile=html (дата обращения 02.06.2023).

⁶ Понарин Э.Д., Соколов Б.О., Климова А.М. Values in Crisis-International / Ценности в кризис (данные по российской выборке). 2021 г. — URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=DB&DocNumber=2021622861&TypeFile=html (дата обращения 02.06.2023).

⁷ Понарин Э.Д., Соколов Б.О., Климова А.М. Values in Crisis-International / Ценности в кризис (данные по российской выборке). Осень 2021 г. — URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=DB&DocNumber=2023620890&TypeFile=html (дата обращения 02.06.2023).

⁸ Чтобы скорректировать недостаточную репрезентативность выборки относительно генеральной совокупности, на основании данных переписи 2010 г. (по таким переменным, как пол, возраст, образование и место жительства) были рассчитаны веса, которые затем использовались в регрессионном анализе.

⁹ Для анализа были отобраны эти два компонента, так как они демонстрируют лучшие измерительные свойства [32].

Таблица 1

Описание использованных переменных

Зависимые переменные	Независимые переменные	Контрольные переменные
<p><i>Ценности выбора:</i> «Далее представлены некоторые действия. Для каждого из них отметьте, насколько, по Вашему мнению, это действие может быть оправдано?»: аборт гомосексуальность развод 1 — «никогда не может быть оправдано» 10 — «всегда может быть оправдано»</p> <p><i>Ценности равенства:</i> «Насколько Вы согласны или не согласны с каждым из следующих утверждений?»: «В целом мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины» «Высшее образование важнее для мальчика, чем для девочки» «Когда рабочих мест недостаточно, мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины» 1 — «абсолютно не согласен (-а)» 4 — «полностью согласен (-а)»</p>	<p><i>Личный опыт болезни:</i> «Учитывая состояние Вашего здоровья в период пандемии¹⁰ коронавируса, происходило ли с Вами какое-либо из следующих событий?»: «Я получил (-а) положительный результат теста на коронавирус» «У меня / моих близких есть/были легкие симптомы коронавируса» «У меня / моих близких есть/были тяжелые симптомы коронавируса»</p> <p><i>Личный опыт экономических проблем:</i> «Происходило ли с Вами следующее во время пандемии коронавируса?»¹¹: «Я потерял (-а) работу» «Я был (-а) вынужден (-а) закрыть свой бизнес» «Я был (-а) вынужден (-а) перейти на неполный рабочий день»</p> <p><i>Обеспокоенность последствиями пандемии для здоровья:</i> «Насколько Вы сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса?»: 1 — «совсем не беспокоюсь» 5 — «очень беспокоюсь»</p> <p><i>Обеспокоенность экономическим спадом, вызванным пандемией:</i> «Насколько Вы сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие пострадают от экономического спада, вызванного коронавирусом?»: 1 — «совсем не беспокоюсь» 5 — «очень беспокоюсь»</p>	<p><i>Пол:</i> мужской, женский <i>Возраст</i> <i>Образование:</i> есть высшее образование, нет высшего образования <i>Уровень дохода:</i> 1 — «менее 12 000 в месяц», 10 — «более 80 000 в месяц» <i>Место жительства:</i> город, село <i>Религиозность:</i> «Независимо от того, посещаете ли Вы религиозные службы или нет, Вы»: религиозны, не религиозны, атеист <i>Уровень субъективного благополучия:</i> «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?»: 1 — совсем не удовлетворен (-а), 10 — полностью удовлетворен (-а)</p>

¹⁰ Таким образом был сформулирован вопрос в первой волне ЦВК. В последующих волнах вопрос задавался относительно промежутка времени между текущей волной и предыдущей. Например, во второй волне вопрос был сформулирован следующим образом: «Происходило ли с Вами какое-либо из следующих событий в период с июня 2020 года?»

¹¹ Как и в случае с опытом болезни, таким образом был сформулирован вопрос в первой волне ЦВК. В последующих волнах вопрос задавался относительно промежутка времени между текущей волной и предыдущей. Например, во второй волне вопрос был сформулирован следующим образом: «Происходило ли с Вами какое-либо из следующих событий в период с июня 2020 года?»

Основными независимыми переменными являлись следующие индикаторы опыта пандемии: прямое столкновение (1) с болезнью (респондент болел сам или болели его близкие) или (2) негативными экономическими последствиями коронавирусного кризиса (потеря работы / бизнеса), а также уровень тревожности относительно (3) рисков для здоровья самого респондента или его близких и (4) возможного ухудшения благосостояния респондента или его близких. Первые два показателя ретроспективно фиксируют снижение качества жизни в его объективном материальном измерении (ухудшение здоровья и финансового положения), тогда как вторые два отражают проспективные ожидания негативных эффектов пандемии, которые тем не менее могут сказываться на текущем психологическом состоянии и отрицательно воздействовать на субъективные оценки качества жизни. В обоих случаях соответствующий опыт может ассоциироваться с более низким уровнем поддержки ценностей выбора и равенства.

Опыт пандемии

В таблице 2 приведены доли респондентов, имевших личный негативный опыт, связанный с пандемией COVID-19. Результаты свидетельствуют о снижении роста доли респондентов, испытавших экономические проблемы, во 2-й и 3-й волнах. Вместе с тем доля столкнувшихся с коронавирусом респондентов растет: в 3-й волне таковых было больше 60%.

Таблица 2

Доли респондентов, имевших негативный опыт во время пандемии, %

Опыт пандемии	В1*	В2	В3	П1	П2	П3
Болезнь	12,9 (N=197)	52,3 (N=627)	62,7 (N=744)	13,1 (N=100)	50,5 (N=384)	58,4 (N=445)
Потеря работы	21,9 (N=334)	19,4 (N=233)	15,2 (N=183)	20,1 (N=153)	19,4 (N=148)	15,0 (N=114)

Примечание: *В1, В2, В3 — полные данные по соответствующим волнам, П1, П2, П3 — данные панели (только респонденты, участвовавшие во всех трех волнах исследования).

Что касается обеспокоенности последствиями пандемии, то на протяжении всего рассматриваемого периода уровень обоих типов тревожности (по поводу здоровья и благосостояния) оставался высоким (3,7–4 по шкале от 1 до 5; см. табл. 3).

Таблица 3

Средние значения обеспокоенности последствиями пандемии

Обеспокоенность последствиями пандемии:	В1*	В2	В3	П1	П2	П3
последствиями для здоровья	3,7 (1,2)	3,8 (1,1)	3,9 (1,1)	3,7 (1,2)	3,8 (1,1)	3,9 (1,1)
экономическим спадом	4,0 (1,1)	3,9 (1,1)	3,9 (1,1)	4,0 (1,1)	3,9 (1,1)	4,0 (1,1)

Примечание: *В1, В2, В3 — полные данные по соответствующим волнам, П1, П2, П3 — данные панели (только респонденты, участвовавшие во всех трех волнах исследования). В скобках указаны стандартные отклонения.

Динамика эмансипативных ценностей

В таблице 4 показаны средние значения ценностей выбора и равенства, а также отдельные вопросы, используемые для их расчета, в трех волнах исследования. В целом ценности выбора менее распространены, чем ценности равенства. При этом в динамике средние значения по первому конструкту незначительно выросли, в то время как по второму — снизились. Изменения произошли в основном за счет двух частных показателей: отношение к абортам несколько улучшилось (наиболее заметный рост наблюдается между 1-й и 2-й волнами), а поддержка гендерного равенства на рынке труда снизилась.

Таблица 4

Средние значения показателей ценностей выбора и равенства

Переменная	В1*	В2	В3	П1	П2	П3	
Выбор	гомосексуальность	0,22 (0,33)	0,22 (0,32)	0,22 (0,33)	0,21 (0,32)	0,21 (0,32)	0,20 (0,31)
	аборт	0,46 (0,33)	0,50 (0,33)	0,51 (0,32)	0,47 (0,32)	0,51 (0,33)	0,53 (0,31)
	развод	0,69 (0,29)	0,68 (0,29)	0,69 (0,30)	0,68 (0,29)	0,68 (0,29)	0,70 (0,29)
	индекс	0,46 (0,25)	0,47 (0,25)	0,48 (0,25)	0,47 (0,25)	0,47 (0,25)	0,48 (0,24)
Равенство	на рынке труда	0,68 (0,28)	0,67 (0,28)	0,66 (0,28)	0,69 (0,27)	0,67 (0,28)	0,65 (0,29)
	в политике	0,48 (0,28)	0,48 (0,28)	0,48 (0,28)	0,47 (0,28)	0,48 (0,28)	0,46 (0,28)
	в образовании	0,69 (0,27)	0,69 (0,27)	0,69 (0,26)	0,70 (0,27)	0,68 (0,28)	0,68 (0,27)
	индекс	0,62 (0,22)	0,61 (0,23)	0,61 (0,23)	0,61 (0,22)	0,61 (0,23)	0,60 (0,23)

Примечание: *В1, В2, В3 — полные данные по соответствующим волнам, П1, П2, П3 — данные панели (только респонденты, участвовавшие во всех трех волнах исследования). В скобках указаны стандартные отклонения.

Индивидуальные изменения в эмансипативных ценностях

На рисунке представлены индивидуальные изменения в ценностях выбора и равенства в ходе пандемии (рассчитанные как разность между индивидуальными значениями ценностных индексов в соответствующих волнах). Значения 0 в данном случае соответствуют отсутствию динамики, положительные — увеличению поддержки ценностей выбора/равенства респондентом, а отрицательные — ее снижению.

Несмотря на наличие отдельных респондентов, кардинально менявших взгляды, для большинства характерна незначительная вариация в ценностных ориентациях. В целом за время пандемии между

1-й и 3-й волнами исследования поддержка ценностей выбора выросла у 45,7% респондентов, осталась неизменной у 18,1% и снизилась у 36,1%. Поддержка ценностей равенства выросла у 29,8% опрошенных, не изменилась у 30,9% и снизилась у 39,3%.

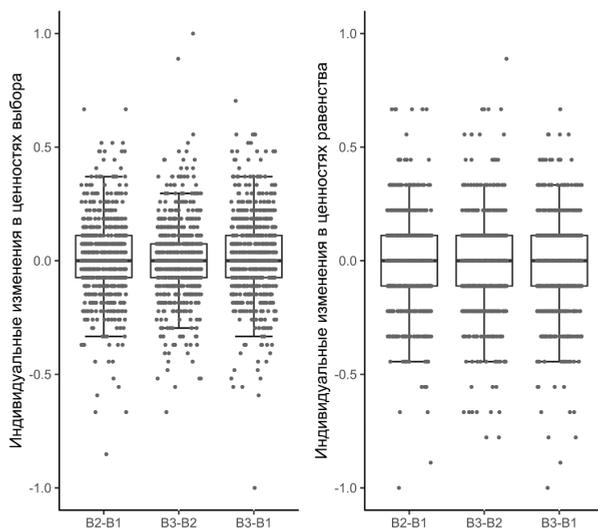

Рис. Индивидуальные изменения в эмансипативных ценностях

В таблице 5 показаны изменения популярности ценностей выбора и равенства среди имевших личный негативный опыт в течение пандемии и среди не имевших такового¹². Эти результаты свидетельствуют о том, что экономические проблемы не связаны с изменениями популярности ценностей выбора. В то же время среди имевших опыт заболевания доля тех, у кого выросла поддержка ценностей выбора (47,5%), выше в сравнении с теми, у кого подобного опыта не было (41,5%). Однако данные различия значимы только при $\alpha = 10\%$ (р-значение биномиального теста равно 0,07).

Вместе с тем опыт потери работы в течение пандемии связан с динамикой поддержки ценностей равенства. Среди потерявших работу больше тех, у кого выросла поддержка ценностей равенства (34,1% против 27,6% среди тех, у кого подобного опыта не было), и меньше тех, у кого она снизилась (35,8% против 41,1%). Данные различия статистически значимы (р-значения биномиального теста меньше 0,05). При этом изменения в поддержке ценностей равенства не коррелируют с опытом болезни.

¹² Имевшими опыт болезни/потери работы считались те, кто утвердительно ответил на соответствующие вопросы хотя бы раз в течение трех опросов. Динамика ценностей выбора и равенства рассчитывалась как разница между значениями ценностей в 3-й и 1-й волнах.

Таблица 5

Динамика эмансипативных ценностей в зависимости от опыта в течение пандемии, %

Опыт пандемии	Ценности выбора			Ценности равенства		
	Ниже	Не изменились	Выше	Ниже	Не изменились	Выше
Опыт болезни был	34,9 (N=186)	17,6 (N=94)	47,5 (N=253)	39,1 (N=208)	30,1 (N=160)	30,8 (N=164)
Опыта болезни не было	39,2 (N=85)	19,3 (N=42)	41,5 (N=90)	40,0 (N=84)	32,8 (N=69)	27,1 (N=57)
Опыт потери работы был	34,7 (N=85)	19,6 (N=48)	45,7 (N=112)	35,8 (N=88)	30,1 (N=74)	34,1 (N=84)
Опыта потери работы не было	36,8 (N=186)	17,4 (N=88)	45,7 (N=231)	41,1 (N=204)	31,2 (N=155)	27,6 (N=137)

Примечание: панельные данные по 761 респонденту, указан процент по строке.

Также были оценены корреляции между изменениями в ценностных установках и обеспокоенностью последствиями пандемии. Значимых результатов в этом отношении обнаружить не удалось.

В таблице 6 представлены результаты многомерного регрессионного анализа связи различных аспектов опыта пандемии и поддержки ценностей выбора в трех волнах исследования. Согласно этим моделям, при контроле на влияния других переменных ни личный негативный опыт, ни обеспокоенность последствиями пандемии не были связаны с ценностями выбора ни в одной из волн исследования.

Таблица 6

Связь опыта пандемии и поддержки ценностей выбора (линейная регрессия)

Предикторы	Волна 1		Волна 2		Волна 3	
	β (CO)	p	β (CO)	p	β (CO)	p
Болезнь	-0,00 (0,02)	0,99	0,00 (0,02)	0,80	-0,01 (0,02)	0,41
Потеря работы	0,03 (0,02)	0,19	-0,02 (0,02)	0,29	0,02 (0,02)	0,38
Тревожность: здоровье	-0,00 (0,01)	0,75	-0,01 (0,01)	0,33	-0,00 (0,01)	0,81
Тревожность: благосостояние	0,02 (0,01)	0,07	0,00 (0,01)	0,91	0,01 (0,01)	0,58
N	736		741		743	
R ² / R ² скоррект.	0,166 / 0,152		0,175 / 0,162		0,148 / 0,134	

Примечание: коэффициенты для контрольных переменных (пол, возраст, уровень образования, уровень дохода, место жительства, уровень субъективного благополучия и религиозность), перечисленных в таблице 1, не показаны в целях экономии места.

Иная картина наблюдается в отношении ценностей равенства (табл. 7). В начале пандемии ни личный опыт, ни обеспокоенность возможными негативными последствиями не были связаны с поддержкой гендерного равенства. Однако в третьей волне опроса опыт экономических проблем демонстрирует отрицательную ассоциацию с ценностями равенства, а обеспокоенность экономическим спадом — положительную (хотя размер эффекта в обоих случаях совсем небольшой: соответствующие коэффициенты равны $-0,06$ и $0,02$ по шкале от 0 до 1). Таким образом, тревожность и личный опыт по-разному влияют на поддержку ценностей равенства, причем эти эффекты проявляются, видимо, лишь со временем.

Таблица 7

Связь опыта пандемии и поддержки ценностей равенства (линейная регрессия)

Предикторы	Волна 1		Волна 2		Волна 3	
	β (CO)	p	β (CO)	p	β (CO)	p
Болезнь	0,04 (0,02)	0,09	-0,02 (0,02)	0,17	0,00 (0,02)	0,91
Потеря работы	-0,03 (0,02)	0,11	0,02 (0,02)	0,41	-0,06 (0,02)	0,01
Тревожность: здоровье	-0,01 (0,01)	0,10	0,00 (0,01)	0,98	-0,00 (0,01)	0,73
Тревожность: благополучие	0,01 (0,01)	0,08	0,01 (0,01)	0,53	0,02 (0,01)	0,01
N	739		736		731	
R ² / R ² скоррект.	0,129 / 0,115		0,132 / 0,118		0,168 / 0,154	

Примечание: коэффициенты для контрольных переменных (пол, возраст, уровень образования, уровень дохода, место жительства, уровень субъективного благополучия и религиозность), перечисленных в таблице 1, не показаны в целях экономии места.

Заключение

Теория модернизации Инглхарта — Вельцеля предполагает стабильность ценностных установок на протяжении жизненного цикла индивида. Однако необходимым условием для формирования эмансипативных ценностей является высокий уровень материального благополучия (включая состояние здоровья). Пандемия COVID-19 создала существенные риски для физической безопасности, а также привела к росту тревожности в обществе и разнообразным неблагоприятным экономическим последствиям, тем самым создав предпосылки для отката к ценностям выживания.

Данные трех волн панельного опроса «Ценности в кризисе» показывают, что в России такого отката пока не произошло: значимых изменений в средних показателях поддержки ценностей выбора и ценностей равенства за период с июня 2020 г. по декабрь 2021 г. выявлено не было. На индивидуальном уровне наблюдается некоторая изменчивость установок, но и там доли тех, кто изменил свои взгляды в консервативном и в либеральном направлениях, уравниваются друг друга.

Впрочем, следует отметить разницу в направлении трендов поддержки двух измерений эмансипативных ценностей: поддержка ценностей выбора немного (пусть и статистически незначимо) выросла, а ценностей равенства — снизилась. Подобная динамика объясняется улучшением отношения к абортам и ростом неприятия гендерного равенства на рынке труда — по другим ценностным индикаторам существенных изменений не наблюдалось.

Ни личный опыт болезни, ни тревожность по поводу здоровья значимо не связаны с эмансипативными ценностями. Потеря работы во время пандемии и обеспокоенность экономическим спадом не оказывают влияния на поддержку ценностей выбора, но связаны с ценностями равенства: первый показатель способствует росту популярности эгалитарных установок, тогда как второй — снижению. При этом выявленные связи являются значимыми только в последней волне исследования. Можно предположить, что последствия пандемии потенциально имеют отложенный эффект и проявятся позже.

С точки зрения теории модернизации полученные результаты неоднозначны. Прежде всего отсутствие заметных изменений в средних и индивидуальных значениях ценностных индексов подтверждает тезис о стабильности ориентаций как минимум в краткосрочной перспективе. Вместе с тем обнаруженные тренды показывают противоположную динамику двух видов эмансипативных ценностей. Кроме того, на индивидуальном уровне имеются свидетельства возможности изменения поддержки ценностей равенства под влиянием негативных экономических условий. В частности, непосредственное ухудшение материального положения (потеря работы/бизнеса) негативно сказывается на поддержке гендерного равенства. Положительное воздействие тревожности на поддержку ценностей равенства, в свою очередь, заставляет предположить, что в условиях высокой неопределенности в качестве эмансипирующего фактора выступают скорее перспективные, чем ретроспективные соображения.

Представленный анализ имеет ряд ограничений. Использование онлайн-выборки (в которой изначально в меньшей степени представлены пожилые, малообразованные и сельские жители) и последующее выбытие респондентов не позволяют экстраполировать выявленные закономерности на все население России, не говоря уже о жителях других стран. Впрочем, Инглхарт и Вельцель свою теорию рассматривают в качестве универсальной модели культурной эволюции. В этом плане результаты для России не должны сильно отличаться от результатов для других обществ (по крайней мере — с похожим уровнем социально-экономического развития и сопоставимым контекстом пандемии), хотя данное утверждение, разумеется, требует дальнейшей эмпирической проверки. Кроме того, используемые индикаторы опыта пандемии отражают не все возможные негативные события, которые могли отразиться на приоритетах респондентов. Наконец, в регрессионном анализе связь между опытом пандемии и ценностными установками оценивалась синхронно, что — вкупе с достаточно коротким временным покрытием панели (полтора года) — ограничивает возможность отследить отложенные эффекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бессонова Л.П.* Пандемия коронавируса и ее влияние на демографические процессы и качество жизни в России // Human Progress. 2020. Т. 6. № 4. С. 1–15. DOI: 10.34709/IM.164.3 EDN: TZJMFO
2. *Бессчетнова О.В.* Проблема домашнего насилия в пандемию COVID-19: кто виноват и что делать? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2021. Т. 21. № 3. С. 283–288. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-3-283-288 EDN: GDUXDX
3. *Вельцель К.* Рождение свободы / Под ред. Э.Д. Понарина, О.А. Оберемко; Пер. с англ. А.В. Лисовского. М.: АО «ВЦИОМ», 2018. — 403 с.
4. *Дружинин П.В., Молчанова Е.В., Подлевских Ю.Л.* Влияние пандемии COVID-19 на смертность населения российских регионов // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2021. № 7. С. 116–128. DOI: 10.17076/them1421 EDN: ZLPPMJ
5. *Зимовец А.В., Сорокина Ю.В., Ханина А.В.* Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 1337–1350. DOI: 10.18334/epw.10.5.110126 EDN: VSCOMI
6. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С.Л. Лопатиной, под ред. М.А. Завадской, В.В. Костенко, А.А. Широкановой; Науч. ред. Э.Д. Понарин. М.: Мысль, 2018. — 347 с.
7. *Казенин К.И.* Рождаемость в России в 2020 г.: региональная динамика // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 3. С. 50–54. EDN: EPURMT
8. *Макаренцева А.О.* Динамика вступления в материнство в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 1. С. 162–182. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182 EDN: PVENWU
9. *Пахомова Я.А.* Пока все дома: домашнее насилие в период пандемии COVID-19 // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 373–384. EDN: CNIHTH
10. *Печенкина Е.Д.* Гендерное неравенство в России и странах Запада: усугубление ситуации во время пандемии COVID-19 // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5. № 3. С. 381–390. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-3-381-390 EDN: VZNAIA
11. *Потравная Е.В., Слепцов А.Н.* Влияние пандемии коронавируса на жизнь арктических регионов в оценках населения // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 144–147. DOI: 10.31857/S013216250009621-6 EDN: UGAQWD
12. *Пряжникова О.Н.* Пандемия COVID-19 и усиление гендерного неравенства // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология: Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 66–74. DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.06 EDN: TLWNQC
13. *Решетников А.В. и др.* Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143. DOI: 10.31857/S013216250009481-2 EDN: TSLSRP
14. *Русанова Н.Е.* Пандемия COVID-19 и «эпидемия неинфекционных заболеваний»: демографические ответы // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник: Материалы XX Национальной научной конференции с международным участием. Вып. 16. Часть 1. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 749–751.

15. *Шеремет А.Н.* Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID-19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 4. С. 136–141. EDN: FALKNO
16. *Aschauer W., Prandner D., Glatz C.* Österreich in der ersten Phase der Covid-19-Pandemie // Die österreichische Gesellschaft während der Corona-Pandemie. Wiesbaden: Springer, 2022. P. 1–27.
17. *Aschauer W., et al.* Values in Crisis International (SUF edition). 2021 // AUSSDA – The Austrian Social Science Data Archive DOI: 10.11587/LIHKIL
18. *Bojanowska A., et al.* Changes in values and well-being amidst the COVID-19 pandemic in Poland // PloS one. 2021. Vol. 16. No. 9. DOI: 10.1371/journal.pone.0255491 EDN: GZUFLH
19. *Bonetto E., et al.* Basic human values during the COVID-19 outbreak, perceived threat and their relationships with compliance with movement restrictions and social distancing // PLoS One. 2021. Vol. 16. No. 6. DOI: 10.1371/journal.pone.0253430
20. *Choi E.P.H., Hui B.P.H., Wan E.Y.F.* Depression and anxiety in Hong Kong during COVID-19 // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17. No. 10. Article 3740. DOI: 10.3390/ijerph17103740
21. *Daniel E., et al.* Changes in personal values in pandemic times // Social Psychological and Personality Science. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 572–582. DOI: 10.1177/19485506211024026
22. *Daniel E., et al.* Brief report: Early adolescents' value development at war time // Journal of Adolescence. 2013. Vol. 36. No. 4. P. 651–655. DOI: 10.1016/j.adolescence.2013.03.009
23. *Dobewall H., Rudnev M.* Common and unique features of Schwartz's and Inglehart's value theories at the country and individual levels // Cross-Cultural Research. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 45–77. DOI: 10.1177/1069397113493584
24. *Fazeli S., et al.* Depression, anxiety, and stress mediate the associations between internet gaming disorder, insomnia, and quality of life during the COVID-19 outbreak // Addictive Behaviors Reports. 2020. No. 12. Article 100307. DOI: 10.1016/j.abrep.2020.100307
25. *Heo S., et al.* Impact of changed use of greenspace during COVID-19 pandemic on depression and anxiety // International journal of environmental research and public health. 2021. No. 18 (11). Article 5842. DOI: 10.3390/ijerph18115842
26. *Inglehart R., Norris P.* Trump and the populist authoritarian parties: the silent revolution in reverse // Perspectives on Politics. 2017. Vol. 15. No. 2. P. 443–454. DOI: 10.1017/S1537592717000111
27. *Koopmann A., et al.* The effects of the lockdown during the COVID-19 pandemic on alcohol and tobacco consumption behavior in Germany // European Addiction Research. 2021. Vol. 27. No. 4. P. 242–256. DOI: 10.1159/000515438
28. *Lai C.C., et al.* Severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 (SARS-CoV-2) and coronavirus disease-2019 (COVID-19): The epidemic and the challenges // International Journal of Antimicrobial Agents. 2020. Vol. 55. No. 3. Article 105924. DOI: 10.1016/j.ijantimicag.2020.105924
29. *Nochaiwong S., et al.* Global prevalence of mental health issues among the general population during the coronavirus disease-2019 pandemic: a systematic review and meta-analysis // Scientific Reports. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 1–18. DOI: 10.1038/s41598-021-89700-8
30. *Schwartz S.H.* An overview of the Schwartz theory of basic values // Online readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2. No. 1. Article 11. DOI: 10.9707/2307-0919.1116
31. *Shereen M.A., et al.* COVID-19 infection: Emergence, transmission, and characteristics of human coronaviruses // Journal of advanced research. 2020. No. 24. P. 91–98. DOI: 10.1016/j.jare.2020.03.005

32. Sokolov B. The index of emancipative values: Measurement model misspecifications // *American Political Science Review*. 2018. Vol. 112. No. 2. P. 395–408. DOI: 10.1017/S0003055417000624
33. Sortheix F.M., et al. Changes in young Europeans' values during the global financial crisis // *Social Psychological and Personality Science*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 15–25. DOI: 10.1177/1948550617732610
34. Zhao H., et al. COVID-19 infection outbreak increases anxiety level of general public in China: involved mechanisms and influencing factors // *Journal of affective disorders*. 2020. No. 276. P. 446–452. DOI: 10.1016/j.jad.2020.07.085

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Корсунова Виолетта Игоревна — кандидат социологических наук, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, НИУ «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (812) 560-04-43. Электронная почта: vikorsunova@gmail.com

Соколов Борис Олегович — кандидат политических наук, руководитель, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, НИУ «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (812) 560-04-43. Электронная почта: bssokolov@gmail.com

Дата поступления: 09.01.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 2. P. 8–24. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.1

Research Article

VIOLETTA I. KORSUNOVA¹, BORIS O. SOKOLOV¹

¹HSE University.

55, bl. 2, Sedova str., 192171, Saint-Petersburg, Russian Federation.

SUPPORT FOR EMANCIPATIVE VALUES IN RUSSIA DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. We analyze country-wise and individual trends in emancipative values in Russia during the COVID-19 pandemic, as well as the relations between values and various personal COVID-19 pandemic experiences. Using panel data from 3 waves of the “Values in Crisis” survey, we find a tiny increase in choice values and an equally tiny decrease in equality values between June 2020 and December 2021. Negative personal economic experience during the pandemic reduces support for equality values whereas prospective economic concerns are positively, although weakly, associated with equality values. Neither personal experience of COVID-19 nor health-related anxiety are related to support for gender equality. Neither indicator of negative pandemic experience correlates with individual choice values. Overall, emancipative orientations seem to be reluctant to the short-term worsening of living conditions in Russia, both at the societal and the individual levels.

Keywords: emancipative values; choice values; equality values; COVID-19; “Values in Crisis”.

For citation: Korsunova, V.I., Sokolov, B.O. Support for Emancipative Values in Russia during the COVID-19 Pandemic. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 8–24. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.1

REFERENCES

1. Bessonova L.P. The coronavirus pandemic and its influence on demographic processes and quality of life in Russia. *Human Progress*. 2020. Vol. 6. No. 4. P. 1–15. DOI: 10.34709/IM.164.3 (In Russ.)
2. Besschetnova O.V. Family violence in COVID-19 pandemic: who is guilty and what to do? *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya*. 2021. Vol. 21. No. 3. P. 283–288. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-3-283-288 (In Russ.)
3. Vel'tsel' K. Freedom rising. [Russ. ed.: *Rozhdenie svobody*. Ed. by E.D. Ponarin, O.A. Oberemko; Transl. from Eng. by A.V. Lisovskii. Moscow: VTsIOM publ., 2018. 403 p.]
4. Druzhinin P.V., Molchanova E.V., Podlevskikh Yu.L. COVID-19 pandemic effects on mortality rates in Russian regions. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. [Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.] 2021. No. 7. P. 116–128. DOI: 10.17076/them1421 (In Russ.)
5. Zimovets A.V., Sorokina Yu.V., Khanina A.V. COVID-19 pandemic effects on the development of enterprises in Russia. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 2020. Vol. 10. No. 5. P. 1337–1350. DOI: 10.18334/epp.10.5.110126 (In Russ.)
6. Ingkharth R. Cultural evolution: people's motivations are changing, and reshaping the world. [Russ. ed.: *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir*. Transl. from Eng. by S.L. Lopatina, Ed. by M.A. Zavadskaya, V.V. Kostenko, A.A. Shirokanova; Ed. by E.D. Ponarin. Moscow: Mysl' publ., 2018. 347 p.]
7. Kazenin K.I. Birth rate in Russia in 2020: regional dynamics. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii*. 2021. Vol. 28. No. 3. P. 50–54. (In Russ.)
8. Makarentseva A.O. The dynamics of motherhood entry in modern Russia. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 162–182. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182 (In Russ.)
9. Pakhomova Ya.A. While everyone is at home: domestic violence during the covid-19 pandemic. *Voprosy rossiiskoy yustitsii*. 2021. No. 12. P. 373–384. (In Russ.)
10. Pechenkina E.D. Gender inequality in Russia and western countries: aggravation of the situation during the COVID-19 pandemic. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. Vol. 5. No. 3. P. 381–390. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-3-381-390 (In Russ.)
11. Potravnaya E.V., Sleptsov A.N. Impact of the coronavirus pandemic on the life of Arctic regions in population estimates. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. No. 7. P. 144–147. DOI: 10.31857/S013216250009621-6 (In Russ.)
12. Pryazhnikova O.N. The COVID-19 pandemic and growing gender inequality. *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sotsiologiya: Referativnyi zhurnal*. 2021. No. 2. P. 66–74. DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.06 (In Russ.)
13. Reshetnikov A.V., et al. Perception of the COVID-19 pandemic by Moscow residents. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. No. 7. P. 138–143. DOI: 10.31857/S013216250009481-2 (In Russ.)
14. Rusanova N.E. COVID-19 pandemic and 'the epidemic of noncommunicable diseases': demographical responses. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik: Materialy XX Natsional'noi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Iss. 16. Part. 1. Moscow: INION RAN publ., 2021. P. 749–751. (In Russ.)
15. Sheremet A.N. Pandemic of inequality. Socio-economic aspects and consequences of COVID-19. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya*. 2020. No. 4. P. 136–141. (In Russ.)
16. Aschauer W., Prandner D., Glatz C. Österreich in der ersten Phase der Covid-19-Pandemie. *Die österreichische Gesellschaft während der Corona-Pandemie*. Wiesbaden: Springer, 2022. P. 1–27.
17. Aschauer W., et al. Values in Crisis International (SUF edition). 2021. *AUSSDA — The Austrian Social Science Data Archive*. DOI: 10.11587/LIHK1L
18. Bojanowska A., et al. Changes in values and well-being amidst the COVID-19 pandemic in Poland. *PLoS One*. 2021. Vol. 16. No. 9. DOI: 10.1371/journal.pone.0255491

19. Bonetto E., et al. Basic human values during the COVID-19 outbreak, perceived threat and their relationships with compliance with movement restrictions and social distancing. *PLoS One*. 2021. Vol. 16. No. 6. DOI: 10.1371/journal.pone.0253430
20. Choi E.P.H., Hui B.P.H., Wan E.Y.F. Depression and anxiety in Hong Kong during COVID-19. *International journal of environmental research and public health*. 2020. Vol. 17. No. 10. Article 3740. DOI: 10.3390/ijerph17103740
21. Daniel E., et al. Changes in personal values in pandemic times. *Social Psychological and Personality Science*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 572–582. DOI: 10.1177/19485506211024026
22. Daniel E., et al. Brief report: Early adolescents' value development at war time. *Journal of Adolescence*. 2013. Vol. 36. No. 4. P. 651–655. DOI: 10.1016/j.adolescence.2013.03.009
23. Dobewall H., Rudnev M. Common and unique features of Schwartz's and Inglehart's value theories at the country and individual levels. *Cross-Cultural Research*. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 45–77. DOI: 10.1177/1069397113493584
24. Fazeli S., et al. Depression, anxiety, and stress mediate the associations between internet gaming disorder, insomnia, and quality of life during the COVID-19 outbreak. *Addictive Behaviors Reports*. 2020. No. 12. Article 100307. DOI: 10.1016/j.abrep.2020.100307
25. Heo S., et al. Impact of changed use of greenspace during COVID-19 pandemic on depression and anxiety. *International journal of environmental research and public health*. 2021. No. 18 (11). Article 5842. DOI: 10.3390/ijerph18115842
26. Inglehart R., Norris P. Trump and the populist authoritarian parties: the silent revolution in reverse. *Perspectives on Politics*. 2017. Vol. 15. No. 2. P. 443–454. DOI: 10.1017/S1537592717000111
27. Koopmann A., et al. The effects of the lockdown during the COVID-19 pandemic on alcohol and tobacco consumption behavior in Germany. *European Addiction Research*. 2021. Vol. 27. No. 4. P. 242–256. DOI: 10.1159/000515438
28. Lai C.C., et al. Severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 (SARS-CoV-2) and coronavirus disease-2019 (COVID-19): The epidemic and the challenges. *International Journal of Antimicrobial Agents*. 2020. Vol. 55. No. 3. Article 105924. DOI: 10.1016/j.ijantimicag.2020.105924
29. Nochaiwong S., et al. Global prevalence of mental health issues among the general population during the coronavirus disease-2019 pandemic: a systematic review and meta-analysis. *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 1–18. DOI: 10.1038/s41598-021-89700-8
30. Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2. No. 1. Article 11. DOI: 10.9707/2307-0919.1116
31. Shereen M.A., et al. COVID-19 infection: Emergence, transmission, and characteristics of human coronaviruses. *Journal of advanced research*. 2020. No. 24. P. 91–98. DOI: 10.1016/j.jare.2020.03.005
32. Sokolov B. The index of emancipative values: Measurement model misspecifications. *American Political Science Review*. 2018. Vol. 112. No. 2. P. 395–408. DOI: 10.1017/S0003055417000624
33. Sortheix F.M., et al. Changes in young Europeans' values during the global financial crisis. *Social Psychological and Personality Science*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 15–25. DOI: 10.1177/1948550617732610
34. Zhao H., et al. COVID-19 infection outbreak increases anxiety level of general public in China: involved mechanisms and influencing factors. *Journal of affective disorders*. 2020. No. 276. P. 446–452. DOI: 10.1016/j.jad.2020.07.085

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Violetta I. Korsunova — Candidate of Sociological Sciences, HSE University.

Phone: +7 (812) 560-04-43. **Email:** vikorsunova@gmail.com

Boris O. Sokolov — Candidate of Political Sciences, Professor, HSE University.

Phone: +7 (812) 560-04-43. **Email:** bssokolov@gmail.com

Received: 09.01.2023.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2

EDN: CKREAB

*Д.О. ТИМОШКИН^{1, 2}, Д.С. ПЧЕЛКИНА¹,
А.С. САМАРИН^{1, 2}, В.В. ХВОРОСТОВ¹, Р.В. ТОМИЛИН¹*

¹ Кафедра культурологии и искусствоведения, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет.
660041, Красноярск, Свободный просп., д. 79.

² Лаборатория исторической и политической демографии, Иркутский государственный университет.
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК МЕХАНИЗМ (ВОС)ПРОИЗВОДСТВА МИГРАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЦИФРОВЫХ ПЛОЩАДОК РУССКОЯЗЫЧНЫХ МИГРАНТОВ В КОРЕЕ)¹

Аннотация: В статье анализируются тексты, создаваемые пользователями русскоязычных цифровых коммуникационных площадок, посвященных эмиграции в Республику Корея. Цель исследования заключалась в том, чтобы определить, какими значениями в этих текстах наделяется эта страна, выстроив гипотезу о влиянии данных образов на миграционные стратегии выходцев из России. Тексты отбирались в тематических сообществах сетей с максимальным количеством русскоязычных пользователей. Исследовательским инструментом стала техника дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф. Корея рассматривалась как узловой знак, объединяющий мигрантские тексты в единый дискурс. Значение этого знака определялось путем анализа выстроенных авторами текстов ассоциаций между принимающей страной и определенными ситуациями и действиями. Установлено, что в этом процессе активнее всего участвуют маятниковые мигранты, работающие в стране нелегально; образовательные мигранты; посредники; сообщества фанатов К-поп и дорам. В сообщениях пользователей, ориентированных на теневой сегмент рынка труда, Корея представлена как страна, максимально лояльная к работающим нелегально приезжим. Корея в нарративе образовательных мигрантов — развитая, безопасная и богатая страна, оптимальная для постоянного проживания. Группы, посвященные корейской массовой культуре, ассоциируют Корею с мужчиной-айдолом, сверхпотреблением, декорациями и героями дорам. Их участники могут описывать обе названные выше стратегии. Посредники воспроизводят образы, созданные в текстах мигрантов-нелегалов и К-поп-сообществ, идеализируя Корею и игнорируя многочисленные сложности и риски, связанные с пребыванием здесь. Опираясь на выстроенную Г. Кляйном модель принятия решений в ситуации неопределенности, можно предположить, что мигрантские социальные медиа влияют на содержание

¹ Статья подготовлена при поддержке Корейского фонда в рамках проекта «Образы Республики Корея и КНДР в современном российском обществе и информационном пространстве».

и направление миграционных потоков, встраиваясь в процесс принятия решений на этапе «ментальных симуляций». Созданные здесь образы становятся основой для миграционных мотиваций, а описываемые разными группами стратегии являются руководством к действию, заменяя в процессе создания «ментальной» симуляции собственный, эмпирический опыт. Можно предположить, что рассмотренные текстовые массивы способствуют воспроизводству двух типов миграционных потоков из стран СНГ. Первый состоит из мужчин, рассчитывающих на краткосрочное пребывание в стране и тяжелый физический труд; второй — из женщин, в большей степени рассчитывающих на получение здесь высшего образования, долгосрочное пребывание и полноценную интеграцию, в том числе посредством вступления в брак.

Ключевые слова: Корея; миграционные стратегии; миграционная мотивация; социальные медиа; дискурс; ментальные симуляции; неформальная экономика.

Для цитирования: Тимошкин Д.О., Пчелкина Д.С., Самарин А.С., Хворостов В.В., Томилин Р.В. Социальные медиа как механизм (вос)производства миграционных стратегий (на примере цифровых площадок русскоязычных мигрантов в Корею) // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 25–50. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2 EDN: СКРЕАВ

Республика Корея является популярным миграционным направлением, в том числе для выходцев из стран СНГ [3]. Этому способствует открытая миграционная политика государства, заинтересованного как в улучшении демографической ситуации [14, с. 37], так и в заполнении «3d» (dirty, dangerous, difficult) вакансий [32]. Корея испытывает потребность [7, с. 146] в неквалифицированной рабочей силе: сельскохозяйственных и фабричных рабочих, строителях, работниках ЖКХ. Сравнительно высокие для региона зарплаты [4] и относительная лояльность государства и общества [17] к мигрантам приводят к постоянному увеличению числа иностранцев, проживающих в стране [27].

РФ до пандемии COVID-19 входила в десятку стран, поставляющих в Корею рабочую силу [12]. Страна все чаще упоминалась в СМИ² и повседневной коммуникации [13] на востоке России как желательное миграционное направление. К 2011 г. россияне были на третьем месте после китайцев и узбеков по числу держателей визы H2, дающей право на въезд в страну и работу в ней [6]. После объявления безвизового режима между странами в 2014 г. в Корею стало прибывать все больше русскоязычных туристов. К фиксируемым статистикой трудовым мигрантам из РФ можно прибавить немалую часть (от нескольких сотен тысяч³) въезжающих как туристы на безвизовый период [26, р. 46]. Увеличился и поток

² Зарплаты выше, но учеба и лечение только за деньги // 59.ru. Пермь онлайн [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.2022. URL: <https://59.ru/text/world/2022/04/03/70734554/>

³ Въездные и выездные туристские поездки // Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс]. Дата обращения 02.06.2022. URL: [https://gks.ru/folder/23457\(31\)](https://gks.ru/folder/23457(31))

въезжающих по студенческим визам⁴ и визам для артистов. Последний тип виз нередко использовался женщинами, рассчитывающими на работу в эскорт-услугах, вытеснившими с этого рынка таек и филиппинок [32]. Несмотря на предпринятые государством попытки ограничить возможности нелегально работать в стране [28], до начала эпидемии COVID-19 в Корею ежегодно попадало много мигрантов из стран СНГ, занятых в теневом сегменте [20] и не фиксируемых статистикой.

Цель исследования – выделить и описать образы Республики Корея в нарративах русскоязычных мигрантских цифровых медиа, выдвинув гипотезу о том, какую роль в формировании миграционных потоков данные образы могут играть.

Выбор социальных медиа, которые определяются здесь как «*категория онлайн-медиа, где люди говорят, участвуют, обмениваются, общаются и собирают закладки в Интернете*» [15], обусловлен их масштабным и всесторонним воздействием на миграционные процессы. Медиа способствуют интеграции мигрантов в принимающее сообщество [16], облегчая накопление разных форм капитала [11], снижая издержки, связанные с легализацией. Группы в социальных сетях, каналы в мессенджерах расширяют [9; 18; 30] возможности столь важных для трансграничных мигрантов [1; 19; 2] горизонтальных сетей, снижая значимость фактора времени и пространства. Социальные медиа становятся не менее важным инструментом формирования повестки дня, нежели медиа традиционные, влияя не только на то, как принимающее сообщество воспринимает мигрантов, но и на то, как приезжие видят принимающую страну. Информация социальных медиа активно используется людьми при выборе миграционного направления, а также тактик интеграции в принимающей стране [21].

Ситуация, в которой находятся мигранты, связана с большим стрессом [29, с. 60], вызванным осознанием серьезности последствий неверного выбора и дефицитом информации. Цифровые коммуникационные площадки используются для того, чтобы предусмотреть потенциальные риски, снизить неопределенность, а значит, и уровень стресса. Сведения о том, как пересекать границу, где искать работу и жилье, какие ловушки можно встретить на этом пути, необходимы для построения «ментальной симуляции» [8, с. 91; 28], в ходе которой проигрываются возможные исходы того или иного алгоритма действий в предстоящей стрессовой ситуации, по результатам такой симуляции принимается решение. Исследователи отмечают, что существенное влияние на результат ментальной симуляции может оказывать эмоциональная составляющая [23].

Предположительно пользователи множества тематических мигрантских площадок будут создавать и воспроизводить в своих сообщениях образ принимающей страны, частью которого будут ассоциируемые

⁴ Туристический поток из России в Южную Корею в 2019 г. вырос на 13,4% // Ассоциация туроператоров [электронный ресурс]. Дата обращения 02.06.2022. URL: <https://www.atorus.ru/NEWS/PRESS-CENTRE/new/50034.html>

с ней эмоции, пространства и действия, а также тактики интеграции в местную экономику и общество. На этот образ могут ориентироваться другие пользователи, которые только планируют отъезд и находятся на стадии создания «ментальной симуляции», необходимой для прогнозирования в ситуации неопределенности и высоких рисков.

Поиск социальных медиа, содержащих тексты, релевантные для цели исследования, осуществлялся на лидирующих по числу русскоязычных пользователей площадках⁵: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook⁶, Twitter⁷, YouTube. Мы искали группы, содержащие в названии разные комбинации ключевых слов: «Южная Корея», «названия крупнейших городов республики»⁸, «синонимы слова “мигрант”», «“мигрантский” сленг». Также рассматривались площадки, которые упоминались пользователями в диалогах, но не вошли в начальную подборку.

Количество найденных площадок составило несколько тысяч, был введен ряд ограничений, позволивших сохранить лишь наиболее подходящие из них. Исключались группы, в которых длительное время не было опубликовано ни одного пользовательского комментария, группы численностью менее 1000 человек или не связанные с темой миграции. Всего в выборку попало 364 цифровые площадки — как земельных, так и объединяющих русскоязычных мигрантов со всего СНГ.

С помощью метода ретроспективного онлайн-наблюдения [27] проводился сбор постов и комментариев, находившихся в открытом доступе. Глубина погружения была ограничена оригинальностью встречающихся тем. Поиск прекращался, если упоминаемые в текстах ситуации, места и действия начинали повторяться. Рассматривался контент, созданный до пандемии COVID-19, поскольку это событие существенно изменило миграционные потоки, изучение изменений не входило в нашу задачу.

При исследовании полученного массива использовалась техника дискурс-анализа, основанная на теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [6; 24], которая заключается в определении узловых знаков и формирующих их значение понятий. «Южная Корея + миграция» рассматривалось как узловой, «привилегированный» знак, объединяющий множество обнаруженных на тематических площадках текстов в единый дискурс. Ситуации, пространства и действия, описываемые пользователями найденных групп, рассматривались как определяющие узловой знак.

В теории дискурса Лакло и Муфф значение, связанное с той или иной практикой, формируется сетью взаимных отсылок между узловым знаком,

⁵ Опрос ВЦИОМа показал самые популярные соцсети в России [электронный ресурс]. Дата обращения 02.06.2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60e3bd819a79476c5b785733>

⁶ Решением Тверского суда Москвы от 21 марта 2022 г. деятельность Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ, данные используются только в исследовательских целях.

⁷ Заблокирована в Российской Федерации.

⁸ South Korea: Urban areas and towns [online]. Accessed 02.06.2022. URL: <https://www.citypopulation.de/en/southkorea/towns/>

ключевым для этой практики, и множеством других понятий. Эта конфигурация смыслов никогда не бывает окончательной, и каждый новый акт коммуникации может установить новую, изменив сложившуюся систему отсылок, а следовательно, и значение узлового знака. Каждая артикуляция воспроизводит конфигурацию смыслов, связанных с социальной практикой, располагая узловой знак в том или ином соотношении с множеством контекстов, без которых невозможно его понимание. Артикуляцию Лакло и Муфф связывали с процессом превращения «элемента» — узлового знака, не включенного в относительно устойчивую конфигурацию смыслов, в «момент» — знак, смысл которого временно зафиксирован благодаря системе конвенциональных отсылок к другим знакам. Таким образом, изучая то, как различные акторы, описывающие социальную практику, выстраивают конфигурации смыслов, включая туда узловой знак, обозначающий ее, мы изучаем и саму практику как таковую.

Рассматривая миграцию в Южную Корею в контексте теории Лакло и Муфф, можно предположить, что массив социальных медиа будет представлять собой зафиксированную артикуляцию миграционных процессов основными участвующими в них акторами, в ходе которой узловой знак «миграция в Южную Корею» будет помещаться в различные конфигурации по отношению к тем или иным социальным практикам, пространствам и группам. Установив, кто участвует в этом процессе и какие смысловые конфигурации они создают, мы можем понять, какие группы влияют на производство связанных с этой социальной практикой смыслов и какие значения они ассоциируют с интересующим нас узловым знаком. Теория Г. Кляйна, а также имеющиеся исследования влияния социальных медиа на принятие миграционных решений [22] позволяют утверждать, что люди могут действовать, ориентируясь на сформированные социальными медиа образы независимо от того, насколько те соответствуют реальности, что повышает актуальность исследования.

Лакло и Муфф не описывали подробно алгоритм анализа дискурса, однако это можно сделать, опираясь на выделенные ими ключевые концепты, такие как «элемент», «момент», «узловой знак», а также ориентируясь на работы коллег [5; 25]. Первым шагом алгоритма может быть определение узлового знака, ключевого для исследуемой социальной практики, значение которого будут обсуждать основные акторы-участники. В нашем случае это «миграция в Южную Корею».

Для многих посетителей данных площадок знак оказывается в прямом смысле «пустым», «элементом» — пользователи не имеют устойчивых ассоциаций с ним и посещают тематические группы в социальных медиа именно с целью изменить ситуацию. Это выражается во множестве запросов информации относительно того, что представляет собой тот или иной этап миграционного пути и каких действий он требует. Собственно, коммуникация в пределах мигрантских площадок как нельзя более наглядно демонстрирует процесс превращения узлового знака «миграция в Южную Корею» из элемента в момент: пользователи, участвующие в обсуждениях, получают необходимые

сведения для выстраивания смысловой конфигурации, частью которой, помимо узлового знака, становятся те или иные социальные ситуации, алгоритмы действий, пространства, эмоции.

Следующий шаг: установить, с какими понятиями связывается узловой знак в интересующем нас текстовом массиве. Это можно сделать, установив так называемые «цепочки эквивалентности» [31] — понятия, эквивалентные узловому знаку в совокупности высказываний. Далее мы можем выяснить, какие акторы выстраивают определенные цепочки эквивалентности, определив сходства и противоречия между транслируемыми ими значениями. Сформулируем вопросы, ответы на которые рассматриваются как исследовательские задачи: с какими социальными действиями оказывается связан узловой знак «Южная Корея»? Какие социальные ситуации представляют миграцию в эту страну для разных акторов, участвующих в коммуникации? С какими пространствами Корея ассоциируется? Какие эмоции вызывает? Последнее представляется крайне важным в силу отмечаемой различными исследователями значимости эмоционального контекста в процессе принятия решений.

«3d» рабочие, посредники, фанаты как производители миграционных мотиваций

Обнаруженный массив содержит диалоги, в которых происходит обмен информацией о ключевых для переезда в Корею ситуациях и способах их преодоления⁹, рекламу посредников¹⁰, обслуживающих миграционные потоки, обсуждения массовой культуры. В первую очередь в таких диалогах участвуют пользователи, которые говорили о наличии у них миграционного опыта; организации и частные лица, оказывающие легальные и нелегальные услуги мигрантам; фанаты К-рор и дорам; а также пользователи, которые только готовились к отъезду и находились на стадии сбора информации. Именно эти акторы создали большинство социальных медиа, попавших в подборку: мигрантские группы во «ВКонтакте» и Facebook, странички агентств, переправляющих в Корею неквалифицированных рабочих, в том числе секс-работников¹¹, фан-группы актеров дорам¹² и айдолов¹³. Данные

⁹ Ищу работу в Южной Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <http://www.korea-travel.ru/forum/5/10.html?skip=10>

¹⁰ Работа в Южной Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://e-migration.ru/yuzhnaya-koreya/rabota-v-yuzhnoj-koree.html>

¹¹ Как найти работу в Корее. Реальная история [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OEwdgrwYVxU>

¹² Как часто вы просматриваете любимые дорамы? [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/enjoy_korea?w=wall-47216024_110415

¹³ Типичный Тэмин [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/typical_taemin

акторы являются основными производителями «цепочек эквивалентности» между «миграцией в Южную Корею» и связанными с этим процессом социальными пространствами и практиками.

Одним из наиболее значимых фрагментов «цепочек эквивалентности», создаваемых мигрантами и посредниками, становится нелегальная работа в Корее, причем чаще всего его воспроизводят состоявшиеся и потенциальные мигранты, ориентированные на теневой рынок труда. В их высказываниях страна представлена как место, максимально благоприятное для быстрого заработка с минимальными тратами¹⁴ на легализацию и интеграцию. Корея в сообщениях этой группы открыта и лояльна к нелегальной рабочей силе¹⁵, готовой к тяжелому физическому труду или к работе в секс-индустрии. Отсутствие квалификации, денег, незнание языка не рассматриваются как препятствие¹⁶: любые новоприбывшие могут быстро найти работу в корейских городах¹⁷, обеспечив себе высокий доход.

*Народ, приезжайте в Корею, рабочей силы не хватает. Зарплаты хорошие. В СНГ печаль поэтому давайте сюда. Примерно 170 долларов в день. От 90 до 300 долларов в зависимости где и кем работать. Есть ли виза или нет. Опыт работы. Знание языка. От многих параметров зависит ЗП. Сейчас идет работа на полях, стелят пленку, сдельная зп, можно поднять 250 долларов. Или арбузы в июне месяце. Альпом, средняя 170 долларов в день. Если опыта нет. Начнете с 80 долларов в день*¹⁸.

(При цитировании пользовательских сообщений сохранены оригинальная грамматика и пунктуация.)

Одним из ключевых смыслов, определяющих узловую знак «Южная Корея» в создаваемых трудовыми мигрантами цепочках эквивалентности, являются доступные «3д» рабочие места — заводы¹⁹, поля, фасады высот-

¹⁴ Хотим с девушкой улететь на заработки в Корею [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/anonim_korea?w=wall-124005320_675501

¹⁵ Южная Корея, 206 долларов за один объект, 7 часов работы [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_ZuLxulUCLs

¹⁶ Вакансии, специалисты. Сеул сеть — помогаем нашим [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/roffront.southkorea/>

¹⁷ Работа в Корее. Путешествия [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://vk.com/ourtravelstory>

¹⁸ Аноним Корея. Рабочей силы не хватает [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/anonim_korea?w=wall-124005320_676532

¹⁹ Треш-работа в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=471xgkLnPjg>

ных зданий²⁰, стройки. Помимо этого, артикуляции пользователей-мигрантов содержат подробные алгоритмы прохождения наиболее значимых этапов процесса интеграции в корейский теневой рынок труда — поиск надежного посредника, технические аспекты выполнения тех или иных работ. В то же время пользователями обсуждаются и оцениваются многочисленные риски²¹, в том числе невыплата зарплат нелегальным рабочим²², доносы в миграционную службу, закабаление, травмы на рабочем месте, депортация и другие последствия нарушения миграционного законодательства, которые также становятся частью «цепочек эквивалентности». Упоминание рисков приводит к возникновению противоречий, которые пользователи-мигранты пытаются разрешить в ходе дискуссий по поводу того, какое значение в цепочке эквивалентности является доминирующим — высокий доход или связанные с этим риски²³. От исхода дискуссии зависит, в конечном счете, то, какое значение определяет миграцию в Южную Корею — опасность или выгода.

Характерно, что в большинстве дискуссий пользователи — и мужчины, и женщины — рано или поздно признают приемлемость миграционных стратегий, ориентированных на нелегальную работу в республике, невзирая на риски. Опасности, связанные с неформальной занятостью, нивелируются за счет развитых, построенных на доверии горизонтальных сетей, которые также становятся неотъемлемой частью «цепочек эквивалентности»²⁴. Другие риски в ходе обсуждения признаются малозначимыми. Например, последствия нарушения миграционного законодательства, неизбежно возникающие в случае занятости в теневом сегменте рынка труда, не считаются серьезной угрозой²⁵, так как снова и снова констатируется, что корейская бю-

²⁰ Работа в Южной Корее. Промальп [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LctGduUicbE>

²¹ Как устроить жизнь в Южной Корее. Работа [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zT-Kw_5uxJQ

²² Саджан не отдает деньги, работал месяц март [электронный ресурс]. Дата обращения 25.03.2023. URL: https://vk.com/wall-124005320_33409?ysclid=1gg91omi9u125924444

²³ Подскажите, пожалуйста!!! Имею ли я право работать на арбайте с визой H2? [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/833065480090324/search/?q=%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA>

²⁴ Девочки, вы просто не представляете, что можно выбить свои заработанные деньги, будучи нелегалкой, у сульчибных саджанов [электронный ресурс]. Дата обращения 03.04.2023. URL: <http://wap.hamkke.borda.ru/?1-20-8880-00019237-000-0-0>

²⁵ Вопрос: Нахожусь в Корее нелегалом, заехал по безвизовому режиму... Остался работать дальше! Скажите, что мне грозит, и грозит ли тюрьма, и как там в тюрьме? Ответьте только честно и тот, кто реально через это прошел... Ответ: Не грозит вам тюрьма. Штрафов нет и не будет. Запрет от

рократия в целом лояльна к подобным вещам²⁶. Если не совершать уголовных преступлений, шанс, что тебя поймают и накажут, крайне невысок. В пользу определения Южной Кореи как пространства, где выгода от нелегальной деятельности превышает риски, приводятся соображения о безальтернативности стратегии, ориентированной на теневой рынок труда. Интеграция, если понимать под ней включение в общество принимающей страны, часто не входит в планы: пользователи — маятниковые мигранты почти не уделяют внимания культуре страны, не общаются с местными (в качестве частого исключения упоминаются посредники-репатрианты и работодатели — «саджаны» или — реже — правозащитники). Трудовые мигранты, ориентированные на теневой рынок труда, выстраивают «цепочки эквивалентности», в которых Южная Корея представлена как место, где можно быстро заработать, не имея практически никаких специальных навыков, и при этом не подвергнуться серьезным опасностям благодаря относительной лояльности местной бюрократии к неформальной занятости. Страна ассоциируется в их нарративе с разнообразными «3д» рабочими местами, развитыми горизонтальными мигрантскими сетями, различными ситуациями, связанными с пересечением государственной границы Республики Корея.

Следующая категория мигрантов, которые активно участвуют в производстве «цепочек эквивалентности», представляют страну как место, подходящее для постоянного проживания, что обеспечивается путем легализации через образование. Большая часть пользователей, описывающих Корею как привлекательное место для получения образования в пределах рассмотренных цифровых площадок, — женщины. Пользователи, относящиеся к данной категории, больше внимания уделяют миру за пределами рабочих мест, включая массовую культуру²⁷, библиотеки, рестораны и бары²⁸, ночные клубы. Частью их повседневности также становятся офисы²⁹, университетские аудитории³⁰, сфера обслуживания, репетиторство, почти не встречающиеся в сообщениях

1 до 10 лет в ЮК. И всё [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/topic-124005320_34369390

²⁶ Правительство понимает, что, кроме них, на эту работу сами корейцы вряд ли пойдут, а кому-то нужно это делать, потому порой и закрывают на это глаза [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/wall-38811861_50236?ysclid=lgg9thblk9299774372

²⁷ My life in Seoul [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.1022. URL: <https://vk.com/club131789646>

²⁸ Второй русский бар от того же хозяина [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.2022. URL: https://vk.com/whatsupseoull?w=wall-23299451_1527

²⁹ Снова учусь в Корею [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.2022. URL: https://vk.com/milain94?w=wall-127353838_4260%2Fall

³⁰ Магистратура в корейском университете [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/int_korean?w=wall-174464012_4633

маятниковых трудовых мигрантов. Элементом создаваемых этими пользователями «цепочек эквивалентности» становятся сферы занятости по обслуживанию миграционных потоков, состоящих из бывших соотечественников. Характерные для сообщений маятниковых мигрантов «3д» рабочие места здесь практически отсутствуют. Впрочем, это не означает, что люди, попавшие в страну по студенческой визе, не могут использовать элементы миграционных стратегий, которые в большей степени характерны для трудовых мигрантов, ориентированных на теневой сегмент. Некоторые образовательные мигранты нуждаются в источнике дохода на период обучения, а предусмотренной законом частичной занятости не хватает, чтобы покрыть расходы³¹, это гипотетически может подталкивать их к работе на «арбайте» или в «хостесе». Кроме того, мигранты могут изначально, получая образовательную визу, ориентироваться на занятость в теневом сегменте³².

Производством и распространением представлений о Корее активно занимаются пользователи социальных медиа, посвященных корейской массовой культуре. Неотъемлемой частью «цепочек эквивалентности» становятся айдола — звезды корейской эстрады, обсуждения и фото которых³³ составляют значительную часть публикуемого здесь контента. Фактически республика в нарративе данной группы представлена как сексуально объективированная поп-звезда, и поездка туда рассматривается многими пользователями именно как поездка к айдолу³⁴. Множество площадок в Facebook, «ВКонтакте», YouTube и Twitter фактически репрезентируют это желание³⁵. Например, в подборку попало сообщество, в котором на протяжении нескольких лет пользователь ведет дневник о своей совместной жизни с айдолами в Сеуле³⁶.

Пользователей фанатских групп привлекает возможность «встретить айдола» или в крайнем случае обычного корейца, которые в текстовом массиве фанатских площадок выглядят как представители

³¹ В данный момент нахожусь в Корее и хотелось бы подработать на дальнейшее обучение на курсах [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.2022. URL: https://vk.com/topic-36630837_26987766?ysclid=lgg9mc3av2585300591

³² Работа для красивых, ухоженных, ярких и женственных девушек [электронный ресурс]. Дата обращения 09.04.2023. URL: https://vk.com/wall-21258452_11300

³³ Ж*ой на стуле, мысленно в Сеуле [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://mobile.twitter.com/ytotatata_

³⁴ Плюсы и минусы жизни в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wL_Zouhis7A

³⁵ Ж*па на стуле, мыслями в Сеуле [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://vk.com/public53117338>

³⁶ Я в Сеуле с BTS [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://twitter.com/inSeoulwithBTS>

Uzzang (субкультура, часть корейского социального феномена лужизма). Образ, созданный фанатскими группами, может становиться причиной переезда. В приведенном ниже высказывании администратор одной из мигрантских групп, описывая цель создания паблика, указывает на то, что ее подтолкнуло к переезду знакомство с К-рок-культурой в тематических сообществах.

До приезда мы как и все думали, что тут все пушисто, как глаголят вафельные паблики, но по приезду мы столкнулись с немного иным миром, о котором никто не говорил... Мир не ужаса и шока, как вы могли уже себе напридумывать, а всего навсего другой. Умные люди говорят, обманывать себя плохо, а мы будем теми людьми, которые развеют ваши воздушные ожидания, расскажут о минусах и просто классных деталях, о которых обычно молчат. Если коротко и ясно: вся правда тут или мы мис мира клоп³⁷.

Обсуждение корейской субкультуры продолжается и за пределами фанатских групп, особенно интенсивно — в группах образовательных мигрантов и языковых сообществах, большинство которых составляют женщины. Здесь также знакомство с корейской массовой культурой, в том числе посредством контента тематических цифровых площадок³⁸, могут называть основным мотивом для переезда.

Здравствуйте. Мне 15 и у меня есть мечта. Я хочу попасть в Южную Корею, завести друзей там. И главное, я хочу (как бы это банально не звучало) попасть на концерт к-рок группы ИМЕННО в Корею. Проникнуться минталитетом этой страны.

Привет, меня зовут Юлия, мне 19 лет. <...> Раньше моей маленькой мечтой, было просто побывать хоть денек в Сеуле. Но потом, когда я наткнулась на К-рок (Бтс), то все, я захотела поехать не просто как на экскурсию, а для того, чтобы там начать жизнь заново. Они меня безумно на это вдохновили и подтолкнули к изучению языка.

Здравствуйте! Мне 17 лет. <...> Познакомилась с корейской культурой я в возрасте 12 лет, но желание учить корейский язык появилось в пятнадцатилетнем возрасте. Появление этого желания связано с моим увлечением дорамами и К-рок'ом, ведь стало интересно, что же артисты и актеры хотят передать данным высказыванием, какие эмоции. <...> Находясь в выпускном классе, я решила подать документы в вузы не только своей страны, но и за границы, а именно Южной Кореи.

Следующий актер, участвующий в производстве значений, определяющих Корею в мигрантских социальных медиа, — посредники. Это и легальные организации, оказывающие услуги мигрантам, и частные

³⁷ Привет! Мы — несколько ребят, живущих в Сеуле [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/whatsupseoull?w=wall-23299451_1047

³⁸ Мотивационные письма [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2023. URL: https://vk.com/topic-147949897_44325458?offset=280

лица, связанные с теневым сегментом корейского рынка труда. Они эксплуатируют «цепочки эквивалентности», сформулированные мятниковыми трудовыми мигрантами и фанатами, удаляя упоминания проблем, связанных с переездом, противоречия и любые факты, которые могут оттолкнуть потенциального клиента. Одни посредники ретранслируют образ Кореи из фанатских сообществ, продавая путевки по местам, где снимались популярные дорамы, или по городам, в которых проходят концерты айдолов. Другие продают возможность быстрого заработка на корейских полях и заводах. Третьи — возможность встретиться или вступить в брак с «хангуком», а фактически — работу в эскорте.

Привет) 😊 Открыта вакансия, Работа в Южной Корее) Отличный способ заработать денег и отдохнуть 😊😊 Перелет и Проживание за наш счет 😊 (Работа в караоке)) СТРОГО БЕЗ ИНТИМА!!!! Если интересно, расскажу все в мелочах)) пиши «Хочу в Корею»³⁹.

А ты уже пользовалась корейской косметикой? Ходила в платье с кедами? Любовалась фотками цветущих сакур? Почему бы не отправиться на родину всего этого — Южную Корею? Сотни девушек славянской внешности мечтают окунуться в культуру этой удивительной страны и пожить настоящей корейской жизнью. И надо сказать, многим это удается. Как? С помощью работы на консумации в барах или клубах Кореи. <...> Девушки здесь не столько общаются с мужчинами, сколько веселятся и «зажигают». <...> Работа в Корее хостес не требует от девушек знания корейского языка, для нее не нужна корейская рабочая виза или корейское образование⁴⁰.

Идеализированный образ оспаривается самими мигрантами, однако остается достаточно распространенным в тематических медиа. Более того, как показывают приведенные выше сообщения пользователей фанатских пабликов и отзывы женщин, воспользовавшихся услугами посредников⁴¹, идеализированный образ нередко становится ключевой миграционной мотивацией.

Частью «цепочек эквивалентности», формируемых трудовыми, образовательными мигрантами и посредниками, становятся не только пространства и практики, но и фактически миграционные мотивации (быстрый заработок при низких рисках, выгодный брак, самореализация, интеграция в более «цивилизованное» общество и т. п.). Как будет показано далее, помимо причин, по которым поездка в Корею может показаться выгодным, интересным и привлекательным предприятием,

³⁹ Мам, я хочу в Корею [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/fyskpop?z=photo-107352132_456239846%2Falbum-107352132_00%2Frev

⁴⁰ Работа в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 01.06.2022. URL: <https://agency-ego.com/country/rabota-v-koree-dlya-devushek>

⁴¹ Подскажите отзывы об агентстве [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2023. URL: <https://www.otzyvy.club/podskazhite-otzyivy-i-o-agenstvu-ego-agency/>

присутствующие в мигрантских медиа «цепочки эквивалентности» содержат разнообразные алгоритмы того, как именно это надо сделать.

Граница, самушиль, завод: обсуждение миграционных стратегий в тематических социальных медиа

Актеры, обсуждающие Корею в мигрантских цифровых медиа, включают в «цепочки эквивалентности» описания различных алгоритмов действий, которые могут стать основой ментальных симуляций людей, готовящихся к переезду. Эта информация может быть использована для выстраивания последовательности действий, позволяющих снизить издержки и увеличить выгоды на всем миграционном пути — от приземления в корейском аэропорту до покупки в Корее недвижимости.

Поскольку многие потенциальные мигранты никогда не покидали свою страну, единственным способом построить ментальную симуляцию, снизив тем самым неопределенность, становится получение информации откуда-то со стороны. Далеко не у всех есть знакомые с релевантным опытом, поэтому приходится обращаться за помощью к незнакомцам в социальных медиа, о чем свидетельствует множество запросов об этапах миграционного пути — от выбора тактики пересечения границы и поиска работы⁴² до школы, в которую можно отдать детей⁴³.

Часть пользователей — трудовых мигрантов, планируя отъезд, исходят из того, что воспользоваться законным способом попасть на заработки в Корею они не смогут, если не обладают необходимыми навыками или ресурсами⁴⁴. Они не могут позволить себе и полноценную интеграцию в корейских городах, место в корейском «среднем классе». Нуждаясь в быстром заработке, они не могут себе позволить и образовательную миграцию. Данная категория пользователей включает в «цепочки эквивалентности», определяющие узловую точку «Южная Корея», алгоритмы интеграции в неформальную экономику принимающей страны, первые шаги которых могут осуществляться еще в России.

Самой распространенной стратегией этой группы становится работа «вахтой» в отраслях, где можно обойтись без специальных навыков, знания корейского языка и формального разрешения на труд в Корее. «Цепочка эквивалентности», включающая занятость в теневом сегменте, часто подразумевает въезд в страну на безвизовый период (60 дней до ковида), работу на самушילה, возвращение в Россию по истечении срока. Затем — повтор того же алгоритма с той лишь разницей, что на протяжении первого срока пребывания в стране многие обзаводятся кон-

⁴² Подскажите, у кого есть опыт работы в Корее? [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2023. URL: https://vk.com/wall-66584412_435454

⁴³ Русскоязычные школы в Южной Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2023. URL: https://vk.com/wall-124005320_713433

⁴⁴ Работа в Корее без визы [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/415844468873389/>

тактами на корейском рынке труда. Это позволяет им в следующий заезд обратиться к знакомому работодателю, что существенно снижает риски.

Первым шагом этого алгоритма становится, в зависимости от предпочтений, либо обращение в России к посреднику, который может за небольшой процент от заработка свести будущего мигранта с корейскими работодателями, действующими в теневом сегменте, либо самостоятельный поиск работы на месте. Самым важным этапом становится переход границы. В текстах, создаваемых трудовыми мигрантами, ориентированными на неформальную занятость, нередко констатируется: если уж тебе удалось попасть в страну, ты без проблем найдешь работу и сможешь оставаться здесь годами, не заботясь о статусе. Убедить корейских таможенников в том, что ты простой турист, — самая главная задача.

Нужен обязательно обратный билет. Желательно на адекватную туристическую дату. То есть, не через два месяца, а через неделю, скажем. Билет должен быть возвратным. Как только пройдешь границу, билет можно сдать. Нужна бронь в отеле на весь срок по билетам. Можно сделать на букинге, если найти вариант с бесплатной отменой. Нужна легенда на случай, если начнут расспрашивать о твоём туристическом маршруте. Надо выбрать достопримечательности в крупных городах, запомнить их. Нужно, чтобы в кармане было минимум 50 баксов на каждый день того срока, который ты пробудешь тут по билетам⁴⁵.

Мигрант должен получить и «скорректировать» (иногда — просто поправить в графическом редакторе) выписку из российского банка так, чтобы в ней была обозначена необходимая для пребывания в Корее сумма. В некоторых случаях алгоритм предполагает покупку билетов из России в третью страну, откуда осуществляется въезд в Корею, так как таможня неохотно пропускает выезжающих из России напрямую. Отмечается, что лучше выбрать рейс, прибывающий ночью, так как ночью бдительность таможенников снижается. Надо изучить географию города, в который ты направляешься, и, в конце концов, отдать должное корейскому лукизму, чтобы соответствовать представлениям корейской бюрократии о том, как должен выглядеть приличный турист.

Обязательно сбрить бороду. Прическу сделать. Плюс очки обязательно надеть. Таможенник видит в вас прежде всего нелегальную рабочую силу, поэтому надо прикинуться ботаником. Вы будете, скорее всего, работать на стройке если останетесь нелегально, если вы худенький, маленький ботан, значит, вероятность больше, что вы будете отдыхать⁴⁶.

⁴⁵ Работа в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 01.06.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XrodYUZ_97w

⁴⁶ Как пройти границу в Южной Корее без визы так, чтобы не отправили обратно [электронный ресурс]. Дата обращения 01.06.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hdKaRvo9PcM>

Следующий этап — поиск работодателей. Объявления о найме и поиске работы, для которой будет достаточно туристической визы или просто штампа о въезде, встречаются повсеместно, особенно часто — в мигрантских группах в Facebook. Пользователи, не доверяющие посредникам, после пересечения границы отправляются на самушиль — биржу поденных рабочих, которая является отправной точкой десятков и сотен карьер в теневом сегменте рынка труда и важной частью миграционных стратегий.

Вы приезжаете в офис — самушиль. В течение дня приезжают корейцы — саджаны, которые набирают команду из нелегалов на стройку, морские работы или землю. Не все нелегалы попадают на работу. Если попали на работу, вас кормят в течение дня. Обед с 12 до 13 часов. В среднем 5 рабочих дней в неделю. Могут предоставить жилье, оплатить газ. Как правило, до 6 человек в одной комнате. Не угадать. Контингент разный. Кто-то алкаш и нарк, кто-то беженец или судимый, которому закрыты варианты работы в России. Со всего СНГ. <...> Завод звонит начальнику самушиля, саджану, и говорит: надо столько-то человек. Работу не принято выбирать. Как правило, работы пустяковые на самушиле, черная, подсобная. Огород, плантации, поле. Приходить надо с 6 утра. На самушиле большая конкуренция, в том числе с корейцами — как с коренными так и с репатриантами. У них есть айди-карты и у них есть преимущества. Но если ты хорошо работаешь, можно поймать постоянную работу⁴⁷.

Самушиль становится еще одним значимым фрагментом «цепочек эквивалентности». Возможность построить карьеру, не выходя за пределы теневого сегмента, пройдя путь от поденного рабочего на полях до оператора станка на одном из заводов крупнейших корейских корпораций, обеспечит вполне сносное существование⁴⁸. Некоторые женщины-мигранты описывают альтернативную стартовую точку карьеры в теневом сегменте, которая предполагает въезд в страну на безвизовый период или по визе для артистов, работу «на консумацию» или в хостесе⁴⁹. Работа в секс-индустрии⁵⁰ упоминается в мигрантских нарративах не так часто, как тяжелый физический труд, однако и ее можно считать частью «цепочки эквивалентности».

⁴⁷ Как найти работу в Южной Кореи. Реальная история — 8 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OEwdgrwYVxU>

⁴⁸ Моя история работы в Кореи [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zT-Kw_5uxJQ

⁴⁹ Удерживают в рабстве в Кореи [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IrQIij-e94U>

⁵⁰ Подскажите отзывы об агентстве Ego Agency [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.otzyvy.club/podskazhite-otzyvivi-o-agenstvu-ego-agency/>

Те, кто слышал термин консумация, поймут о чем я. Девушка работает в клубе, к ней подсаживается мужчина и покупает ей коктейли, и девушка имеет процент от покупки ей коктейля. Есть также работа в караоке, и она подразумевает сопровождение. Компания корейских мужчин приходит в караоке и выбирает девушек себе в напарницы, чтобы вместе петь песни, выпивать алкоголь и разговаривать. <...> За это девушки получают от 150 000 рублей за 2 месяца. <...> Забыла упомянуть, что работа это нелегальная. Если вас поймают миграционная полиция, то депортируют и запретят въезд в Корею на 5 лет⁵¹.

Элементом миграционных стратегий, описываемых в нарративах мигрантов, рассчитывающих работать нелегально, становится избегание любых контактов с бюрократией. Нелегалы стараются не совершать серьезных — особенно уголовных — преступлений, чтобы не привлечь внимания полиции. Они стараются избегать также рейдов миграционной службы на улицах крупных городов, полях и заводах. Алгоритмы, позволяющие более эффективно это делать, а также нивелировать риски или справляться с угрозами⁵², тоже являются частью «цепочек эквивалентности», определяющих Южную Корею⁵³.

Теневые посредники воспроизводят в своих «цепочках эквивалентности» аналогичные алгоритмы интеграции в Корею, нередко исключая из них упоминания о проблемах и трудностях. Свои услуги посредники позиционируют как способ стать частью созданного ими же идеализированного образа, фактически задавая мигрантам алгоритм действий, который большинство из них могут реализовать бесплатно. Он подразумевает все тот же переход границы в качестве туриста с последующим трудоустройством на самушиле. Один из пользователей так описывал карьеру, начавшуюся с взаимодействия с посредниками:

Посредники. Организация нелегального потока. Отправляют по турвизам, затем передают нанимателям. <...> На следующий день улетели в Корею. В аэропорту прошли паспортный контроль (одного из нашей группы не пропустили). <...> Работали мы на пластиковых окнах. <...> Платили 1 700 000 вон (85 000 рублей). Работал вместе с китайцами, тайцами. Три раза я со своей интернациональной бригадой (15 работников) убежал от иммигрешки в лес!!! Отработал на окнах 2 месяца. Срок визы заканчивался. Я решил остаться в Корее (по совету друзей). Нелегал!!! Зарплата меня не устраивала в Дэсо, и я уехал в г. Ансан (район, где много русских, — Теколь). Снял

⁵¹ Работа в Сеуле отзывы [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://travelask.ru/questions/436772-rabota-v-seule-otzyvy>

⁵² Самониха не отдает зарплату, завтраками кормит. Ребятам, подскажите, куда обращаться? [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/447590308678216/search/?q=%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B5>

⁵³ Сообщения о проводимых облавах на нелегалов в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://hamkke.borda.ru/?1-3-0-00003191-000-0-0-1210862108>

комнату (320 000 вон в месяц + 1 000 000 вон залог). Пришел в самушиль. На работу взяли сразу. Зарабатывал 100 000–110 000 рублей (+ чаноб, яган). Работал в основном на мебельной фабрике⁵⁴.

Так как многие посредники упоминают о наличии у них миграционного опыта, можно предположить, что они занимаются продажей алгоритма, которым сами воспользовались во время первых поездок в Корею на заработки. Непротиворечивость и стройность создаваемого ими образа повышают вероятность того, что его «купят» другие мигранты. Некоторые посредники используют подобные образы, чтобы фактически обращать мигрантов в рабство. Этим занимаются как полулегальные «агентства», вербующие женщин в секс-индустрию, так и те, кто привлекает мужчин-мигрантов к тяжелому неквалифицированному труду или в сферу обслуживания.

Г. Чиндо, арбайт на Министопе, ребята не вздумайте сюда ехать, нас тут 20 человек работаем за стикеры, не за деньги, деньги не догоняют, потом, когда накапливаются стикеры, начальство переселяет народ в другую квартиру, и вызывают мигрешку, чтобы не платить деньги, разошлите как можно больше людям, чисто кидалово, не можем уехать у некоторых по 30 стикеров, ребята не ведитесь на эти объявления⁵⁵.

Альтернативный алгоритм, также нередко включаемый в «цепочки эквивалентности» пользователями-мигрантами, — въезд в страну в качестве беженцев, по визе G1. Она дает возможность остаться и работать в стране, пока местная бюрократия разбирает их случай и выносит вердикт о возможности удовлетворить просьбу. В случае отрицательного решения мигранты подают апелляцию и остаются в стране еще на какое-то время. Некоторые используют отведенный период для интеграции в корейское общество и выхода на легальный рынок труда.

Альтернативный алгоритм интеграции, который чаще описывают пользователи-женщины, подразумевает организацию бизнес-брака⁵⁶ с «хангуком». Что характерно, выбор политического убежища или бизнес-брака как способа легализации не означает, что человек не будет пользоваться теми же самушилями, востребованными среди людей, въезжающих как туристы. В этой части «цепочки эквивалентности», формируемые людьми, остающимися в стране по разным основаниям, могут совпадать.

⁵⁴ Как я ездила работать в Южную Корею [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: https://pikabu.ru/story/kak_ya_ezdila_rabotat_v_yuzhnyu_koreyu1_5135188#comments

⁵⁵ Работа в Южной Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/214887318895349/search?q=%D1%87%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%BE>

⁵⁶ Замуж за хангука!!! Знакомый мужа хочет жениться [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://hamkke.borda.ru/?1-3-0-00003260-000-0-0-1345651409>

Несколько отличаются описания, создаваемые образовательными мигрантами, в которых университеты становятся ключевым инструментом интеграции: Корея предоставляет преференции специалистам с высшим образованием при получении гражданства [21]. Примечательно, что чаще всего эта стратегия обсуждается женщинами. Некоторые мигранты отмечают, что используют университеты как формальный предлог въехать в страну, по факту же будут работать в теневом сегменте. Однако большинство все же рассчитывают во время обучения накопить социальный капитал, чтобы использовать его для выхода на легальный рынок труда⁵⁷. Если мигранты, ориентированные на занятость в теневом сегменте рынка труда, описывают посредничество и работу на корейской фабрике как вершину карьеры, то для образовательных мигрантов таковым может быть деятельность по обслуживанию миграционных потоков или брак с местным жителем⁵⁸. Ключевым отличием модели, описываемой образовательными мигрантами, является то, что она подразумевает в большинстве случаев собственно интеграцию — включение в местную культуру и общество. Образовательные мигранты, особенно женщины, упоминают в своих сообщениях браки с местными, они чаще налаживают дружеские связи с корейцами и отмечают, что владеют корейским языком.

Заключение

В пределах рассмотренных цифровых площадок ключевыми акторами, производящими определяющие Южную Корею «цепочки эквивалентности», становятся трудовые мигранты, ориентированные на теневой сегмент рынка труда, образовательные мигранты, фанаты корейской массовой культуры (большинство которых — женщины), а также посредники. Частью этих цепочек становятся ситуации, пространства и практики, ассоциируемые с Кореей, в том числе алгоритмы действий для того, чтобы попасть в страну и интегрироваться в местное общество и экономику.

Трудовые мигранты уделяют внимание моменту перехода границы и различным приготовлениям, позволяющим мимикрировать под туриста, поиску работы на самушале, избеганию проверок местной миграционной службы. В их нарративе Южная Корея представляется идеальным местом для заработка в теневом сегменте двухмесячными «вахтами». Корею в их нарративе репрезентуют «3d» рабочие места, объединяющие мигрантов-нелегалов горизонтальные сети, граница, заводы, поля и раз-

⁵⁷ Вопрос для студентов, получивших степень бакалавра [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: https://vk.com/anonim_korea?w=wall-124005320_676002

⁵⁸ Здравствуйте, подскажите с чего стоит начать? Сейчас я в России, хочу устроиться на работу в Корею, я не этническая кореянка [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/833065480090324/search/?q=%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D1%82%20%D0%BB%D0%B8>

личные опасности, связанные чаще всего с нарушением посредниками и работодателями в Корею своих неформальных обязательств.

Значимым фактором является и эмоциональная окраска производимого данной группой мигрантов образа. Прежде всего это радость от возможности легко «обмануть систему», заработав большие деньги за короткий период времени. Корея — страна, где заработать может буквально любой человек, не желающий или не имеющий возможности тратить ресурсы на получение образования или изучение языка, а также на прохождение процедуры легализации своего пребывания. Частью таких «цепочек эквивалентности» может быть представление о том, что Корея — страна, «официальная» часть которой изначально закрыта для русскоязычных мигрантов в силу несоответствия неким непроговариваемым, но подразумеваемым по умолчанию требованиям.

Женщины, ориентированные на занятость в теневом сегменте, добавляют к данной «цепочке эквивалентности» работу «на консумации» и в эскорте. Значимой частью образа Кореи, формируемой женщинами-мигрантами, а также фанатами корейской массовой культуры, становятся айдолы и актеры дорам. Нередко женщины-мигранты и фанаты включают в «цепочки эквивалентности» возможность брака с местным мужчиной. Описания отношений с корейцем, символы престижного потребления, а также корейская эстрада, фудкорт, сфера развлечений — все это способствует производству значений, имеющих выраженную положительную коннотацию, как и возможность значительных заработков без специальных навыков в нарративах трудовых мигрантов-мужчин. Альтернативную «цепочку эквивалентности» формируют образовательные мигранты, также преимущественно женщины. В их нарративе Корея представлена университетскими аудиториями, офисами, достопримечательностями, учреждениями культуры. В отличие от мигрантов, ориентированных на теневую сегмент, они не упоминают о наличии сомнений в обладании качествами, необходимыми для интеграции в корейское общество и экономику, декларируют готовность тратить ресурсы на получение образования, изучение языка, взаимодействие с местными сообществами.

Немаловажную роль в процессе превращения Южной Кореи из «элемента» в «момент» в пространстве цифровых коммуникационных площадок играют и многочисленные посредники, которые воспроизводят «цепочки эквивалентности», создаваемые разными категориями мигрантов, удаляя упоминания о проблемах и противоречиях при переезде в Корею. Таким образом, посредники делают акцент не столько на рациональном аспекте «цепочек эквивалентности», сколько на связанных с переездом эмоциях. Посредники, работающие с трудовыми мигрантами, акцентируют внимание на незначительности усилий, необходимых для заработка в Корею значительных сумм. Те, кто занимается вербовкой женщин-мигрантов в секс-индустрию, подчеркивают возможность познакомиться с местными мужчинами, «отдых» в местных барах и ночных клубах. Посредники, помогающие мигрантам поступать в корейские вузы, отмечают качество образования.

Так или иначе Южная Корея, превращенная в «момент» в артикулирующих мигрантов, фанатов и посредников, ассоциируется не только с набором преимущественно положительных эмоций, но и с конкретными алгоритмами действий в той или иной миграционной ситуации, которые гипотетически позволяют этих эмоций достичь. Теория принятия решений Г. Кляйна, а также исследования влияния социальных медиа на процесс принятия миграционных решений позволяют констатировать, что высказывания мигрантов из рассмотренных текстовых массивов могут влиять на миграционные потоки. Это объясняется тем, что эмоциональная часть ретранслируемого дискурса Южной Кореи может выступать в качестве миграционной мотивации, а алгоритм действий становится основанием для ментальной симуляции, которая может предшествовать принятию конкретных миграционных решений.

Таким образом, описанные мигрантские цифровые медиа могут способствовать воспроизводству следующих типов миграционных стратегий. Первая подразумевает въезд в качестве туриста с последующей карьерой в теновом сегменте — от поденного «арбайта» до постоянных должностей на крупных предприятиях. Эта карьера может прерываться на выезды в Россию по истечении безвизового периода. Также мигранты могут монетизировать полученный опыт и социальный капитал, занимаясь посреднической деятельностью. Люди, использующие такие стратегии, ориентированы на эксплуатацию собственной маргинальности [10], рассматривая Корею как наиболее подходящее для этого место.

Вторая стратегия заключается в том, чтобы остаться в стране на длительный срок, используя полулегальные механизмы вроде бизнес-брака или политического убежища либо визу для работников сферы искусства, если говорить о людях, планирующих работать в эскорте. Ни тот ни другой инструмент не гарантирует полного ухода от маргинальности: беженца могут выслать, не признав его статуса, мужа или жену гражданина Кореи могут не пустить в страну. Выбор стратегии убежища или бизнес-брака не означает, что мигрант не будет работать в теновом сегменте.

Третья стратегия ориентирована на получение высшего образования. Въехав в страну по студенческой визе, можно остаться здесь на несколько лет, сориентироваться и затем найти работу в легальном сегменте, может быть, даже войти в корейский средний класс. В отличие от предыдущих двух, эта стратегия предполагает собственно интеграцию — изучение языка, взаимодействие с принимающим сообществом, знакомство с местной культурой.

Гипотетически высказывания из рассмотренных текстовых массивов способствуют воспроизводству главным образом двух миграционных потоков. Первый составляют маятниковые трудовые мигранты, в большинстве своем мужчины, не знающие языка, рассчитывающие на «3д» работу, практически не заинтересованные в том, чтобы интегрироваться в корейское общество, и не предполагающие оставаться там на длительный срок. Второй поток состоит по большей части из женщин, ориентированных на получение образования в Корею

с последующей занятостью в сфере обслуживания, а также в областях экономики, связанных с обслуживанием миграционных потоков, частью которых были они сами. Многие женщины-мигранты выбирают интеграцию через брак с представителем принимающего сообщества.

Можно предположить, что именно воспроизводимые социальными медиа миграционные потоки в конечном счете выгодны принимающей стране: образованные, интегрированные молодые женщины позволяют улучшить демографическую ситуацию, а мужчины, готовые к тяжелой работе и не претендующие на то, чтобы оставаться в стране надолго, восполняют дефицит рабочих рук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова С. Солидарность участников неформальной экономики (на примере стратегий мигрантов и предпринимателей) // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 3–12. EDN: SAUXUD
2. Бредникова О., Паченков О. Этничность этнической экономики и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. № 2. С. 74–81. EDN: OYUWPJ
3. Ерохина Л.Д. Некоторые аспекты иностранной трудовой миграции в Южной Корею // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 35–42.
4. Иванова Н.С., Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Каких мигрантов привлекают экономически развитые страны и как они это делают: анализ международного опыта // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. № 15 (6). С. 811–825.
5. Игнатьева О.А. Дискурс-анализ политических суждений в контексте цифровизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 3. С. 259–272. DOI: 10.21638/spbu23.2021.303 EDN: GBFXQD
6. Йоргенсен М., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. под ред. А.А. Киселевой: Харьков: Гуманитарный центр, 2008. — 352 с.
7. Кильдюшова Ю.В., Мальганова И.Г. Сравнительный анализ трудовых миграционных потоков между Россией и Республикой Корея // Миграционные процессы, тренды, вызовы, перспективы. Казань: Отечество, 2014. С. 143–148.
8. Кляйн Г. Источники силы. Как люди принимают решения / Пер. с англ. Д. Кралечкин; Отв. ред. Л.Ф. Королева. М.: Дело, 2020. — 480 с.
9. Кужелева-Саган И.П. (ред). «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та, 2016. — 168 с.
10. Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Социология. 1998. № 3. С. 167–176.
11. Рыжова Н., Журавская Т. Роль социальных медиа в адаптации россиян, занятых на precarious рынках труда в Корею и Китае // Экономическая социология. 2022. № 2. С. 11–35. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-2-11-35 EDN: DLHMKZ
12. Тен В.А. Миграция из России и стран Средней Азии в Республику Корея в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник МГОУ. Серия: история и политические науки. 2014. № 5. С. 74–81. EDN: TIGZLZ

13. Тимошкин Д. Выживание, экзотика, пустота: эволюция постсоветского открытого рынка в городских нарративах // Социологический журнал. 2018. № 4. С. 54–74. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6097 EDN: YROUGT
14. Толстокулаков И.А. Участие государств корейского полуострова в миграционных процессах и проблема безопасности в северо-восточной Азии // Известия Восточного института. Политические науки. 2008. № 8. С. 37–48.
15. Чэнь Ди. Социальные сетевые медиа и социальные сети в концепциях американских и российских исследователей // Вестник СПбГУ. 2012. № 9. С. 223–230.
16. Alencar A. Refugee Integration and Social Media: A Local and Experiential Perspective // Information Communication & Society. 2018. No. 21. P. 1588–1603. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1340500
17. Dadabaev T., Soipov J. Craving jobs? Revisiting labor and educational migration from Uzbekistan to Japan and South Korea // Acta via serica. 2020. No. 5. P. 111–140.
18. Dekker R., et al. Smart Refugees: How Syrian Asylum Migrants Use Social Media Information in Migration Decision-Making // Social Media + Society. 2018 DOI: 10.1177/2056305118764439
19. Dekker R., Engbersen G. How Social Media Transform Migrant Networks and Facilitate Migration // Global Networks. 2013. No. 14. P. 401–418. DOI: 10.1111/glob.12040
20. Dong-Hoon S. Population aging and international migration policy in South Korea // Journal of the Korean Welfare State and Social Policy. 2018. No. 2. P. 73–108. DOI: 10.33751/jhss.v4i2.2459
21. Hidayati I. Social media and migration decision-making processes of Indonesian highly skilled migrant in the middle east countries // Journal of Humanities and Social Studies. 2020. No. 2 (4). P. 141–145. DOI: 10.33751/jhss.v4i2.2459
22. Hidayati I. The role of social media on migration decision-making processes: Case of Indonesian Student in University of Groningen // Jurnal Studi Pemuda. 2017. No. 1 (6). P. 515–526. DOI: 10.22146/studipemudaugm.38010
23. Kyle D.J., Koikkalainen S. Cognitive Migration: The Role of Mental Simulation in the (Hot) Cultural Cognition of Migration Decisions // Decision Making for a Social World web Conference. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/215524815_Cognitive_Migration_The_Role_of_Mental_Simulation_in_the_Hot_Cultural_Cognition_of_Migration_Decisions
24. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. London: Verso, 2014. — 216 p.
25. Narwaya S.T.G. Discourse analysis in the perspective of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe // Journal Communication Spectrum: Capturing New Perspectives in Communication. 2021. No. 11 (1). P. 1–11. DOI: 10.36782/jcs.v1i1.2106
26. Oh J., Kang D.K., Jiwon Shin J., Lee S.-L., Lee S.B., et al. Migration profile of the Republic of Korea. IOM MRTC research report series. 2012. No. 1. — 145 p.
27. Paechter S. Researching Sensitive Issues Online: Implications of a Hybrid Insider/Outsider Position in a Retro-spective Ethnographic Study // Qualitative Research. 2015. No. 13. P. 71–86. DOI: 10.1177/1468794112446107
28. Park Y. South Korea: balancing labor demand with strict controls // Migration policy institute. 2004 [online]. Accessed 08.12.2022. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/south-korea-balancing-labor-demand-strict-controls>
29. Silver A.M. Reconstructing Roots: Emotional Drivers of Migration and Identity // Social Sciences. 2023. No. 12 (2). P. 1–15. DOI: 10.3390/socsci12020060
30. Timoshkin D. Construction of horizontal networks on “migrant” Russian-language digital platforms // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 13. P. 688–699. DOI: 10.17516/1997-1370-0599

31. *Walton S., Boon B.* Engaging with a Laclau & Mouffe informed discourse analysis: a proposed framework // *Qualitative Research in Organizations and Management*. 2014. No. 4 (9). P. 351–370. DOI: 10.1108/QROM-10-2012-1106
32. *Wang-Bae K.* Migration of foreign workers into South Korea: from periphery to semi-periphery in the global labor market // *Asian Survey*. 2004. No. 2. P. 316–335. DOI: 10.1525/as.2004.44.2.316

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимошкин Дмитрий Олегович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исторической и политической демографии, Иркутский государственный университет (ИГУ); доцент, кафедра культурологии и искусствоведения, Гуманитарный институт. Сибирский федеральный университет (ГИ СФУ).

Телефон: +7 (953) 585-76-14. **Электронная почта:** dmttrim@gmail.com

Пчелкина Дарья Сергеевна — кандидат культурологии, доцент, кафедра культурологии и искусствоведения, ГИ СФУ.

Телефон: +7 (953) 585-76-14. **Электронная почта:** pchelkina.ml@mail.ru

Самарин Андрей Сергеевич — старший преподаватель, кафедра философии, ГИ СФУ; младший научный сотрудник НИЧ (тема 092-20-200), ИГУ.

Телефон: +7 (953) 585-76-14. **Электронная почта:** asamarin@sfu-kras.ru

Хворостов Всеволод Владимирович — студент 4-го курса бакалавриата, кафедра культурологии и искусствоведения, ГИ СФУ.

Телефон: +7 (953) 585-76-14. **Электронная почта:** hisfu@mail.ru:

Томилин Роман Викторович — студент 4-го курса бакалавриата, кафедра культурологии и искусствоведения, ГИ СФУ.

Телефон: +7 (953) 585-76-14. **Электронная почта:** hisfu@mail.ru:

Дата поступления: 16.01.2023.

SOTSIOLIGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 2. P. 25–50. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2

Research Article

**DMITRY O. TIMOSHKIN¹, DARIA S. PCHELKINA¹, ANDREI S. SAMARIN^{1,2},
VSEVOLOD V. KHVOROSTOV¹, ROMAN V. TOMILIN¹**

¹ Institute for the Humanities. Siberian Federal University.

141, Soviet Army str., 443090, Krasnoyarsk, Russian Federation.

² Irkutsk State University.

70, Krasnoarmeyskaya str., office 1, 443041, Irkutsk, Russian Federation.

SOCIAL MEDIA AS A MECHANISM FOR DEVELOPING AND REPRODUCING MIGRATION STRATEGIES (USING THE EXAMPLE OF DIGITAL PLATFORM PROFILES OF RUSSIAN-SPEAKING MIGRANTS IN KOREA)

Abstract. This article analyzes texts written by users of Russian-language digital communication platforms on the topic of emigration to the Republic of Korea. The

purpose of the study was to determine what meanings are attributed to the Republic in these texts, and how these images can affect the migration strategies of Russian-speaking migrants. The texts were sourced from relevant communities inside the largest social networks by the number of Russian-speaking users. The research method of choice was discourse analysis. Korea was regarded as an intersectional symbol that combines “migrant” texts into a single discourse. Its significance was determined by means of the authors of the messages constructing associations between the host country and certain situations and actions. It was established that pendulum migrants working in the country illegally, educational migrants, intermediaries, and communities of fans of Korean popular culture are most actively involved in shaping the image of Korea within the considered social media platforms. The messages posted by those users who focus on the shadow segment of the labor market portray Korea as a country that deals with visitors employed in this segment in as lenient a manner as possible. During the visa-free period, you can earn more here than in six months back home, without knowing the language and without having any skills, after which you can go home and return to Korea again once the money you earned has run out. This group describes the following strategy: you enter the country as a tourist for 60 days, and find a job on “samushil” or through an intermediary. Then return to Russia temporarily, or stay in Korea illegally, or use such mechanisms as political asylum and marriage of convenience. Educational migrants describe Korea as a developed, safe and wealthy country, with optimal conditions for permanent residency. Many describe the following strategy: get into the country on a student visa, receive an education, find a job in areas somehow related to servicing Russian-speaking migration flows. Some count on legalization through marriage to a member of the host community. Groups dedicated to Korean popular culture associate the Republic with a male idol, overconsumption, scenery and drama characters. Their users might describe either of the strategies mentioned above. A group of intermediaries reproduces the images conveyed by the texts produced by illegal migrants and k-pop communities, idealizing Korea and omitting the numerous difficulties and risks associated with staying there. Intermediaries essentially provide customers with the opportunity to become a part of this image by selling them paths of migration to and integration in Korea, which are often utilized by pendulum and educational migrants. According to G. Klein’s model of decision-making in a situation of uncertainty, it can be assumed that “migrant” social media containing these images contribute to the dissemination and reproduction of appropriate migration strategies, influencing the direction and content of migration flows between Korea and the CIS countries.

Keywords: Korea; migration strategies; social media; discourse; mental simulations; informal economy; mediation; k-pop.

For citation: Timoshkin, D.O., Pchelkina, D.S., Samarin, A.S., Khvorostov, V.V., Tomilin, R.V. Social Media as a Mechanism for developing and reproducing Migration Strategies (using the Example of Digital Platform profiles of Russian-Speaking Migrants in Korea). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 25–50. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2

Acknowledgment. The article was prepared with the support of the Korea Foundation, project “Images of the Republic of Korea and the DPRK in the public and information space”.

REFERENCES

1. Barsukova S. Solidarnost’ uchastnikov neformal’noi ekonomiki (na primere strategii migrantov i predprinimatelei). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002. No. 4. P. 3–12. (In Russ.)
2. Brednikova O., Pachenkov O. Etnichnost’ etnicheskoi ekonomiki i sotsial’nye seti migrantov. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. No. 2. P. 74–81. (In Russ.)

3. Erokhina L.D. Nekotorye aspekty inostrannoi trudovoi migratsii v Yuzhnoi Koree. *Vestnik DVO RAN*. 2008. No. 2. P. 35–42. (In Russ.)
4. Ivanova N.S., Varshaver E.A., Rocheva A.L. Kakikh migrantov privlekayut ekonomicheski razvitye strany i kak oni eto delayut: analiz mezhdunarodnogo opyta. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. No. 15 (6). P. 811–825. (In Russ.)
5. Ignat'eva O.A. Diskurs-analiz politicheskikh suzhenii v kontekste tsifrovizatsii. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 259–272. DOI: 10.21638/spbu23.2021.303 (In Russ.)
6. Iorgensen M., Fillips L.Dzh. Discourse analysis. Theory and method. [Russ. ed.: *Diskurs-analiz. Teoriya i metod*. Transl. from Eng.; Ed. by A.A. Kiseleva: Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr publ., 2008. 352 p.]
7. Kil'dyushova Yu.V., Mal'ganova I.G. Sravnitel'nyi analiz trudovykh migratsionnykh potokov mezhdu Rossiei i Respublikoi Koreya. *Migratsionnye protsessy, trendy, vyzovy, perspektivy*. [Migration processes, trends, challenges, prospects.] Kazan': Otechestvo publ., 2014. P. 143–148. (In Russ.)
8. Klyain G. Sources of Power. How people make decision. [Russ. ed.: *Istochniki sily. Kak lyudi prinimayut resheniya*. Transl. from Eng. by D. Kralachkin; Ed. by L.F. Koroleva. Moscow: Delo publ., 2020. 480 p.]
9. Kuzheleva-Sagan I.P. (ed). “*Tsifrovyye diasporyy*” migrantov iz Tsentral'noi Azii: virtual'naya setevaya organizatsiya, diskurs “voobrazaemogo soobshchestva” i konkurentsia identichnosti. [“Digital diasporas” of migrants from Central Asia: a virtual network organization, the discourse of an “imaginary community” and the competition of identities.] Tomsk: Izd. dom Tomskogo gos. un-ta publ., 2016. 168 p. (In Russ.)
10. Park R.E. Chelovecheskaya migratsiya i marginal'nyi chelovek. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Sotsiologiya*. 1998. No. 3. P. 167–176. (In Russ.)
11. Ryzhova N., Zhuravskaya T. Rol' sotsial'nykh media v adaptatsii rossiyan, zanyatykh na prekarnykh rynkakh truda v Koree i Kitae. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2022. No. 2. P. 11–35. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-2-11-35 (In Russ.)
12. Ten V.A. Migration from Russia and Central Asian countries to the Republic of Korea in the 1990s – 2000s. *Vestnik MGOU. Seriya: istoriya i politicheskie nauki*. 2014. No. 5. P. 74–81. (In Russ.)
13. Timoshkin D. Vyzhivanie, ekzotika, pustota: evolyutsiya postsovetskogo otkrytogo rynka v gorodskikh narrativakh. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. No. 4. P. 54–74. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6097 (In Russ.)
14. Tolstokulakov I.A. Uchastie gosudarstv koreiskogo poluostrova v migratsionnykh protsessakh i problema bezopasnosti v severo-vostochnoi Azii. *Izvestiya Vostochnogo instituta. Politicheskie nauki*. 2008. No. 8. P. 37–48. (In Russ.)
15. Chen' Di. Sotsial'nye setevyye media i sotsial'nye seti v kontseptsiyakh amerikanskikh i rossiiskikh issledovatelei. *Vestnik SPbGU*. 2012. No. 9. P. 223–230. (In Russ.)
16. Alencar A. Refugee Integration and Social Media: A Local and Experiential Perspective. *Information Communication & Society*. 2018. No. 21. P. 1588–1603. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1340500
17. Dadabaev T., Soipov J. Craving jobs? Revisiting labor and educational migration from Uzbekistan to Japan and South Korea. *Acta via serica*. 2020. No. 5. P. 111–140.
18. Dekker R., et al. Smart Refugees: How Syrian Asylum Migrants Use Social Media Information in Migration Decision-Making. *Social Media + Society*. 2018. DOI: 10.1177/2056305118764439
19. Dekker R., Engbersen G. How Social Media Transform Migrant Networks and Facilitate Migration. *Global Networks*. 2013. No. 14. P. 401–418. DOI: 10.1111/glob.12040
20. Dong-Hoon S. Population aging and international migration policy in South Korea. *Journal of the Korean Welfare State and Social Policy*. 2018. No. 2. P. 73–108. DOI: 10.33751/jhss.v4i2.2459
21. Hidayati I. Social media and migration decision-making processes of indonesian highly skilled migrant in the middle east countries. *Journal of Humanities and Social Studies*. 2020. No. 2 (4). P. 141–145. DOI: 10.33751/jhss.v4i2.2459

22. Hidayati I. The role of social media on migration decision-making processes: Case of Indonesian Student in University of Groningen. *Jurnal Studi Pemuda*. 2017. No. 1 (6). P. 515–526. DOI: 10.22146/studipemudaugm.38010
23. Kyle D.J., Koikkalainen S. Cognitive Migration: The Role of Mental Simulation in the (Hot) Cultural Cognition of Migration Decisions. *Decision Making for a Social World web Conference*. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/215524815_Cognitive_Migration_The_Role_of_Mental_Simulation_in_the_Hot_Cultural_Cognition_of_Migration_Decisions
24. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. L.: Verso, 2014. 216 p.
25. Narwaya S.T.G. Discourse analysis in the perspective of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe. *Journal Communication Spectrum: Capturing New Perspectives in Communication*. 2021. No. 11 (1). P. 1–11. DOI: 10.36782/jcs.v1i1.2106
26. Oh J., Kang D.K., Jiwon Shin J., Lee S.-L., Lee S.B., et al. *Migration profile of the Republic of Korea. IOM MRTC research report series*. 2012. No. 1. 145 p.
27. Paechter S. Researching Sensitive Issues Online: Implications of a Hybrid Insider/Outsider Position in a Retro-spective Ethnographic Study. *Qualitative Research*. 2015. No. 13. P. 71–86. DOI: 10.1177/1468794112446107
28. Park Y. South Korea: balancing labor demand with strict controls. *Migration policy institute*. 2004. Accessed 08.12.2022. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/south-korea-balancing-labor-demand-strict-controls>
29. Silver A.M. Reconstructing Roots: Emotional Drivers of Migration and Identity. *Social Sciences*. 2023. No. 12 (2). P. 1–15. DOI: 10.3390/socsci12020060
30. Timoshkin D. Construction of horizontal networks on “migrant” Russian-language digital platforms. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. No. 13. P. 688–699. DOI: 10.17516/1997-1370-0599
31. Walton S., Boon B. Engaging with a Laclau & Mouffe informed discourse analysis: a proposed framework. *Qualitative Research in Organizations and Management*. 2014. No. 4 (9). P. 351–370. DOI: 10.1108/QROM-10-2012-1106
32. Wang-Bae K. Migration of foreign workers into South Korea: from periphery to semi-periphery in the global labor market. *Asian Survey*. 2004. No. 2. P. 316–335. DOI: 10.1525/as.2004.44.2.316

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry O. Timoshkin — Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow, Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University; Associate Professor, Department of Cultural Studies and Art History, Institute for the Humanities. Siberian Federal University.
Phone: +7 (953) 585-76-14. **Email:** dmtrtim@gmail.com

Daria S. Pchelkina — Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Art History, Institute for the Humanities. Siberian Federal University.
Phone: +7 (953) 585-76-14. **Email:** pchelkina.ml@mail.ru

Andrei S. Samarín — Senior Lecturer, Department of Philosophy, Institute for the Humanities. Siberian Federal University; Junior Researcher, Irkutsk State University.
Phone: +7 (953) 585-76-14. **Email:** asamarin@sfu-kras.ru

Vsevolod V. Khvorostov — 4th year bachelor’s student, Department of Cultural Studies and Art History, Institute for the Humanities. Siberian Federal University.
Phone: +7 (953) 585-76-14. **Email:** hisfu@mail.ru

Roman V. Tomilin — 4th year bachelor’s student, Department of Cultural Studies and Art History, Institute for the Humanities. Siberian Federal University.
Phone: +7 (953) 585-76-14. **Email:** hisfu@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.3

EDN: DJZGDO

Т.В. ГАВРИЛЮК¹, Т.В. ПОГОДАЕВА¹

¹ Тюменский государственный университет.
625003, Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

ПЕРЕХОД К ОБУЧЕНИЮ ПО ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ТРАЕКТОРИЯМ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Аннотация. Исследование посвящено измерению и оценке особенностей применения технологии персонализированного обучения, базирующейся на системе индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ), в Тюменском государственном университете. Для сбора и анализа данных использована стратегия микс-методов, позволяющая выявить наиболее общие тренды во мнениях субъектов образовательного пространства и получить развернутые интерпретации происходящих изменений. Цель исследования заключается в выявлении оценок содержания и технологий образовательной деятельности, преимуществ и рисков ИОТ и традиционного способа обучения ключевыми субъектами образования. Результаты интервью с преподавателями демонстрируют, что в оценке позитивных сторон перехода на ИОТ отмечаются такие аспекты, как возможность ориентации на собственные интересы, рост мотивации и стремления к профессиональному развитию в конкурентных условиях, упрощение отчетности в результате цифровизации. Критическое отношение преподавателей вызывает снижение фундаментальности подготовки и депрофессионализация студентов, распад устойчивых социальных связей и идентичностей преподавателей, снижение бытового комфорта в связи с непрерывной пространственной мобильностью, неуверенность по поводу объема учебной нагрузки. Исследование показало, что пятая часть студентов ИОТ не удовлетворены отдельными аспектами ИОТ и имеют сложности адаптации в смешанных группах. При этом вариативность и индивидуализация обучения пока не являются приоритетом для студентов, обучающихся по традиционным программам. Студенты, обучающиеся по индивидуальным траекториям, не осознают многих преимуществ ИОТ в формировании личностных качеств, необходимых для успешной самореализации, ввиду отсутствия возможности сравнить свою форму обучения с традиционной.

Ключевые слова: образовательные траектории студентов; индивидуальные образовательные траектории (ИОТ); персонализированное обучение; высшее образование; образовательное пространство вуза.

Для цитирования: Гаврилюк Т.В., Погодаева Т.В. Переход к обучению по индивидуальным образовательным траекториям в оценках студентов и преподавателей (на примере Тюменского государственного университета) // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 51–73. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.3 EDN: DJZGDO

Введение

Происходящие в системе высшего образования изменения нацелены на создание оригинальной российской модели образовательного пространства, комфортной для всех участников этого процесса, отвечающего требованиям цифровой экономики и динамичного рынка труда, способствующего профессиональному и личностному становлению специалистов. Эта задача реализуется посредством перехода к персонализированному обучению — к внедрению в вузовскую практику индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ). Тюменский государственный университет является одним из наиболее известных примеров перехода к данной образовательной технологии в России. Формирование модели ИОТ в ТюмГУ основывалось на парадигме свободного образования (*liberal arts education*) как традиционной западной образовательной модели, на практиках адаптивного обучения и других смежных идеях. Комбинация элементов этих систем составила собственную оригинальную образовательную модель вуза. С 2015 г. в ТюмГУ складывалось единое образовательное пространство, предполагающее отказ от поточно-групповой системы обучения и разделение всех учебных дисциплин на три блока: 1) ядро (*core curriculum*) — общеобразовательные предметы, обязательные для всех; 2) основной профиль (*major*), нацеленный на формирование ключевых профессиональных компетенций; 3) элективы и их тематические блоки — майноры (*minor*), которые студенты выбирают независимо от курса обучения и направления подготовки. Для получения диплома студент должен набрать определенное количество зачетных единиц (*credits*). Студенты вправе поменять направление подготовки уже после первого курса. Каждый первокурсник начинает свой путь в университете с включения как минимум в шесть различных учебных команд. Распределение студентов на дисциплины по выбору базируется на рейтинге их академических и иных достижений.

Оценка опыта вуза, где на протяжении более чем шести лет поэтапно внедрялись ИОТ, позволит учесть сильные и компенсировать слабые стороны нового образовательного пространства. Вместе с тем необходимость реформирования высшей школы в связи с переходом к модели «2+2+2» обуславливает потребность в проведении эмпирических исследований, задачей которых является определение восприятия изменений в образовательном пространстве.

В данном случае нас интересуют обобщение и анализ оценок студентами и преподавателями содержания и технологий учебной деятельности, сравнение преимуществ и рисков ИОТ и традиционного способа обучения (ТО). Мы предполагаем, что образовательные технологии влияют на формирование профессиональной идентично-

сти студентов, а также на некоторые аспекты их самоидентификации в категориях общих компетенций и личностных качеств, значимых для профессиональной и карьерной самореализации (так называемые “*soft skills*” и “*self skills*”). Дополнительная цель исследования — выявить степень адаптации студентов и преподавателей к существенным преобразованиям всех сфер учебной деятельности.

Концептуализация индивидуальных образовательных траекторий в российском и зарубежном научном дискурсе

Субъектность студента в образовательном пространстве высшей школы является актуальным предметом научной рефлексии последних десятилетий. Концепции индивидуализированного, «гибкого» или «студентоцентричного» обучения [12; 13; 15; 7] базируются на представлении о том, что для обеспечения качественного образования индивидуальные действия обучающегося оказываются на первом плане. Внимание акцентируется на личностных качествах и общих компетенциях, включая индивидуальную ответственность, осознанность, саморегуляцию, рефлексивность [24; 25], грамотное целеполагание и стратегическое мышление [7, с. 96], которые необходимы для превращения студента из пассивного реципиента заранее заданного набора «знаний и умений» в субъекта образовательного процесса. Возросшая автономия студента позволяет ему вступать в большее количество взаимодействий и тем самым формировать свой социальный капитал, а также разделять с другими субъектами функции контроля над учебным процессом [19; 34]. Ключевую роль при такой модели обучения играет управление образовательными траекториями студентов: измерение и анализ приобретаемых навыков и компетенций, выстраивание последовательностей учебных модулей и дисциплин, поддержка студентов на всех этапах образовательного пути, обеспечение эффективных и прозрачных форм контроля [35; 27].

В англоязычном дискурсе общий контекст теорий персонализированного обучения (*personalized learning*) предполагает создание инструментов увеличения мотивации, удовлетворенности, вовлеченности и эффективности обучения учащихся [28; 23]. В настоящее время персонализированное обучение является, скорее, общим термином, включающим ряд подходов и моделей, таких как компетентностный подход, обучение в самостоятельном темпе, дифференцированное обучение, индивидуальное обучение, адаптивное обучение и т. д. [30; 33].

В России поворот в сторону персонализации высшего образования начался в 2010 г. с переходом к компетентностной модели [9, с. 122]. Федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения заложили принцип индивидуализации в качестве базового, однако долгое время намерения по изменению системы образования не являлись системными, не приводили к реальному расширению студенческой автономии в образовательном процессе. Для достижения результата потребовалась кардинальная реформа высшей школы, и она была осуществлена лишь в последние несколько лет. Современные рос-

сийские авторы концептуализируют индивидуализацию образования созвучно зарубежным коллегам в категориях рефлексии, осознанности, персонального менеджмента обучающегося [11]. Предложены различные трактовки понятия «индивидуальные образовательные траектории» (ИОТ): метафоры образовательного «пути» [10] и «маршрута» [3]; разделение на содержательный, деятельностный и организационный компоненты [2, с. 5]; акцентирование «всестороннего развития личности» студента при «педагогической поддержке его самоопределения и самореализации» [11]. Для российских подходов к определению ИОТ характерно встраивание образовательной траектории в более широкую категорию «жизненной стратегии», которая в зарубежном дискурсе почти не используется. На сегодняшний день в российской социологии и педагогике представлены исследовательские кейсы, анализирующие эксперименты по построению ИОТ для разных групп обучающихся: для людей с ограниченными физическими возможностями, педагогов, инженеров, медиков, спортсменов [6; 5; 1; 31; 4], однако эмпирических социологических исследований результатов внедрения ИОТ в вузовское пространство пока недостаточно. Нам удалось обнаружить единственное эмпирическое исследование, где индивидуальная образовательная траектория выстраивается и оценивается на основе определенной структуры — так называемой «образовательной карты» [18].

Принятое в России понятие «индивидуальная образовательная траектория» в зарубежной литературе встречается редко, однако идея персонализированного обучения раскрывается в группе смежных понятий: «планирование индивидуального развития» (“*personal development planning*”), «личный учебный путь» (“*personal learning pathway*”) и «гибкий учебный путь» (“*flexible learning pathway*”). Общим для всех них является то, что они подразумевают развитие не только профессиональных, но и общих компетенций и — шире — личностных качеств обучающегося. Существенное отличие понятия “*personal development planning*” — в акценте на долгосрочном сопровождаемом планировании студентом структуры образовательного пути с фиксацией промежуточных результатов и регулярными практиками рефлексии [25]. В России подобный подход пока не нашел широкого воплощения, на чем акцентируют внимание некоторые авторы. Например, Б.А. Сазонов полагает, что студентам следует предоставить возможность формировать индивидуальную образовательную программу и менять темп ее освоения [8].

В большей степени понятию ИОТ по смыслу соответствует зарубежное определение «личного учебного пути» (“*personal learning pathway*”), которое предполагает освоение одной или более последовательностей учебных дисциплин (“*learning sequences*”), а также возможность студента ориентироваться в этих последовательностях и в образовательном пространстве в целом [32]. «Личный учебный путь» трактуется и как некая структура, навигационная система, организующая тематические блоки учебной программы и позволяющая беспрепятственно получить полную картину того, что должно быть сделано и усвоено для обретения опреде-

ленных компетенций [20, с. 193]. В идеальном варианте система подстраивается под индивидуальные особенности обучающегося: потребности, стиль обучения, предшествующий опыт, мотивация, степень автономии и т. д. Вместе с тем исследователи отмечают сохраняющееся влияние институциональных барьеров между образовательными уровнями и направлениями, усложняющих для студента возможность соотносить и интегрировать образовательные программы между собой или приспосабливаться к требованиям нового образовательного модуля [37]. В связи с этим в актуальном зарубежном дискурсе используется также понятие «гибкий путь обучения» (*“flexible learning pathway”*), определяемое как возможность первичного и повторного входа в систему образования для людей всех возрастов, с любым уровнем базовой подготовки, укрепление связей между формальными и неформальными структурами, а также признание, проверка и аккредитация знаний, навыков и компетенций, приобретенных посредством неформального образования [36, с. 33]. В 2018 г. Международный институт образовательного планирования ЮНЕСКО (International Institute for Educational Planning UNESCO) запустил глобальную программу по исследованию доступности образования и обеспечения равенства возможностей для социально непривилегированных групп [22]. Похожие планы закладываются и в деятельность институтов образования Великобритании, где подчеркивается, что образовательные пути будут выходить за организационные и отраслевые границы, а институты должны будут обеспечить большую гибкость и приспособляемость [14]. Гибкость путей обучения также должна воплощаться в нормативных и финансовых механизмах поддержки и репрезентации интересов дискриминированных групп, в различном темпе обучения (полный или неполный учебный день, возможность пройти программу бакалавриата за два года), в маршруте поступления, в возможности перевода студентов между курсами и учреждениями, а также в методах обучения (онлайн, на рабочем месте, традиционные очные занятия). Многие из вышеперечисленных аспектов учитывались и при проектировании программ перехода к ИОТ в российских вузах, в частности в ТюмГУ.

Внедрение новых идей и технологий в образовательную среду должно сопровождаться мониторингом удовлетворенности студентов результатами обучения по индивидуальным траекториям для обеспечения индивидуализации, инклюзивности и гибкости системы высшего образования. За рубежом данная проблематика является предметом регулярных исследований [16; 17; 29], в российской же социологии она слабо актуализирована ввиду новизны исследовательского предмета. Зарубежные исследователи отмечают, что преподаватели высших учебных заведений находятся под постоянным давлением, так как вынуждены непрерывно трансформировать процесс обучения с целью формирования гибкой среды, ориентированной на учащегося [21; 26]. Аналогичные процессы наблюдаются сегодня и в России, что обуславливает целесообразность анализа мнений преподавателей и степени их адаптации к происходящим в вузах процессам. При этом полезно отделять моменты общего восприятия ситуации от тех, что связаны с конкретными элементами ИОТ.

Сравнение зарубежного и российского дискурсов об индивидуальных образовательных траекториях студентов высших учебных заведений показывает такие общие черты, как акцент на развитии не только профессиональных и общих компетенций, но и личностных качеств студента, а также необходимость помощи и содействия со стороны наставников в этом процессе. Зарубежные трактовки отличаются большим акцентом на долгосрочном планировании, для которого нужна стабильная «навигационная система», позволяющая определить базовые цели образовательного пути и способы их достижения. Кроме того, зарубежные авторы трактуют индивидуализацию в контексте инклюзивности системы образования. Несмотря на то, что стратегически данные вопросы присутствуют в дискуссиях российского экспертного сообщества, в настоящее время доминируют тактические вопросы организации учебных планов, формирования и соединения компетенций.

Логика и дизайн эмпирического исследования

В качестве эмпирического объекта исследования выступили студенты и преподаватели. Генеральной совокупностью являлись студенты 4-го курса бакалавриата социально-гуманитарных специальностей, обучающиеся по традиционным образовательным программам и по ИОТ, ее объем составил 1418 человек. Под традиционным для России обучением понимается поточно-групповая система, стандартизированная программа в рамках одного направления подготовки, не предоставляющая студентам возможности выбора предметов (или предоставляющая минимальные возможности), где доминирует разделение занятий на лекционные и семинарские. Выбор студентов социально-гуманитарных направлений продиктован тем, что в течение первых лет внедрения ИОТ участниками образовательного эксперимента были студенты только этих направлений подготовки. Студентов-четверокурсников естественно-научных и технических специальностей оказалось недостаточно для релевантного сравнения, поэтому они не были включены в выборочную совокупность.

На первом этапе были разработаны концептуальная схема и инструментарий проекта, реализовано полевое исследование: анкетный опрос студентов с использованием программного пакета «Анкетолог». Опрос проводился аудиторно методом самозаполнения анкеты респондентами на своем смартфоне. Выборочная совокупность имела сплошной характер, то есть опрос производился среди присутствующих в аудитории студентов. Так как у нас была возможность опросить максимальное число респондентов, допустимая погрешность исследования составила 2%, уровень надежности — 99% при минимальном размере выборки 1058 человек. В нашем исследовании выборка составила 1122 человека. Из них студенты, обучающиеся по ИОТ, — 492 человека, по традиционной образовательной технологии — 630 человек. Для статистического анализа использовались инструменты пакета IBM SPSS Statistics 28.

Второй этап исследования базировался на глубинном полуструктурированном интервью с преподавателями, имеющими опыт ра-

боты в условиях ИОТ и не занимающими управленческие позиции на момент проведения исследования. Выборочная совокупность составила 15 информантов — 3 группы преподавателей по 5 человек в зависимости от квалификации и возраста: молодые преподаватели (26–29 лет, без ученой степени), кандидаты наук (29–36 лет), доктора наук (5 информантов от 45 до 67 лет). Анализ осуществлялся путем тематической группировки, секвенционального деления текстового массива и дальнейшего выделения логики категоризации и модальных линий интерпретации информантами как идейного поля ИОТ, так и явлений своей повседневной жизни в университете в период масштабных перемен. Сбор всех эмпирических данных производился в период с февраля по апрель 2022 г.

Эффективность обучения по индивидуальным образовательным траекториям в студенческих оценках

Удовлетворенность студентов опытом обучения по ИОТ и традиционным образовательным программам отражена на рисунке 1.

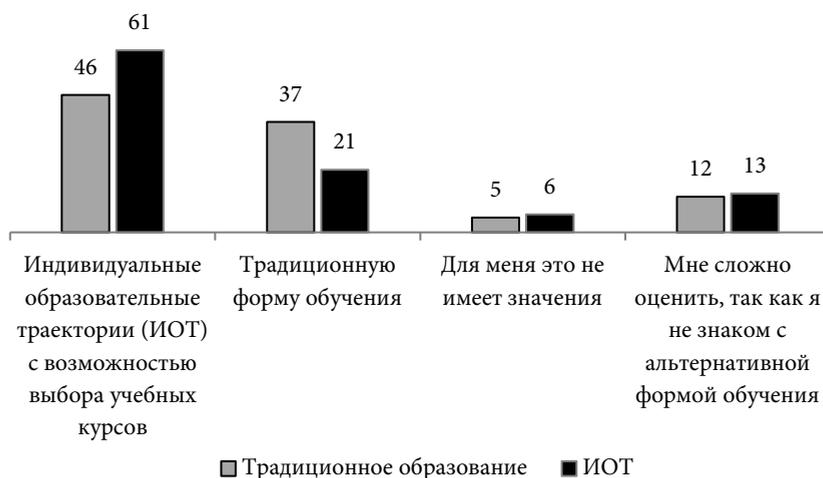

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Если бы сегодня у Вас была возможность выбора, Вы бы предпочли...», % от числа опрошенных в каждой группе

Большинство обучающихся по ИОТ (61%) удовлетворены этой образовательной технологией и не сожалеют о сделанном выборе. Вместе с тем для 21 студента ИОТ подобная форма обучения не подходит, они предпочли бы учиться традиционным способом по стандартным образовательным программам. Оценки студентов традиционного обучения (ТО) разделились: чуть менее половины (46%) хотели бы иметь возможность выбирать учебные курсы и самостоятельно выстраивать свой учебный путь, более трети (37%) не готовы двигаться в сторону индивидуализации образования.

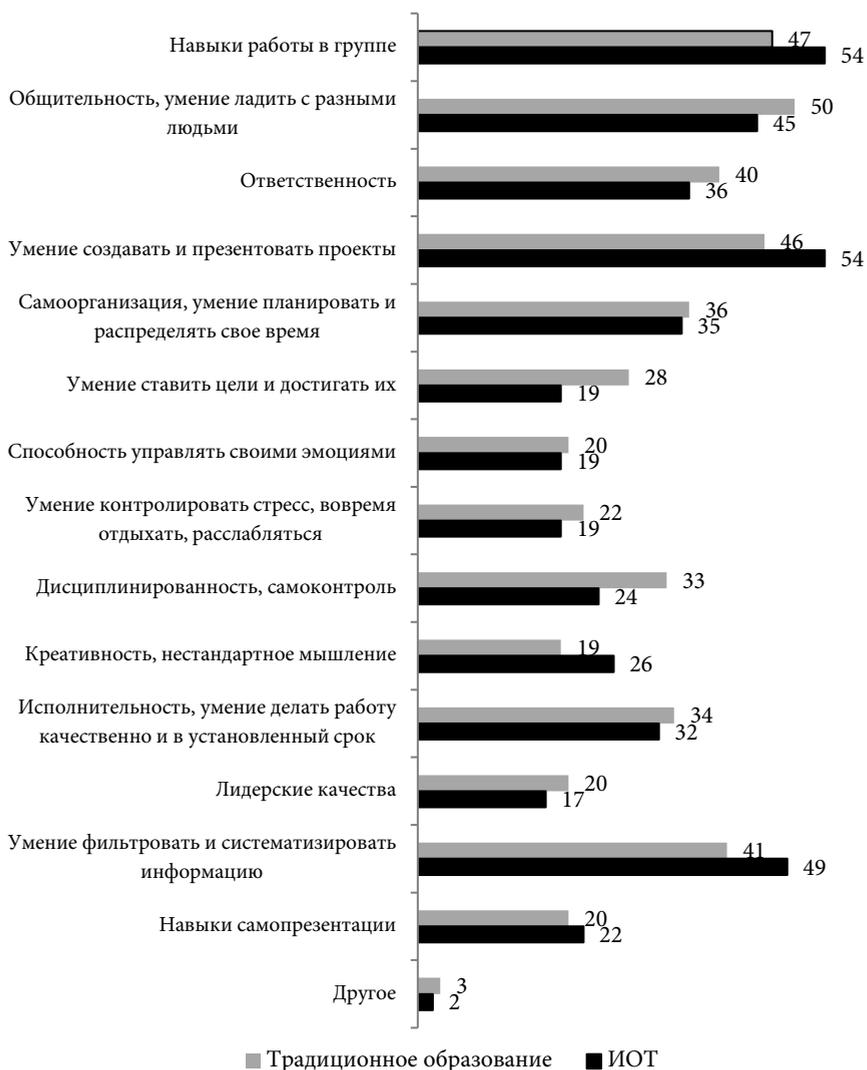

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какие личностные и профессиональные качества Вы лучше всего развили во время учебы в университете?», % от числа опрошенных в каждой группе, множественный выбор

Для выявления возможных различий между студентами, обучавшимися по ИОТ и традиционным способом, мы попросили респондентов оценить, насколько учеба помогла им в развитии ряда профессиональных и общих компетенций, а также свойств характера, необходимых для успешной самореализации. Студенты ИОТ несколько чаще отмечают у себя развитие умений фильтровать и систематизировать информацию,

создавать и представлять проекты, работать в группе (рис. 2). Студенты традиционного обучения подчеркивают умение ставить цели и достигать их, формирование дисциплинированности и самоконтроля. Результаты опроса не подтверждают различий в субъективных оценках развития коммуникативных навыков, ответственности, исполнительности и самоорганизации между исследуемыми группами студентов. Так называемые “*self skills*” — навыки саморепрезентации, лидерские качества, эмоциональный интеллект и умение контролировать стресс — студенты также оценивают одинаково независимо от технологии обучения.

Важнейшим преимуществом программ ИОТ является формирование и развитие навыков коммуникации и проектной деятельности в условиях непрерывной смены учебных коллективов различного состава. Респондентам было предложено оценить идею учебы в группах со студентами других специальностей и курсов, ответив на вопрос с множественным выбором (рис. 3).

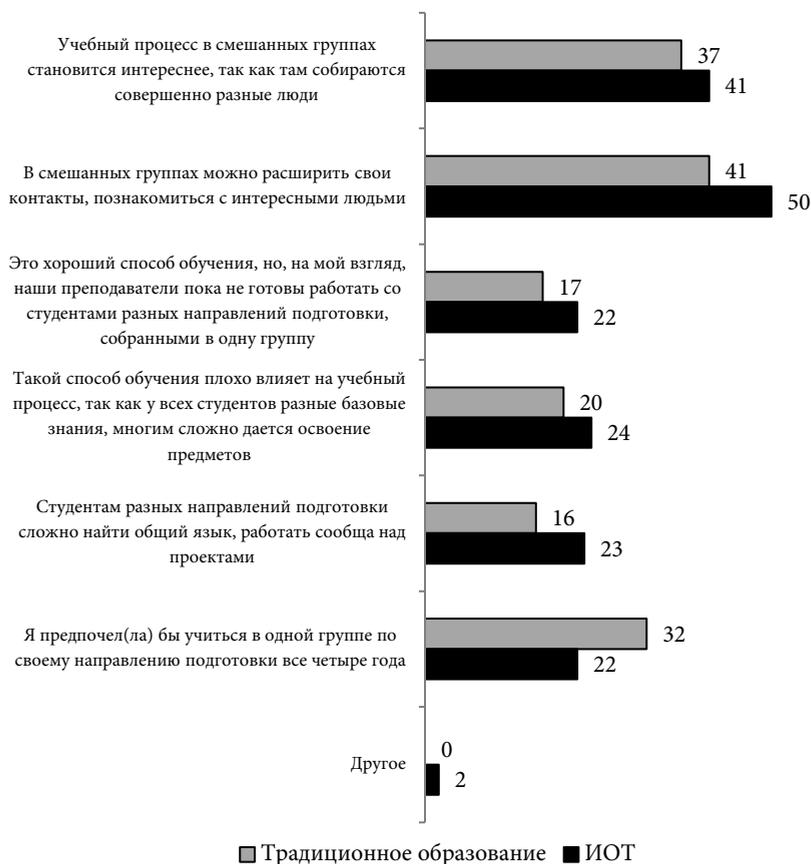

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Заниматься в смешанных группах со студентами других направлений подготовки по отдельным учебным курсам — хорошая идея?», % от числа опрошенных в каждой группе, множественный выбор

Позитивные оценки такого способа обучения доминируют у студентов обеих исследуемых групп. Тем не менее около четверти опрошенных негативно настроены по отношению к такому способу обучения. В графе «Другое» указывались обоснования данной позиции, среди которых подчеркивались сложности в адаптации, а также краткосрочность контактов, препятствующая установлению длительных социальных связей.

Значительное количество студентов ИОТ регулярно сталкиваются с проблемами адаптации в смешанных группах (рис. 4). Постоянно или часто испытывают сложности в адаптации почти та же пятая часть опрошенных (19%), ранее в целом негативно оценившая свой опыт в программе ИОТ. Помимо этого, свыше трети студентов ИОТ (37%) испытывают сложности в адаптации ситуативно — в зависимости от состава группы.

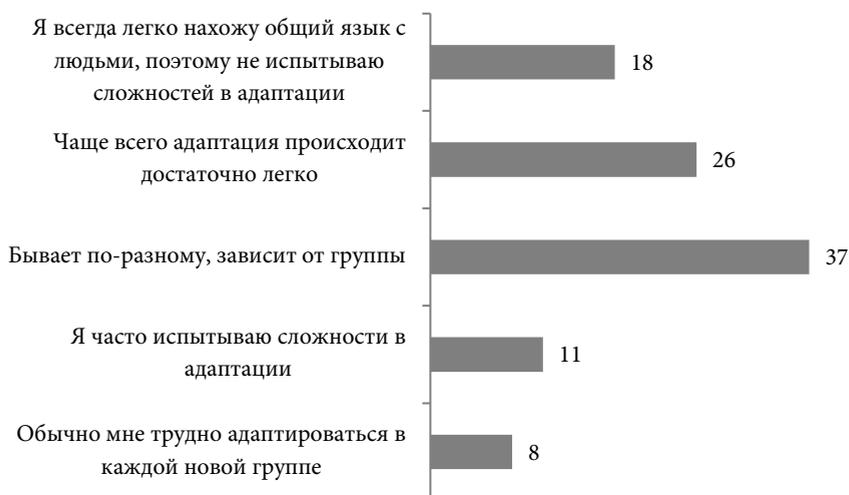

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Насколько легко Вам адаптироваться в смешанных группах со студентами других направлений подготовки, специальностей, курсов?», % от числа опрошенных студентов ИОТ

Еще одной исследовательской задачей было выявление наличия или отсутствия влияния образовательной технологии на профессионализацию студентов. Анализ профессиональной идентичности осуществлялся в контексте более широких представлений об образе профессионального будущего (табл. 1).

Данные свидетельствуют, что половина четверокурсников не знают, чем будут заниматься в жизни. Пятая часть студентов традиционного обучения и четверть студентов ИОТ и вовсе предпочитают не думать о будущей работе ввиду безрадостности возможных перспектив. При сравнении оценок этих перспектив можно сделать вывод о высоком уровне тревожности молодежи обеих групп за свое профессио-

нальное развитие и карьерный рост. Лишь около трети студентов ТО и чуть более четверти студентов ИОТ имеют примерный карьерный и профессиональный план и работают над достижением поставленных целей. В целом студенты ТО настроены несколько более оптимистично (с разницей в 10 п.п.). Нельзя недооценивать, что усиление пессимистических настроений и нежелание планировать будущее во многом обусловлены моментом проведения опроса.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с приведенными ниже высказываниями?», % от числа опрошенных в каждой группе

Варианты ответов	Традиционное обучение	ИОТ	Традиционное обучение	ИОТ
	Согласен(-на)		Не согласен(-на)	
Будущее непредсказуемо, планирование и размышления о нем бесполезны	28	37	72	63
Мое профессиональное будущее меня тревожит	62	67	38	33
Я с уверенностью и оптимизмом смотрю на свое профессиональное будущее	68	57	32	43
Я верю в счастливую случайность, которая может повлиять на мою карьеру	71	67	29	33
Я предпочитаю не думать о своей будущей работе, так как перспектива меня не радует	20	26	80	74
Я уверен, что упорный труд и целеустремленность обеспечат мне хорошее профессиональное и карьерное будущее	95	89	5	11
Я пока не знаю, чем я буду заниматься в жизни в профессиональном плане	48	49	52	51

Среди студентов ИОТ также значительно сильнее выражено желание сменить направление подготовки: четверть опрошенных планируют поступать в магистратуру по другому профилю, чуть менее 17% хотят пройти профессиональную переподготовку на курсах. Студенты ТО в основном ориентированы на углубление специализации и поступление в магистратуру по своему профилю (35%).

Обучение по индивидуальным образовательным траекториям в оценках преподавателей

Анализ интервью с преподавателями показывает, что почти все они в той или иной степени приняли произошедшие изменения

и адаптировались к ним. Ключевые идеи ИОТ разделяются большинством участников интервью, почти все выразили готовность применять новые технологии в работе, осваивать междисциплинарные поля деятельности и адаптировать курсы к преподаванию в смешанных группах. Модель ИОТ воспринимается целесообразной в современной ситуации нестабильности и неопределенности, хотя контекст высказываний разный: молодые преподаватели оценивают состояние неопределенности и необходимости постоянно совершать выбор без негативных коннотаций как элемент множественности и вариативности современного мира, кандидаты и доктора наук часто связывают возникающее у студентов замешательство, обусловленное большим выбором, со сложностями дальнейшей профессионализации.

«Раньше вся идея была в том, что студенты целенаправленно формировали свою профессиональную идентичность. Например, у психологов с 1-го курса идут тренинги — [это помогает] представить, как выглядит психолог. Если мы говорим про ИОТ, то здесь ракурс меняется... личные запросы, не профессиональные. Единицы говорят, что мне нужно это [курсы по выбору. — Прим. авт.] для будущей работы... Это вносит некоторый хаос и дезориентирует выпускника. И вроде он думает: я хорошо владею коммуникацией, но куда мне идти — в продажи?» (кандидат наук).

Различия присутствуют и в оценке возможностей смены образовательного направления, которые дает система ИОТ. В то время как поиск себя методом проб и ошибок трактуется в качестве легитимного способа самоопределения в условиях неопределенности большинством молодых информантов и кандидатов наук, доктора наук по большей части скептически относятся к идее изменчивого вектора профессионализации, полагая, что в идеале человек должен определиться с профессией еще в школьные годы. Достаточно часто встречается и мотив «поиска себя» как проявление инфантилизма и легкомысленности.

«Я считаю, что это [ИОТ. — Прим. авт.], наверное, рассчитано на молодых людей с большим инфантилизмом, с меньшей подготовленностью после выпуска из школы... К этому времени уже надо бы определиться, уже конкретнее работать над той проблемой, которой они в дальнейшем хотят свою жизнь посвятить» (доктор наук).

Доктора наук также часто подчеркивали противоречия между школьной подготовкой и вузовскими требованиями: по их мнению, прошедший «натаскивание на ЕГЭ» школьник не умеет и не готов делать выбор и нести за него ответственность.

Наиболее распространенный аспект критики, присутствующий в высказываниях всех трех групп информантов, — снижение фундаментальности образования, менее глубокий уровень преподавания базовых предметов. Поддерживая идею формирования широких компетенций и эрудиции студентов, преподаватели полагают, что это не должно происходить за счет сокращения часов профессиональных дисциплин.

Докторами наук высказывались опасения, что смещение акцентов на общую эрудицию, “soft skills” и широкие компетенции может привести к размыванию профессиональной идентичности будущих специалистов.

«Если, положим, раньше мы индивидуальную траекторию выстраивали в рамках кафедры, факультета, то есть у человека была система спецкурсов и спецсеминаров, так? То сейчас то, что я веду, к примеру, ну и все другие ведут... это выбор универсальный, это не связано с углублением в профессии. То есть ты получался раньше, и в этом был плюс безусловно, ты был специалистом по Манделштаму, по теории литературы и так далее... Ты специализировался по какой-то теме... Сейчас же я даже не знаю, плюс это или минус» (доктор наук).

Большинство кандидатов наук, напротив, не видят противоречия между фундаментальностью базовой подготовки и эрудицией, разнообразием интересов, которые студенты могут «закрыть» в рамках ИОТ. Они противопоставляли университет учреждениям среднего профессионального образования, нацеленным на формирование исключительно прикладных навыков. В вузе же, по их мнению, происходит становление «культурного слоя» или складывается тип «университетского человека», в идеале владеющего метаязыком науки.

Информанты из всех трех групп единодушны в оценке необходимости реформирования системы образования в сторону междисциплинарности, также положительно оценивается развитие коммуникации студентов в смешанных группах. Подчеркиваются развитие разносторонности и гибкости мышления студентов, навыков коммуникации и командной работы, уважение к мнениям, отличным от собственного.

«Сейчас мы видим полное перемешивание студентов... Как мне кажется, это одна из положительных динамик, которые вообще можно выделить. То есть студенты видят то, чем занимаются другие студенты, они между собой взаимодействуют... при этом встречаются такие частные случаи, которые в дальнейшем перетекают в более полезные знакомства, возможно, в потенциально новые метаисследования» (молодой преподаватель).

Молодые преподаватели выразили уверенность в том, что технология ИОТ способна формировать качественно новое образовательное пространство, а также тип студенческого мышления и действия. По их мнению, у студентов развиваются креативность, гибкость мышления, толерантность, инициативность, эрудиция, умение работать в команде. Вместе с тем преподаватели из всех возрастных и квалификационных групп подчеркивают приоритет индивидуального действия, а не системных факторов в формировании компетенций и личностных качеств студентов. Акцентируется, что преимуществами новой системы смогут воспользоваться только «сильные» студенты, ответственные и способные к рефлексии, для остальных же произошедшие перемены лишь облегчат поиск «легких путей» ввиду сокращения часов преподавания фундаментальных дисциплин, отказа от традиционных форм

контроля и внедрения практики «командных оценок». Достаточно выраженной является позиция, что существует тип студентов, которым не подходит система ИОТ, а также отражено представление о недостаточной информированности студентов и их родителей о данной образовательной модели и ее преимуществах.

Информанты отмечают некоторые организационные трудности и негативные эффекты модели ИОТ в ее текущем состоянии: недостаточно внятные описания и названия элективов, повторы в их тематике, последствия студенческой конкуренции за места на популярных элективах, недостаточная адаптированность преподавателей к смешанному составу групп. Присутствуют и описания сложностей, возникающих в преподавании: недостаточный базовый уровень подготовки студентов, пришедших на элективы, а также коммуникативные трудности.

В оценке изменения уровня нагрузки и нормирования труда преподавателей мнения разделились. Отражен весь спектр позиций в зависимости от условий, в которых оказался каждый конкретный преподаватель. Нередко выражается беспокойство относительно нехватки нагрузки, тревогу вызывает так называемое *подвешенное состояние*, связанное с неосведомленностью о планируемом объеме этой нагрузки в связи с тем, что элективы могут быть предложены, но не выбраны достаточным количеством студентов.

Преподаватели из всех трех групп отмечают резкость и интенсивность произошедших изменений. Большинство информантов в курсе имеющихся в университете программ повышения квалификации. Многие подчеркивают, что активно внедряют полученные знания о новых методах преподавания в своей работе. К положительным эффектам перехода к ИОТ преподаватели отнесли возможность заниматься тем, что им действительно интересно при создании элективов, большую свободу в выборе тематик и форм работы, увеличение мотивации и стремления к профессиональному развитию в конкурентных условиях, а также упрощение отчетности в результате цифровизации.

Неоднозначным эффектом преобразований, по мнению некоторых преподавателей средней и старшей группы, является разрушение устойчивых групповых солидарностей. Социальные связи студентов и преподавателей становятся множественными, кратковременными, функционально обусловленными.

«Пропало вот это ощущение группы — то есть, например, из группы 262А, где мы неразлучны с Машей, Васей и Петей, мы Хэллоуин отмечаем вместе, у нас есть любимый преподаватель, который вместе с нами уже целых 5 лет, и диплом с ним пишем — вот это ушло... Я вот вижу, наблюдаю: сидят рядом люди, которые вообще-то вне пары друг с другом не общаются. Происходит постоянная пересборка. Вот это, немного ранее — домашний уют, когда “у меня одна кафедра” и т. д., — наверное, уходит. И они становятся, как в любой организации, в хорошем смысле действительно пользователями системы, к которой эмоционально перестают относиться» (кандидат наук).

Как у кандидатов, так и у докторов наук присутствует ностальгия по «старому» пространству университета, атмосфере старых корпусов и кафедр, что взаимосвязано и с отмечавшимися ранее ушедшими в прошлое солидарными практиками. Необходимость непрерывной пространственной мобильности, возникшая с переходом на ИОТ, воспринимается положительно молодыми преподавателями, старшим же их коллегам она доставляет ощутимый дискомфорт. Они болезненно переживают тот факт, что лишились полноценного общения на кафедре, так как все *«разбросаны по разным корпусам»*, а также переживают бытовые трудности (*«некуда приткнуться»*, *«негде попить чай»*), им также сложно организовать свой день в случае длительных «окон» в расписании.

Выводы

Анализ показывает, что около 60% обучавшихся по программам ИОТ удовлетворены данной образовательной технологией, однако пятая часть студентов оценивают ее как неподходящую для себя. При этом среди студентов, обучающихся по традиционным программам, запрос на вариативность и индивидуализацию в образовании пока невысок. Следовательно, вузам стоит обратить больше внимания на каналы информирования студентов о преимуществах нового способа обучения.

В преподавательской среде в той или иной степени все приняли произошедшие изменения, при этом сложнее всех адаптировались к переходу на ИОТ доктора наук. Преподаватели разделяют ключевые идеи новой технологии обучения: гибкость образовательного вектора, индивидуальную ответственность за сделанный выбор, междисциплинарность знаний и широкий набор формируемых компетенций, акцент на проектное и проблемно-ориентированное обучение.

Позитивные оценки большинством преподавателей программ повышения квалификации при переходе к ИОТ, которые массово проводились и проводятся в ТюмГУ, позволяют говорить о важности различных практик поддержки педагогического мастерства и организационных изменений, а также о возможности их тиражирования, внедрения опыта вуза в практику других университетов.

Критическое отношение преподавателей вызывает сокращение часов базовых дисциплин в пользу элективов, которые, по мнению большинства, ориентированы на личные интересы студентов, а не на совершенствование в будущей профессии. Тем самым высказываются опасения, что внедрение ИОТ приведет к снижению фундаментальности подготовки и, как следствие, к депрофессионализации студентов. Данные, полученные в результате опроса, однако, не демонстрируют значимых различий профессиональной идентичности между студентами ИОТ и традиционного обучения. Обе группы студентов нуждаются в содействии в планировании профессиональной траектории, поскольку без этого декларируемый положительный образ будущего

подкрепляется лишь умозрительными идеями о значимости упорного труда и надеждой на счастливую случайность, что создает ощущение неопределенности и повышает тревожность.

Гипотеза о формировании особого типа мышления студентов в результате внедрения ИОТ, разделяемая многими преподавателями, пока не подтвердилась. Студенты не осознают многих преимуществ ИОТ в формировании личностных качеств, необходимых для успешной самореализации, скорее всего, ввиду отсутствия возможности сравнить эту форму обучения с традиционной. Вместе с тем данные показывают, что технология ИОТ, по самооценке студентов, дает ряд преимуществ в формировании навыков командной проектной работы, а также работы с информацией, что является ключевым для многих профессий в условиях современного рынка труда.

Занятия в смешанных группах как новая форма организации учебного процесса, переопределяющая традиционную студенческую социальность в сторону большей множественности и кратковременности, вызывают неоднозначную реакцию студентов. Около четверти студентов регулярно испытывают проблемы адаптации и в целом негативно относятся к такой технологии. Преподавателям же нравится идея работы в смешанных группах, они видят возможности для студенческих проектов, формирования общенаучной картины мира и умения работать в условиях чередования идей и команд.

Пересборка старой системы в неменьшей степени пошатнула и устойчивые способы взаимодействия преподавателей. Трансформация форм социальной связанности привела к утрате ими устойчивой идентичности в форме принадлежности к кафедре. Обезличенные общественные пространства по типу «третьего места» (библиотеки, кафе, коворкинги и т. д.) выступают хорошим решением для коммуникации преподавателей младшей и средней возрастных групп, однако информанты старшего возраста не чувствуют себя там комфортно.

В целом проведенный анализ позволил выявить определенные черты складывающегося нового образовательного пространства исходя из оценок студентов и преподавателей. Однако обозначенные информантами проблемы требуют и дальнейшего исследования, и развития программы ИОТ для улучшения отдельных элементов организации образовательного пространства в его формальной и неформальной частях, что позволит повысить эффективность процесса обучения и создать более стабильные идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гасанова Р.Р.* Разработка и осуществление персональных траекторий образования педагогов в дополнительном образовании // *Профессиональное образование в современном мире.* 2021. № 11 (1). С. 125–135. DOI: 10.20913/2618-7515-2021-1-21

2. Гончарова Е.В., Чумичева Р.М. Организация индивидуальной образовательной траектории обучения бакалавров // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2012. № 2. С. 3–11. EDN: OYCNID
3. Кляпышева Е.В. Индивидуальный образовательный маршрут как средство реализации индивидуальной образовательной траектории // Интерактивная наука. 2018. № 12. С. 36–39. DOI: 10.21661/г-474241 EDN: YQVРKH
4. Кошель В.И., Ходжаян А.Б., Щетинин Е.В., Семенова О.А., Сирак С.В., Маяцкая Н.К., Гевандова М.Г. Особенности реализации индивидуальной образовательной траектории в медицинском университете // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 9 (4). С. 646–650 [электронный ресурс]. Дата обращения 04.03.2023. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7565> EDN: UHRKVJ
5. Куликова О.В., Сиухина Е.А., Тимофеева Л.В. Разработка образовательных траекторий спортсменов в рамках реализации компетентностного подхода и внедрения образовательных стандартов высшего образования // Управление в XXI веке: Сборник статей по материалам студенческой Международной научно-практической конференции, НИУ «БелГУ», 1–2 ноября 2016 года / Отв. ред. В.М. Захаров. Белгород: Белгород, 2016. С. 31–34. EDN: ZGXJGP
6. Мартынова Е.А. Построение индивидуальной образовательной траектории лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, обучающихся в профессиональных образовательных организациях // Научный альманах. 2017. № 6 (1). С. 156–160.
7. Муравьева А.А., Олейникова О.Н., Аксенова Н.М. Многомерное пространство студентоцентрированного обучения // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 21 (3). С. 92–99. DOI: 10.15826/упра.2017.03.041 EDN: ZCOULH
8. Сазонов Б.А. Организация образовательного процесса: возможности индивидуализации обучения // Высшее образование в России. 2020. № 29 (6). С. 35–50. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-29-6-35-50 EDN: UTHNIS
9. Сысоев П.В. Обучение по индивидуальной траектории // Язык и культура. 2013. № 4. С. 121–131. EDN: RUBJNT
10. Тимошина Т.А. Концепция выстраивания индивидуальной образовательной траектории студента. Педагогика и психология как ресурс развития современного общества. Материалы Международной научно-практической конференции, 7–9 октября 2010 г. / Под ред. Л.А. Байковой, Н.А. Фоминой, А.Н. Сухова; РГУ им. С.А. Есенина. Рязань, 2010. С. 315–320.
11. Шапошникова Н.Ю. Индивидуальные образовательные траектории в вузах России и Великобритании (теоретические аспекты) // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 1. С. 263–268. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-1-40-263-268 EDN: TVROET

12. *Adams-Becker S., Cummins M., Davis A., Freeman A., Hall-Giesinger C., Ananthanarayanan V.* NMC Horizon Report: 2017 Higher Education Edition. Austin, Texas, 2017. — 60 p. [online]. Accessed 04.03.2023. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED582134.pdf>
13. *Alamri H.A., Watson S., Watson W.* Learning technology models that support personalization within blended learning environments in higher education // *TechTrends*. 2021. No. 65. P. 62–78. DOI: 10.1007/s11528-020-00530-3
14. *Augar P.* Post-18 review of education and funding. London: Crown copyright, 2019. — 216 p. [online]. Accessed 04.03.2023. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/805127/Review_of_post_18_education_and_funding.pdf
15. *Barr R.B., Tagg J.* From teaching to learning — A new paradigm for undergraduate education // *Change*. 1995. No. 27. P. 12–26. DOI: 10.1080/00091383.1995.10544672
16. *Baruth O., Cohen A.* Increasing Student Satisfaction with a Personality-Based Personalized Learning Path // *Proceedings of EdMedia + Innovate Learning*. Waynesville, NC, 2021. P. 1074–1081 [online]. Accessed 04.03.2023. URL: <https://www.learntechlib.org/primary/p/219797/>
17. *Biemans H.J., Mariën H., Fleur E., Beliaeva T., Harbers J.* Students' experiences with different learning pathways to higher professional bachelor programmes // *International Journal for Research in Vocational Education and Training*. 2020. No. 7 (1). P. 1–20. DOI: 10.13152/IJRJET.7.1.1
18. *Boyarinov D.A.* Pedagogical Model for Creating Individual Learning Paths Based on Educational Maps // *Proceedings of VI International Forum on Teacher Education — 2020*. Kazan': Kazan federal university, 2020. P. 277–289. DOI: 10.3897/ap.2.e0277
19. *Carneiro R., Lefrere P., Steffens K., Underwood J.* Self-regulated learning in technology enhanced learning environments. Rotterdam: Sense Publishers, 2011. — 163 p. DOI: 10.1007/978-94-6091-654-0
20. *European Centre for the Development of Vocational Training.* Terminology of European education and training policy: A selection of 130 terms. Luxembourg: Cedefop Publications Office, 2014. DOI: 10.2801/15877
21. *Christodoulou A., Angeli C.* Adaptive Learning Techniques for a Personalized Educational Software in Developing Teachers' Technological Pedagogical Content Knowledge // *Frontiers in Education*. 2022. No. 7. DOI: 10.3389/educ.2022.789397
22. Flexible learning pathways in higher education // UNESCO. International Institute for Educational Planning, 2022 [online]. Accessed 04.03.2023. URL: <https://www.iiep.unesco.org/en/our-expertise/flexible-learning-pathways-higher-education?language=en>
23. *Gómez S., Zervas P., Sampson D.G., Fabregat R.* Context-aware adaptive and personalized mobile learning delivery supported by UoLMP // *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*. 2014. No. 26 (1). P. 47–61. DOI: 10.1016/j.jksuci.2013.10.008
24. *Jääskelä P., Poikkeus A.-M., Vasalampi K., Valleala U.M., Rasku-Puttonen H.* Assessing agency of university students: Validation of the AUS Scale // *Studies in Higher Education*. 2017. No. 42 (11). P. 2061–2079. DOI: 10.1080/03075079.2015.1130693

25. Jackson N. Learning to be a self-regulating professional: the role of personal development planning (PDP). Learning to be Professional through a Higher Education. 2010 [online]. Accessed 04.03.2023. URL: <http://learningtobe-professional.pbworks.com/f/CHAPTER+A6+Learning+to+be+a+Self-Regulating+Professional+-+the+role+of+PDP.pdf>
26. Johnson L., Becker S.A., Cummins M., Estrada V., Freeman A., Hall C. NMC Horizon Report: 2016. Higher Education Edition. Austin, Texas: The New Media Consortium, 2016. — 56 p. [online]. Accessed 04.03.2023. URL: <https://www.learntechlib.org/d/171478/>
27. Lee D., Huh Y., Lin C.-Y., Reigeluth C.M. Personalized learning practice in U.S. learner-centered schools // Contemporary Educational Technology. 2022. No. 14 (4). Article No. ep385. DOI: 10.30935/cedtech/12330
28. Liu R., Qiao X., Liu Y. A paradigm shift of learner-centered teaching style: Reality or illusion? // Journal of Second Language Acquisition and Teaching. 2006. No. 13. P. 77–91.
29. Manfrin A., Apampa B., Parthasarathy P. A conceptual model for students' satisfaction with team-based learning using partial least squares structural equation modelling in a faculty of life sciences, the United Kingdom // Journal of Educational Evaluation for Health Professions. 2019. No. 16 (36). P. 1–9. DOI: 10.3352/jeehp.2019.16.36
30. Newman A., Bryant G., Stokes P., Squeo T. Learning to Adapt: Understanding the Adaptive Learning Supplier Landscape. 2013 [online]. Accessed 04.03.2023. URL: http://edgrowthadvisors.com/wp-content/uploads/2013/04/Learning-to-Adapt_Report_Supplier-Landscape_Education-Growth-Advisors_April-2013.pdf
31. Pogosyan M.A. Development of individual learning paths system in engineering education // IEEE Frontiers in Education Conference (FIE), 2020. P. 1–8. DOI: 10.1109/fie44824.2020.9274140
32. Salinas J., Benito B. Construction of personalized learning pathways through mixed methods // Comunicar. 2020. No. 28 (65). P. 31–41. DOI: 10.3916/C65-2020-03
33. Schmid R., Petko D. Does the use of educational technology in personalized learning environments correlate with self-reported digital skills and beliefs of secondary-school students // Computer Education. 2019. No. 136. P. 75–86. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.03.006
34. Sharples M., De-Roock R., Ferguson R., Gaved M., Herodotou C., Koh E., Kukulska-Hulme A., Looi C.K., McAndrew P., Rienties B., Weller M., Wong L.H. Innovating Pedagogy 2016: Open University Innovation Report 5. London: The Open University, 2016. — 45 p.
35. Tur G., Marín V.I., Moreno J., Gallardo A., Urbina S. From diagrams to self-regulated learning: Student teachers' reflections on the construction of their PLE // Educational Media International. 2016. No. 53 (2). P. 139–152. DOI: 10.1080/09523987.2016.121133
36. UNESCO. Education 2030: Incheon Declaration and Framework for Action for the implementation of Sustainable Development Goal 4: Ensure inclusive and equitable quality education and promote lifelong learning for all. Paris: UNESCO Publishing, 2016 [online]. Accessed 04.03.2023. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245656>

37. *Wheelahan L.* Neither fish nor fowl: The contradiction at the heart of Australian tertiary education // *Journal of Access, Policy and Practice*. 2008. No. 5 (2). P. 133–152.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилюк Татьяна Владимировна — кандидат социологических наук, руководитель Центра образовательной аналитики, ведущий научный сотрудник, Тюменский государственный университет.

Телефон: +7 (963) 453-39-71. **Электронная почта:** t.v.gavrilyuk@utmn.ru

Погодаева Таисья Владимировна — кандидат экономических наук, советник ректора, Тюменский государственный университет.

Телефон: +7 (3452) 59-74-00. **Электронная почта:** t.v.pogodaeva@utmn.ru

Дата поступления: 11.03.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 2. P. 51–73. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.3

Research Article

TATIANA V. GAVRILYUK¹, TAISSIA V. POGODAEVA¹

¹ University of Tyumen.

6, Volodarskogo Str., 625003 Tyumen, Russian Federation.

TRANSITIONING TO INDIVIDUAL LEARNING PATHS IN THE OPINIONS OF STUDENTS AND TEACHERS: THE CASE OF THE UNIVERSITY OF TYUMEN

Abstract. The aim of this study is to measure and evaluate the application of personalized learning technology based on the system of individual educational paths at the University of Tyumen. In order to collect and analyze the data, the strategy of mix-methods was applied, which allows both for identifying the most common trends in the opinions of the subjects of educational space, and for obtaining detailed interpretations of the ongoing changes. The purpose of the study is to identify the opinions held by the key subjects of education when it comes to educational activity content and technologies, the benefits and risks of individual learning paths and the traditional way of teaching. Interviews with teachers demonstrate that in assessing the positive aspects of the transition to individual learning paths, such aspects have been taken note of as the possibility of focusing on one's own interests, increased motivation and desire for professional development in a competitive environment, as well as simplification of reporting as a result of digitization. What teachers are apprehensive about is a decline in the fundamental nature of training and the de-professionalization of students, the collapse of stable social ties and identities of teachers, subpar living conditions due to continuous spatial mobility, and uncertainty when it comes to workload. The study showed that a fifth of students are not satisfied with the learning outcomes under new conditions and experience difficulty adapting in mixed groups with other students of different specialties. The variability and individualization of education is not yet a priority for students enrolled in traditional programs. Students pursuing individual study paths do not realize the many advantages the new system provides when it comes to forming the personal qualities necessary for successful self-

realization, due to them lacking the opportunity to compare their form of education to what is considered traditional.

Keywords: educational trajectories; individual learning paths; personalized learning; higher education; university educational space.

For citation: Gavriilyuk, T.V., Pogodaeva, T.V. Transitioning to Individual Learning Paths in the Opinions of Students and Teachers: the Case of the University of Tyumen. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 51–73. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.3

REFERENCES

1. Gasanova R.R. Development and implementation of personal training trajectories for teachers in additional education. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 125–135. DOI: 10.20913/2618-7515-2021-1-21 (In Russ.)
2. Goncharova E.V., Chumicheva R.M. Development of individual learning trajectories for bachelor students. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No. 2. P. 3–11. (In Russ.)
3. Kliapysheva E.V. The individual educational route as means of individual educational trajectory realization. *Interaktivnaya nauka*. 2018. Vol. 12. No. 34. P. 36–39. DOI: 10.21661/r-474241 (In Russ.)
4. Koshel V.I., Khodzhasyan A.B., Shchetinin E.V., Semenova O.A., Sirak S.V., Mayatskaya N.K., Gevandova M.G. Features of the individual educational trajectory implementation at a medical university. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 2015. Vol. 9. No. 4. P. 646–650. Accessed 04.03.2023. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7565> (In Russ.)
5. Kulikova O.V., Siukhina E.A., Timofeeva L.V. Development of educational trajectories of athletes within the framework of the competence approach and the educational standards of higher education implementation. *Upravlenie v XXI veke: Sbornik statei po materialam studencheskoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, NIU "BelGU", 1–2 noyabrya 2016 goda*. [Management in the XXI century: collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference.] Ed. by V.M. Zakharov. Belgorod: Belgorod publ., 2016. P. 31–33. (In Russ.)
6. Martynova E.A. Building an individual educational trajectory of people with disabilities studying in professional educational organizations. *Nauchnyi al'manakh*. 2017. Vol. 6. No. 1. P. 156–160. (In Russ.)
7. Muravyeva A.A., Oleynikova O.N., Aksyonova N.M. Multiple dimensions of student-centred learning. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2017. Vol. 21. No. 3. P. 92–99. DOI: 10.15826/umpa.2017.03.041 (In Russ.)
8. Sazonov B.A. Organization of the Educational Process: Opportunities for Individualization of Training. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2020. Vol. 29. No. 6. P. 35–50. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-29-6-35-50 (In Russ.)
9. Sysoev P.V. Individual trajectory training. *Yazyk i kul'tura*. 2013. Vol. 4. No. 24. P. 121–131. (In Russ.)
10. Timoshina T.A. The concept of a student's individual educational trajectory building. *Pedagogika i psikhologiya kak resurs razvitiya sovremennogo obshchestva. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 7–9 oktyabrya 2010 g.* [Pedagogy and psychology as a resource for the development of modern society: Materials of the International Scientific and Practical Conference, October 7–9, 2010.] Ed. by L.A. Baykova, N.A. Fomina, A.N. Sukhov. Ryazan: S.A. Yesenin Russian State University, 2010. P. 315–320. (In Russ.)

11. Shaposhnikova N.Yu. Individual Educational Paths in the Universities of Russia and Great Britain (Theoretical Aspects). *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2015. Vol. 1. No. 40. P. 263–268. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-1-40-263-268 (In Russ.)
12. Adams-Becker S., Cummins M., Davis A., Freeman A., Hall-Giesinger C., Ananthanarayanan V. *NMC Horizon Report: 2017 Higher Education Edition*. Austin, Texas, 2017. 60 p. Accessed 04.03.2023. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED582134.pdf>
13. Alamri H.A., Watson S., Watson W. Learning technology models that support personalization within blended learning environments in higher education. *TechTrends*. 2021. No. 65. P. 62–78. DOI: 10.1007/s11528-020-00530-3
14. Augar P. *Post-18 review of education and funding*. L.: Crown copyright, 2019. 216 p. Accessed 04.03.2023. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/805127/Review_of_post_18_education_and_funding.pdf
15. Barr R.B., Tagg J. From teaching to learning — A new paradigm for undergraduate education. *Change*. 1995. No. 27. P. 12–26. DOI: 10.1080/00091383.1995.10544672
16. Baruth O., Cohen A. Increasing Student Satisfaction with a Personality-Based Personalized Learning Path. *Proceedings of EdMedia + Innovate Learning*. Waynesville, NC, 2021. P. 1074–1081. Accessed 04.03.2023. URL: <https://www.learntechlib.org/primary/p/219797/>
17. Biemans H.J., Mariën H., Fleur E., Beliaeva T., Harbers J. Students' experiences with different learning pathways to higher professional bachelor programmes. *International Journal for Research in Vocational Education and Training*. 2020. No. 7 (1). P. 1–20. DOI: 10.13152/IJRVET.7.1.1
18. Boyarinov D.A. Pedagogical Model for Creating Individual Learning Paths Based on Educational Maps. *Proceedings of VI International Forum on Teacher Education — 2020*. Kazan: Kazan Federal University, 2020. P. 277–289. DOI: 10.3897/ap.2.e0277
19. Carneiro R., Lefrere P., Steffens K., Underwood J. *Self-regulated learning in technology enhanced learning environments*. Rotterdam: Sense Publishers, 2011. 163 p. DOI: 10.1007/978-94-6091-654-0
20. *European Centre for the Development of Vocational Training. Terminology of European education and training policy: A selection of 130 terms*. Luxembourg: Cedefop Publications Office, 2014. DOI: 10.2801/15877
21. Christodoulou A., Angeli C. Adaptive Learning Techniques for a Personalized Educational Software in Developing Teachers' Technological Pedagogical Content Knowledge. *Frontiers in Education*. 2022. No. 7. DOI: 10.3389/feduc.2022.789397
22. Flexible learning pathways in higher education. *UNESCO. International Institute for Educational Planning, 2022*. Accessed 04.03.2023. URL: <https://www.iiep.unesco.org/en/our-expertise/flexible-learning-pathways-higher-education?language=en>
23. Gómez S., Zervas P., Sampson D.G., Fabregat R. Context-aware adaptive and personalized mobile learning delivery supported by UoLmP. *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*. 2014. No. 26 (1). P. 47–61. DOI: 10.1016/j.jksuci.2013.10.008
24. Jääskelä P., Poikkeus A.-M., Vasalampi K., Valleala U.M., Rasku-Puttonen H. Assessing agency of university students: Validation of the AUS Scale. *Studies in Higher Education*. 2017. No. 42 (11). P. 2061–2079. DOI: 10.1080/03075079.2015.1130693
25. Jackson N. *Learning to be a self-regulating professional: the role of personal development planning (PDP)*. *Learning to be Professional through a Higher Education*. 2010. Accessed 04.03.2023. URL: <http://learningtobeprofessional.pbworks.com/f/CHAPTER+A6+Learning+to+be+a+Self-Regulating+Professional++++the+role+of+PDP.pdf>

26. Johnson L., Becker S.A., Cummins M., Estrada V., Freeman A., Hall C. *NMC Horizon Report: 2016. Higher Education Edition*. Austin, Texas: The New Media Consortium, 2016. 56 p. Accessed 04.03.2023. URL: <https://www.learntechlib.org/d/171478/>
27. Lee D., Huh Y., Lin C.-Y., Reigeluth C. M. Personalized learning practice in U.S. learner-centered schools. *Contemporary Educational Technology*. 2022. No. 14 (4). Article No. ep385. DOI: 10.30935/cedtech/12330
28. Liu R., Qiao X., Liu Y. A paradigm shift of learner-centered teaching style: Reality or illusion? *Journal of Second Language Acquisition and Teaching*. 2006. No. 13. P. 77–91.
29. Manfrin A., Apampa B., Parthasarathy P. A conceptual model for students' satisfaction with team-based learning using partial least squares structural equation modelling in a faculty of life sciences, the United Kingdom. *Journal of Educational Evaluation for Health Professions*. 2019. No. 16 (36). P. 1–9. DOI: 10.3352/jeehp.2019.16.36
30. Newman A., Bryant G., Stokes P., Squeo T. *Learning to Adapt: Understanding the Adaptive Learning Supplier Landscape*. 2013. Accessed 04.03.2023. URL: http://edgrowthadvisors.com/wp-content/uploads/2013/04/Learning-to-Adapt_Report_Supplier-Landscape_Education-Growth-Advisors_April-2013.pdf
31. Pogosyan M.A. Development of individual learning paths system in engineering education. *IEEE Frontiers in Education Conference (FIE)*. 2020. P. 1–8. DOI: 10.1109/fie44824.2020.9274140
32. Salinas J., Benito B. Construction of personalized learning pathways through mixed methods. *Comunicar*. 2020. No. 28 (65). P. 31–41. DOI: 10.3916/C65-2020-03
33. Schmid R., Petko D. Does the use of educational technology in personalized learning environments correlate with self-reported digital skills and beliefs of secondary-school students. *Computer Education*. 2019. No. 136. P. 75–86. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.03.006
34. Sharples M., De-Roock R., Ferguson R., Gaved M., Herodotou C., Koh E., Kukulska-Hulme A., Looi C.K., McAndrew P., Rienties B., Weller M., Wong L.H. *Innovating Pedagogy 2016: Open University Innovation Report 5*. L.: The Open University, 2016. 45 p.
35. Tur G., Marín V.I., Moreno J., Gallardo A., Urbina S. From diagrams to self-regulated learning: Student teachers' reflections on the construction of their PLE. *Educational Media International*. 2016. No. 53 (2). P. 139–152. DOI: 10.1080/09523987.2016.121133
36. UNESCO. *Education 2030: Incheon Declaration and Framework for Action for the implementation of Sustainable Development Goal 4: Ensure inclusive and equitable quality education and promote lifelong learning for all*. Paris: UNESCO Publishing, 2016. Accessed 04.03.2023. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245656>
37. Wheelahan L. Neither fish nor fowl: The contradiction at the heart of Australian tertiary education. *Journal of Access, Policy and Practice*. 2008. No. 5 (2). P. 133–152.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Gavriilyuk — Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Center for Educational Analytics, Leading Researcher, University of Tyumen.
Phone: +7 (963) 453-39-71. **Email:** t.v.gavriilyuk@utmn.ru

Taisia V. Pogodaeva — Candidate of Economic Sciences,
Advisor to the Rector of the University of Tyumen, University of Tyumen.
Phone: +7 (3452) 59-74-00. **Email:** t.v.pogodaeva@utmn.ru

Received: 11.03.2023.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.4

EDN: DWXXLN

*И.А. ШМЕРЛИНА*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

ФИЛОСОФИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА И СУБЪЕКТИВНАЯ ШКОЛА В СОЦИОЛОГИИ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье проблематизируются отношения между социологической и философской традициями отечественной социальной мысли на материале субъективной школы и славянофильства. Показано отсутствие непосредственной идейно-концептуальной преемственности между этими направлениями при одновременном наличии общих ментально-мировоззренческих предпосылок. Сопоставление славянофильства и субъективной школы проводится по трем линиям — гносеологии, социальной и историософской тематики. Выявлены отличительные особенности, в которых обнаруживается корреспонденция между названными направлениями: ориентация на целостное отношение к действительности, объединяющее жизнь и познание; этическая доминанта гносеологических воззрений и тяготение к практически-преобразовательному отношению к действительности; антропоцентричность и персонализм; романтически-экзальтированная постановка народного вопроса; миссианские и мессианские мотивы историософских исканий, а также публицистичность как жанр теоретической рефлексии. Высказывается предположение об отражении в названном идейно-мировоззренческом комплексе культурных кодов отечественной социальной ментальности.

Ключевые слова: славянофильство; субъективная школа в социологии; И.В. Киреевский; А.С. Хомяков; П.Л. Лавров; Н.К. Михайловский; менталитет; гносеология цельного знания; этицизм; волюнтаризм; народный вопрос; миссианство; мессианство.

Для цитирования: Шмерлина И.А. Философия славянофильства и субъективная школа в социологии: опыт компаративного анализа // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 74–100. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.4 EDN: DWXXLN

Предмет настоящей статьи — идейно-концептуальные соответствия между русской субъективной школой и философией сла-

вянофильства. Первая, по утвердившемуся мнению, идущему от Ю. Геккера, является самым оригинальным направлением отечественной социологической мысли [43, р. 35–36], вторая как минимум сопоставима с ней по самобытности¹, что, впрочем, не главный аргумент в пользу выбора данного философского направления. Более существенным является то обстоятельство, что в период социологического творчества П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, наиболее ярко и аутентично представляющих русскую субъективную школу, именно славянофильство воплощало русскую философскую мысль. В отличие от западничества с его преимущественно социально-политическим уклоном, славянофильство сильно нагружено собственно философской — гносеологической, метафизической, этической — проблематикой. При этом, как и вся последующая русская философия, оно имеет выраженную социальную направленность и в этом плане могло бы претендовать на статус методологического или, по крайней мере, мировоззренческого горизонта социологических исканий.

В статье рассматриваются два ключевых предположения:

— русская субъективная социология развивалась вне прямого теоретико-методологического диалога с идеями славянофилов;

— у отечественной социологической и философской мысли имеется общая идейно-мировоззренческая платформа, что позволяет рассматривать их как проявления единого социального менталитета².

Особенности рецепции славянофильских идей

П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским

Русская социология, у истоков которой, следуя известному суждению Н.И. Кареева, принято видеть П.Л. Лаврова, стимулировалась западной интеллектуальной традицией. Вдохновленная идеями Конта, она развивалась на значительной дистанции от русской славянофильской философии. Во всяком случае, мы не видим *прямого диалога* между ними. Разумеется, русские социологи были знакомы со славянофильским учением, однако не воспринимали его всерьез или, по крайней мере, в качестве источника собственных идей. Фраза Лаврова о «фантазерах-славянофилах» [14, с. 124] в этом отношении весьма показательна. Впрочем, сочинения Лаврова содержат и более обширные фрагменты,

¹ Это обстоятельство подчеркивали многие. Э.Л. Радлов, в частности, в 1920 г. писал: «Наиболее оригинальное философское направление в России представлено славянофильством» [30, с. 39]; В.В. Розанов называл славянофильство «самым вкусным блюдом в России» [29, с. 120].

² Менталитет здесь рассматривается в границах сознания интеллектуалов. В общем плане вопрос о носителях менталитета обсуждается нами в [41, с. 5882–5887], где менталитет определен как «базовые и генерализованные представления об устройстве мира (в его актуальном и нормативном модусе), в сочетании с лежащими под этими представлениями архетипическими структурами сознания, выявляемыми исключительно аналитически» [41, с. 5882].

посвященные славянофильству. Он критикует его представителей за идеализацию отечественной истории и чрезмерное «увлечение византийско-московским элементом» [13, с. 367–368, 352], а также подробно излагает гносеологическую сторону славянофильства, а именно взгляды И.В. Киреевского, противопоставлявшего «схоластической рассудочности» западной мысли «внутреннюю цельность» восточной. Однако это изложение не сопровождается сколько-нибудь внятным теоретическим заключением, если не считать таковым указание на «мистические стремления Киреевского» [13, с. 354, 358].

В целом очевидно, что Лавров не видит в славянофильстве идей, которые заслуживали бы серьезного анализа и развития. Косвенным, но достаточно тонким показателем подобного отношения Лаврова к «фантазерству» славянофилов может служить то обстоятельство, что взгляды Киреевского и Хомякова он приводит не по их сочинениям, а опосредованным образом, о чем в непринужденной манере пишет в сноске: «За неимением под руками сочинений наших славянофилов мы пользуемся выписками из статьи г. Бестужева-Рюмина, помещенной в СХL и СХLl томах “Отеч. Зап.”: “Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе”» [13, с. 352].

Н.К. Михайловский воспринимал славянофильство главным образом сквозь призму «почвенничества», которое он называл «бесцветнейшим отрогом» данного направления, а самих «почвенников» — «выродками» славянофилов [24, с. 66, 202]. Само по себе это полотождествление славянофильства и почвенничества свидетельствует о поверхностном и преимущественно публицистическом прочтении этих направлений. Как и Лавров, Михайловский обходил (оговаривая это обстоятельство) их философско-гносеологическую сторону, резюмируя ее в понятии «мистицизм», и сосредоточивал свой критический анализ на историсофских и геополитических аспектах, а именно на сочетании «квасного патриотизма», фатализма, мифа о «русском народном духе», воплощающем все «добро, правду и красоту», с верой «в какое-то мистическое величие России» и ее великое историческое предназначение [24, с. 268, 210–211, 207]³.

Именно в подобном — вульгаризированном или, по крайней мере, уплощенном и упрощенном — виде славянофильство представлено в сочинениях Лаврова и Михайловского, что, конечно, исключало об-

³ Контекст, в котором Михайловский говорит о «почвенниках», связан со стремлением показать принципиальное отличие славянофильства/почвенничества от взглядов Л.Н. Толстого, который, несмотря на «глубоко патриотическую подкладку “Войны и мира”» (утвердившую «во многих убеждениях, что гр. Толстой есть квасной патриот, славянофил»), был свободен от почвеннических иллюзий и «принципов “официальной народности”» и был «лишен первобытной невинности и наивности людей, считающих возможным и даже обязательным гореть патриотическим пламенем при всякой победе русского оружия» [24, с. 212].

ращение их к данному направлению как к источнику собственных идей и концептуализаций. Но отсутствие непосредственной преемственности не исключает наличия общих теоретико-мировоззренческих моментов. С «фасадной» стороны русская социология развивалась в русле западной социогуманитарной мысли, однако фактически она наследовала при этом базовые установки отечественной социальной ментальности, в том числе те, что отчетливо проявились в славянофильстве. Здесь можно видеть парадокс, а можно — проявление того трудно уловимого феномена, который называют малопопулярным словом «менталитет».

Близость русской субъективной школы и славянофильства⁴ мы покажем по нескольким линиям, начиная с философско-мировоззренческих основ.

Гносеология цельного знания

Представляя собой одну из наиболее характерных черт славянофильства, гносеология цельного знания⁵, казалось бы, не просто далека, но по сути противоположна позитивизму, на котором стремилась утвердить свои философские позиции субъективная школа. Славянофильская гносеология постулирует примат веры как способа познания действительности и определенно имеет мистические тона. Неудивительно, что она вызывала ярко выраженное неприятие у социологов субъективной школы. Михайловский, воспринимавший славянофильство в значительной степени сквозь призму его последующей «реинкарнации» в почвенничество, в котором религиозно-мистическое начало превратилось в онтологию истории, был в этом плане особенно резок; Лавров, по замечанию Э.Л. Радлова, «считал мистицизм характерной русской чертой» [30, с. 10].

Однако гносеология цельного знания — это не только и не столько утверждение религиозного, вероцентричного способа познания, сколько глубокая и оригинальная философско-мировоззренческая система. Не погружаясь сверх необходимого в этот богатый сюжет и оставаясь в рамках задачи сопоставления гносеологических установок славянофильства и субъективной школы, мы выделили бы в славянофильской философии два аспекта — собственно гносеологический и мировоззренческий, специфицируя их как *гносеологический синкретизм* и *этический «прагматизм»*, понимая под последним акцентированное и при этом не отвлеченно-теоретическое, а практически-жизненное внимание к этическим вопросам. Это примерно то, что В.В. Зеньковский

⁴ В данной статье мы обращаемся к раннему славянофильству в версиях И.В. Киреевского и А.С. Хомякова.

⁵ Она не является абсолютно новым, оригинальным построением славянофилов. В частности, идея цельного знания имеет непосредственные начала в немецкой романтической философии XIX в. и православной святоотеческой традиции, а также отчетливо прослеживается у Г. Сковороды (XVIII в.) и Н.И. Новикова (XVIII — первая четверть XIX в.).

назвал «этицизмом» [8]; в дальнейшем мы будем использовать преимущественно этот термин.

Первый аспект связан с уже отмеченным неприятием односторонности рационализма, «отвлеченного сознания⁶ рассуждающего разума» и утверждением синкретичности познания, предполагающей «совокупление всех познавательных способностей в одну силу, внутреннюю цельность ума, необходимую для сознания цельной истины» [11, с. 307, 300]. Важно заметить, что эта гносеологическая установка вовсе не равнозначна погружению в глубокий мистицизм, граничащий с иррационализмом. Славянофилы не стремились заменить верою разум и отрицали не рациональное начало, а *односторонне* рациональное начало познания. В частности, И.В. Киреевский возражал не столько против «отвлеченно-рационального способа мышления», сколько против «его притязаний на высшее и полное познание истины» [11, с. 325, 326]. Согласно славянофилам, подлинное познание базируется не на «отвлеченных началах», а на целостном отношении к действительности, вбирающем в себя в качестве одной из сторон рациональную составляющую. Киреевский писал о «потребности верующего мышления согласить понятие разума с учением веры»: «Что за вера, которая несовместна с разумом?» [11, с. 296, 317]. «Самый разум, — писал он, — [необходимо] поднять выше своего обыкновенного уровня... возвысить до сочувственного согласия с верою», чтобы «все отдельные силы... <слились> в одно живое и цельное зрение ума». [11, с. 318]. Подхватывая идеи Киреевского, Хомяков развивал гносеологию «цельности разума», основанного на вере, и так же, как Киреевский, подчеркивал, что вера не противоположна разуму, но есть «зрячесть разума», или «разумная зрячесть», что «она не похищает области рассудка, но своею самостоятельностью охраняет его свободу и в то же время обогащает его анализ бесконечным богатством данных, приобретаемых ее ясновидением» [38, с. 280, 282, 325].

Нет никаких сомнений, что идея познания, освящаемого и направляемого верой, глубоко чужда субъективной школе. Однако в обрисованной гносеологической концепции присутствует тонкий момент, названный В.В. Зеньковским «*онтологизмом*». Этим термином подчеркнута «включенность познания в наше отношение к миру, в наше “действие” в нем» [8, с. 21]. Именно такого рода гносеологический «онтологизм», в котором познание «не отделено от познаваемого бытия» [8, с. 197], развивали Киреевский и Хомяков⁷.

⁶ Отвлеченное знание/отвлеченные начала знания — широко используемый концепт и предмет критики в русской философской традиции, отражающий ее принципиальные гносеологические установки. Так, докторская диссертация В.С. Соловьева называлась «Критика отвлеченных начал» (1880), магистерская диссертация С.Л. Франка «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» (1915).

⁷ В собственно гносеологическом смысле подобная установка имеет широкий спектр корреспонденций как в предшествующих, так и в последующих

Одна из наиболее важных граней такого рода «онтологизма» отражает не столько философско-гносеологические, сколько мировоззренческие ориентиры и связана с ценностной разметкой восприятия жизни. В этой ценностной разметке «теория познания <отодвигается> на второстепенное место»; согласно ей, «познание не является первичным и определяющим началом в человеке», но «есть <лишь> некое событие в процессе жизни». Соответственно, «его <познания> смысл, задачи и... возможности определяются из общего отношения нашего к миру» [8, с. 21]. Именно в этом предварительном и не совсем корректном, как оговаривает сам Зеньковский, смысле, в котором «онтологизм» довольно отчетливо корреспондирует с прагматизмом, он вводит данное понятие в свои рассуждения. С поразительной отчетливостью эта мысль выражена у Лаврова, который писал: «...если наука выделена из жизни, то какое право имеют позитивисты считать науку важнейшим, нужнейшим элементом современности? Во всякое время, во всяком обществе важнейший элемент есть *сама жизнь* с ее желаниями, волнениями, наслаждениями и страданиями» [16, с. 606–607].

Это — грань *этического «прагматизма»*, и здесь уже можно говорить об открытом диалоге между славянофильством и субъективной школой (конечно, не в плане непосредственно-межличностного общения, а в смысле переклички соответствующих идей). И у славянофилов, и у представителей субъективной школы речь идет не о плоском прагматизме, ориентированном на утилитарные цели, но о «прагматизме» этическом, поднимающемся до этического *идеала* как *практической* цели теоретизирования о мире. Так, когда Лавров пишет: «Во имя нравственного чувства, признанного вообще высшим началом в человеке, оказывается обязательным разобрать законы усвоения истины, т. е. построить научную логику» [16, с. 627], он фактически вторит Хомякову, утверждавшему: «Уразумев, что только внутреннее, нравственное согласие со всемирными законами расширяет область ведения и возносит мысль до возможной для нее высоты, мы уже должны изучить самые эти законы, дабы с ними согласовать строй собственного духа» [38, с. 281–282].

Этическая сущность «онтологизма» субъективистов подчеркнута манифестируется в названии объединившего их направления — «этико-социологическая школа», — предложенном С.Н. Южаковым и утвердившемся в истории социологии благодаря выбору Кареева [9, с. 39]). Субъективная школа отстаивала приоритет этики над объективной законосообразностью и «нравственный суд» [16, с. 613] как методический принцип познания.

Описанные выше установки в отношении ценности и смысла познания влекут за собой соответствующее понимание субъекта по-

интеллектуальных течениях. Она непосредственно восходит к идеям немецких философов-романтиков XIX в. и к мыслям, которые циркулируют в отечественной интеллектуальной среде начиная, по крайней мере, с Николая Сорского (XV – начало XVI в.).

знания, который в восточной традиции в отличие от западной предстает не как личность, находящая себя в “*cogito*”, а как живой, полнокровный человек. Познание, писал В.В. Зеньковский, «есть часть и функция нашего “бытийственного” вхождения в реальность... не одной мыслью, но всем существом мы “приобщаемся” к реальности в познании» [8, с. 217]. В истории русской мысли этот принцип, как отмечено выше, прослеживается достаточно глубоко, однако его концептуализация ставится в заслугу славянофилам и прежде всего Киреевскому, который, утверждая гносеологию цельного разума, находящегося в согласии с верой, видел в этом залог целостности человеческой личности. Возвышенный до веры разум способен, писал он, «собрать в одну неделимую цельность все... отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия»; «собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливаются в одно живое единство, и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первоизданной неделимости» [11, с. 318, 334].

Весь этот сложный философско-этический комплекс, утверждающий цельную нравственную личность как ценность и цель философствования, вполне соотносим с *антропологизмом* Лаврова и *персонализмом* Михайловского. Последний в «вековечной борьбе общества с личностью» безусловно встает на сторону личности, отстаивая ее приоритетное право на развитие «своей индивидуальности... самостоятельности и разносторонности своего я» [24, с. 169; 26, с. 240]; Лавров пишет: «Философствовать — это развивать в себе человека как единое стройное существо» [16, с. 572]. И хотя в славянофильстве высшие смыслы устремлены к религиозной духовности, а в субъективной школе самоценная и конечная цель бытия замкнута на человеке, можно говорить об общей антропоцентричной ценностно-мировоззренческой платформе этих направлений, характерной для русской философской мысли в целом⁸.

От этицизма к волюнтаризму

Если в славянофильстве гносеологические и этические начала органично слиты, представляя в этом слиянии особый способ познания, то в философско-мировоззренческом фундаменте субъективной школы, изначально выстроенном на позитивизме, сближение этих начал порождает разломы и противоречия. Как замечал Зеньковский,

⁸ Как писал Зеньковский, «...я бы на первый план выдвинул *антропоцентризм* русских философских исканий. Русская философия не *теоцентрична* (хотя у значительной части своих предшественников глубоко и существенно религиозна), не *космоцентрична* (хотя вопросы натурфилософии очень рано привлекали к себе внимание русских философов), — она больше всего занята *темой о человеке*, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории» [8, с. 21].

«Лавров рано сознает своеобразие этической жизни» и ее независимость, неразложимость, невыводимость из «фактов» (см. [8, с. 342])⁹.

Эксплицируя противоречия между целями теоретического познания в социологии, стремящегося к истине, и этикой, Михайловский ставит вопрос ребром: «Спрашивается — как же может быть построена социология? Как и всякая другая наука, как и наука вообще, она должна удовлетворять только потребности познания; потребность познания удовлетворяется только истиной; а между тем социология имеет дело не только с категориями истинного и ложного, а и с совершенно самостоятельными категориями нравственного, справедливого, должного. Как тут быть?» [24, с. 145].

И Лавров, и Михайловский делают свой выбор в пользу «нравственного, справедливого, должного». Первая плата за этот ценностный выбор, вынуждающий поступаться идеалами беспристрастного научного познания, — агностицизм. «Знать сущность вещей нам невозможно... и заботиться о ней бесполезно», — пишет Лаврова [17, с. 252]. «Сущность вещей — вечная тьма», — вторит ему Михайловский [25, с. 131]. Весьма неожиданный для позитивистской ориентации агностицизм, подчеркнем, выступает в субъективной школе не как философски выработанная позиция, а как осознанное отклонение гносеологической проблематики вследствие нежелания подвергать этические идеалы рациональной «экспертизе». Как пишет Зеньковский, «этицизм мысли разбивает рамки позитивизма» [8, с. 360], порождая своеобразный феномен «полупозитивизма», «это странное сочетание бескрылого» «научно-философского позитивизма и релятивизма с категорическим», «вдохновенным этическим энтузиазмом» [8, с. 335, 363].

Термин «полупозитивизм» — возможно, не очень благозвучный, но весьма точно передающий сущность описываемого явления, — Зеньковский применяет как к Лаврову, так и к Михайловскому. Последний свой выбор между истиной и нравственными идеалами человека делает более открыто и решительно, нежели Лавров. Именно у Михайловского хорошо видна высокая цена этого выбора, провоцирующая вопрос: «кто же Михайловский — ученый социолог или морализирующий публицист?» [6, с. 82]. За этим выбором проступает своего рода интеллектуальная драма — героическая попытка соединить несоединимые ценности — «правду-истину» и «правду-справедливость»,

⁹ Здесь важно учесть специфические акценты в этико-гуманистических ориентирах этих направлений. Славянофилы стремились к развитию внутренних потенций личности, достижению «правильности внутреннего состояния мыслящего духа» [11, с. 274], носитель которого понимался ими довольно абстрактно, в то время как человек субъективной школы обладает вполне отчетливой социальной проекцией — это прежде всего *страдающий социальный субъект*, человек низших слоев, подавляемый и угнетаемый правящим режимом (что не исключает общегуманистической постановки проблемы развития личности, особенно в персонализме Михайловского).

пониманием несоединимости которых обусловлен, в нашем представлении, поворот Михайловского от социологии к персонализму. С позиций последнего он решает вопросы об истине¹⁰, о соотношении «потребности познания» и «потребности нравственного суда» [24, с. 143]¹¹ и об общественном прогрессе (см., в частности: [24, с. 177–178; 26, с. 239–240]). «Для Михайловского, — замечает А.И. Юдин, — социология — это не наука в традиционном ее понимании, а некая синтетическая система, органично включающая в себя правду-истину и правду-справедливость», «это движение от действительности к идеалу, от сущего к должному» [42, с. 106, 107]; С.П. Ранский писал о том, что у Михайловского происходит «превращение науки в религию» [31, с. 117].

Сложнее обстоит дело с позицией Лаврова. Весь стиль рассуждений Лаврова, да и сама его биография, в которой наука занимает важнейшее место, не оставляют сомнений в том, что он верит в познаваемость мира¹². Стремясь разрешить противоречие между идеалами познания и этикой, он вводит «скептический принцип»¹³, который позволяет оставаться на позитивистской точке зрения в отношении «*философии природы*» и в то же время в пределах «*философии духа*» признать человека «источником внешнего мира» [16, с. 482; 483–484]. В самом этом разделении исследователи справедливо видят предвосхищение идей В. Виндельбанда и Г. Риккерта (первым или одним из первых это заметил Н.И. Кареев [9, с. 57–58]). Однако между идеями Лаврова и философов Баденской школы есть важное мировоззренчески обусловленное различие. Для Лаврова разделение «теоретической философии» на «*философию природы*» и «*философию духа*» есть не столько теоретико-методологическая операция, сколько вынужденный переход к «практической философии», который он пытается научно обосновать; переход, утверждающий «независимость личности как действующей от всех вопросов о сущности ее» [16, с. 485], открыва-

¹⁰ «Нет абсолютной истины, есть только истина для человека, и за пределами человеческой природы нет истины для человека» [25, с. 131].

¹¹ «...желаю я все-таки не истинного, а полезного и справедливого... Истина есть удовлетворение только познавательной потребности человека, и думать, что она способна удовлетворить все потребности, так же неосновательно, как думать, что мозг способен исполнять все отправления животного организма... Насытит меня не истинное, а питательное, вылечит не истинное, а целебное, моей потребности воздавать каждому должное удовлетворит не истинное, а справедливое» [24, с. 141].

¹² «...исходное убеждение Лаврова определялось его верой в науку... [Однако] Если можно сказать, что в Лаврове был настоящий пафос познания, критического исследования, то с неменьшей силой, с истинным вдохновением в нем пылал этический пафос» [8, с. 342].

¹³ Согласно этому принципу «*процесс сознания не дает возможности решить, есть ли он сам как действительный процесс результат реального бытия, или реальное бытие есть его продукт*» [16, с. 482].

ющий для нее возможность действовать в соответствии со своими желаниями, чувствами, идеалами, представлениями о добре и зле¹⁴, не «оборачиваясь» на естественную необходимость и ее законы.

Таким образом, за фразой Лаврова о невозможности «знать сущность вещей» стоит, конечно, не философский выбор в пользу агностицизма и даже не кантианское признание трансцендентной реальности «вещи в себе», а своего рода смена личностных регистров. В рассуждениях о благе человечества Лавров, как и Михайловский, «перестает быть исследователем, а становится “проповедником”... во имя этического идеала» [8, с. 347].

Вторая плата за ценностный выбор в пользу «полезного и справедливого» для человека и «служебное отношение к истине»¹⁵ [22] — волонтаризм, активно-преобразовательное отношение к действительности. Утверждая те или иные нормы, любое этическое учение так или иначе содержит элементы «жизнестроительства». Для русской социальной мысли это характерно в особенности. Как писал С.Л. Франк, «...русское мировоззрение можно считать практическим в высоком смысле слова: оно изначально всегда рассчитано до некоторой степени на улучшение мира, мировое благо и никогда — лишь на одно понимание мира. Едва ли можно назвать хотя бы одного национального русского мыслителя, который бы не выступал одновременно в качестве морального проповедника или социал-реформатора, иначе говоря, в некотором смысле не стремился бы улучшить мир или возвестить идеал» [37, с. 182].

Даже в славянофильстве, в котором преобразовательное начало в значительной степени усмиряется созерцательно-мистическим, хорошо различимо это стремление к переустройству жизни на правильных началах. И хотя славянофилы были ориентированы в первую очередь на духовно-нравственное преображение общества, история этого направления знает множество попыток имплементировать свои убеждения во вполне практические действия, начиная от разработок проектов крестьянской реформы и заканчивая ношением народных костюмов, чем Хомяков и Аксаков эпатировали светские салоны Петербурга и Москвы (см.: [10, с. 115]).

В «жизнестроительных» интенциях славянофильства и субъективной школы есть, однако, существенное различие. Славянофильство, как подчеркнуто выше, было ориентировано в первую очередь на духовное преобразование общества (возможно, отчасти в силу деспотической обстановки, не дающей перспективы иным устремлениям, но этот вопрос не рассматривается в данной статье). Для субъективной школы характерна

¹⁴ Как заметил А.С. Лаппо-Данилевский, русская субъективная школа основывала свои построения не на принципе отнесения к ценности, а на нравственной оценке, в чем Лаппо-Данилевский видел ошибку данного направления (см.: [20, с. 23]).

¹⁵ Г.Я. Миненков обыгрывает здесь фразу Л. Шестова из статьи «Достоевский и Ницше» (см.: [22]).

«прямая ориентация общественной мысли на социальную практику» [22]; здесь мечты о построении общества, основанного на принципах гуманизма, этики и справедливости если и не воплощаются непосредственно, как пишет Г.Я. Миненков, в «радикальный социально-политический проект (революционный или реформистский)» [22], то, во всяком случае, служат философско-мировоззренческому обоснованию подобного проекта. Это проявляется в непосредственной связи между субъективной школой и народническим движением (неслучайно в многочисленных вариантах названия русской субъективной школы — этико-социологическая, этико-субъективная, этико-психологическая — присутствует квалификация ее как «народнической социологии»/«социологии народничества» [21, с. 162]). Как писал Лавров, «практически важнее всего практическая философия, указывающая не только *что* и *как* бывает, каким образом происходят те или другие общественные явления, но и цель, к которой человек *обязан* стремиться, идеи, которые *желательно* воплотить в общественный строй» [16, с. 606–607]. Показательно, что в том образе целостного человека, который рисует Лавров, ценностной доминантой оказывается гражданская позиция: «Когда человек одним умом доходит до отвлеченного убеждения и если в это время его чувство, его привычки, все его существо вызываются к практической деятельности гражданина, к сочувствию благородной личности человека другого убеждения, тогда убеждение ума всегда отходит временно на второй план, потому что целая действительная жизнь ничему частному не уступает своих прав» [16, с. 90].

Многие исследователи, начиная с Ю. Геккера (см.: [43, р. 154–155]), подчеркивали эту характерную для русской социальной мысли ориентацию на гражданский поступок. Как замечает Миненков, «образ ученого, бесстрастно анализирующего социальную реальность, никогда не был популярен в российской социологической среде» [22].

В настойчивом стремлении рукотворно утвердить идеал справедливости на Земле отчетливо проступают мотивы квазирелигиозного подвижничества, и это — еще одна «монета», которую субъективная школа платит за свои этические приоритеты. О «*религиозных исканиях*» [8, с. 334] субъективной школы писали многие исследователи, но здесь достаточно самого Михайловского, который фактически признавал религиозно-подобный модус своего учения, когда сожалел о недостатке религии в «мертвенно тусклой картине нашей общественной жизни», понимая при этом религию, конечно, «не в богословском смысле», а как побуждающую к действию «преданность идее» [24, с. 135, 136] («существеннейший признак религии», — замечает он, — способность «управлять человеческими действиями» [24, с. 137]).

Притом что мы не стали бы утверждать, что гносеологические установки на целостность и нравственную оправданность познания порождены славянофильством, нет сомнений в дальнейшем масштабном развитии данного этико-гносеологического комплекса, в характеристике которого русские философы использовали эпитет «опасный». Так, Н.А. Бердяев, отмечая «моралистический склад русской души»,

рассуждал: «Русский человек не очень ищет истины, он ищет правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасения. В этом есть что-то характерно русское, есть своя настоящая русская правда. Но есть и опасность, есть отвращение от путей познания, есть уклон к народнически обоснованному невежеству» [2, с. 81, 83]. В.В. Зеньковский писал об «опаснейшем», «недостойном философии» «приспособлении теоретических построений к “злобе дня”» и о том, что «на всем протяжении философской работы в России — от ее зачатков в конце XVIII века до наших дней — эта опасность не раз давала о себе знать» [8, с. 22]. Видели ли они эту опасность только «на путях познания» или в более широком контексте? Симптоматично, что Бердяев упоминает социально-политическое движение «народничества», а Зеньковский пишет о «злобе дня», о «недостойном философии “приспособлении” к современности». В целом этот сюжет, связанный с осмыслением ближайших и отдаленных, вплоть до социально-политических, последствий мировоззренческой установки на целостное постижение жизни, включая заложенные в ней перспективы самопознания и развития человека и общества¹⁶, требует отдельного большого исследования и остается за рамками настоящей статьи.

Характерное для русской социальной мысли целостное, нерасчлененное, не отвлеченно-рациональное, но *живое* и жизнестроительное отношение к предмету исследования (или, лучше сказать, предмету некоей экзистенциально-нравственной *заботы*) имеет в том числе стилистические проявления, а именно публицистичность, неоднократно зафиксированную исследователями. Неслучайно ни то ни другое из рассматриваемых направлений не оформилось в целостный, систематический комплекс идей, будь то философское учение в случае славянофильства или социологическая теория в случае субъективной школы. «Синтетическое» отношение к познанию, побуждаемое этицизмом, уводит исследователя в смежную с наукой публицистическую плоскость.

Народный вопрос

Социальный вопрос, или тема народа, занимает одно из центральных мест в построениях как славянофильства, так и субъективной школы, но тематизация этого вопроса в данных направлениях сильно различается. В субъективной школе он был поставлен как вопрос неравенства и угнетения, подавления одной частью общества другой и, соответственно, как задача правильного, социально справедливого переустройства общества. Славянофильская версия народной темы иная. Притом что в русской общественной мысли «простой народ как

¹⁶ Предостерегая против «поверхностности» в оценке «идеала “целостности”», Зеньковский писал: «В неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале “целостности” заключается действительно одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [8, с. 22–23].

носитель русской культуры и народности» был открыт, по-видимому, именно славянофилами [18, с. 52], в самом этом «открытии» еще не было собственно *социального аспекта*, то есть проблематики социального неравенства и классового угнетения. Тема народа рассматривалась в славянофильстве в историософской плоскости, имея подчиненное значение по отношению к центральной концептообразующей идее — идее самобытного пути России. Ориентируясь на *придуманную* ими допетровскую древнюю Русь, славянофилы идеализировали ее национально-духовное единство и исповедовали понимание народа как социальной целостности, в которой доминировало согласие и органично сочетались интересы правящего класса и народных масс. Не видели славянофилы классовых противоречий и в современной им России, акцентируя «нравственную связь между помещиком и мужиком» [4, с. 276]. Михайловский критически относился к этой славянофильской народной утопии: «...весьма существенный признак славянофильства: в трогательной идиллии или с бурным пафосом, серьезно или при помощи буффонады, но славянофилы упорно отождествляли интересы и цели “незанятых классов” (древней или новой России) с интересами классов занятых, вдвигая их в национальное единство» [24, с. 219].

Тем не менее, как и субъективная школа, славянофильство содержит социальное противопоставление, однако народ здесь противопоставлен не классу эксплуататоров-угнетателей, а порожденному петровскими реформами сословию европеизированной интеллигенции, отошедшей от глубинных корней национальной культуры и в этом отношении — *ненародной* (в данной исторической конструкции намечается близость славянофильства и субъективной школы).

Полагая, что центр тяжести «народности» — именно в простом народе (собственно, крестьянстве), славянофилы считали, что восстановление этой народности должно идти не путем приобщения мужика к культуре помещика, а путем погружения последнего в глубины «народной правды». Как писал Хомяков, «чтобы выразить мысль народа, надобно жить с ним и в нем» [38, с. 171] (по-видимому, ношение народного костюма было практическим проявлением этого убеждения). Комментируя это воззрение, Михайловский писал: «Славянофилы были уверены, что они, такие-то, Хомяков или Аксаков, не только поняли величие народных идеалов, но слились или по крайней мере во всякую данную минуту могут слиться с народом во всех своих воззрениях религиозных, поэтических, политических и проч.» [24, с. 268].

Весь этот комплекс патриархально-утопических воззрений, важнейшее место в котором занимало учение о крестьянской общине, позволяет, по мнению Б.Ф. Егорова, говорить о своеобразном *феодальном демократизме* славянофилов [7, с. 114]. В нем было столько же консервативной утопии¹⁷, сколько и скрытой оппозиционности. Само выде-

¹⁷ Консервативно-охранительные потенции, скрытые в славянофильском учении, эксплицированы в знаменитой уваровской формуле «православие,

ление категории «народ» в ее противопоставлении «не-народу» (то есть правящим сословиям), а также отрицательное отношение к петровским преобразованиям, лежащим в основе современной славянофилам социально-политической системы, провоцировали на довольно радикальные выводы. И хотя сами славянофилы подобных выводов не делали, власть их прочитывала вполне однозначно и систематически преследовала проповедников народной идиллии (см., например: [18; 4; 7; 40])¹⁸. Добавим, что дело не только в политических выводах, которые логично вытекают из славянофильской социальной концепции. Известно, что славянофилы занимали достаточно радикальную позицию по отношению к крепостничеству, которое они осуждали (впрочем, не теряя при этом из фокуса внимания своего собственного помещичьего интереса, см.: [4, с. 280–282]).

Субъективная школа, сама идейная конструкция которой определена остро воспринятым социальным вопросом, внешне мало напоминает славянофильскую утопию. Между тем постановка субъективной школой социального вопроса как вопроса о долге образованного класса перед народом и искупления вины перед ним есть вариация той общей историософской темы социальной расколотости страны, которая появляется в национальном сознании как славянофильская тема. Общим выступает и экзальтированное отношение к народу. Как писал А.И. Герцен, славянофилов и западников (к которым, несомненно, тяготела субъективная школа) объединяла «одна любовь»: «У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу» [5, с. 170].

Народническое движение выразило эту общую любовь в практическом действии, выстроенном на идейно-мировоззренческом синтезе западничества, идеологии субъективной школы и славянофильства. Как пишет С.А. Левицкий, «идеология... народников была скорее западнической (прудоновский безгосударственный социализм)», однако «культ “мужика” был подсказан именно славянофилами» [19]. Однако — важное уточнение — славянофилы более органичны и убедительны в этом плане. Как тонко заметил Н.А. Бердяев, «Хомяков

самодержавие, народность», которую часто ассоциируют со славянофилами. Подобное отождествление в фактологическом плане неверно, однако в плане подспудного развития идей неслучайно.

¹⁸ Чрезвычайно любопытным и символичным является факт биографического пересечения Хомякова и Лаврова на почве преследования инакомыслия, который приводит Б.Ф. Егоров: «Многие настолько считали Хомякова “революционером”, что на него пало обвинение в авторстве радикальных антиправительственных стихотворений П.Л. Лаврова “Русскому народу” и “Русскому царю”... П.Л. Лавров, не желая, чтобы другой страдал из-за него, чуть ли не выдал себя правительству... Высылка Хомякова из Москвы “была почти решена и не состоялась только по энергичному заступничеству гр. Д.Н. Блудова”» [7, с. 122].

любил простой народ как родной, близкий себе, и то было более здоровое отношение, чем у последующих народников, создавших из народа идола, внутренне им чуждого. Хомяков не был кающимся дворянином, в нем не было этого надрыва» [3]. «Надрыв» в эту тему привносит субъективная школа, начиная с «Исторических писем» Лаврова¹⁹.

Это экзальтированное отношение, этот «культ мужика» представлял собой своеобразное сочетание утопических представлений о некоей высшей и безусловной правде, сокрытой в народе, с осознанием его отсталости и невежества и навязчивым стремлением его научить, образовывать, «окультурить». Подобный двойственный ход мысли намечен уже в субъективной школе. Так Лавров, с одной стороны, писал об уплате долга народу, поднимая своими «Историческими письмами» волну обожания народных масс, а с другой — клеймил современное ему общество за пассивность и бездумную жизнь, подобную жизни муравьев в своих муравейниках (см.: [15; 1]). Язвительные пассажи, основанные на такого рода сравнениях, были, конечно, обращены к интеллигентскому сословию, однако само противопоставление зоологической «культуры беспозвоночных», в которой пребывает российское общество, и «цивилизации», к которой следует стремиться просвещенному человечеству, безусловно, содержит определенный и явно некомплиментарный диагноз в отношении российского населения в целом.

Любопытно и неожиданно, что критическое восприятие уровня и потенциала народных масс было свойственно даже Хомякову, что несколько разрушает тот маниловский образ, в котором он привычно выступает как социальный мыслитель. В «Записках о всемирной истории» он пишет о склонности народных масс к «грубо-инстинктивной логике» и «грубо-вещественным страстям» и о том, что лишь «богоизбранные люди» восстанавливали в обществе понятия о свободе и добре [39, с. 327]²⁰. Как замечает А. Валицкий, «трудно примирить с этими взглядами убеждение славянофилов, что народ, и только народ, сохранил в России верность ее нравственным идеалам, ее “внутренней правде”» [4, с. 271].

¹⁹ Как пишет В.В. Зеньковский, «“Исторические письма”... имели (неожиданное для самого Лаврова) громадное влияние на радикальную русскую молодежь»; «для ряда поколений были своего рода Евангелием» [8, с. 340–341]. С.А. Левицкий приводит показательные в этом отношении свидетельства Н. Русанова: «Надо было жить в 70-е годы, в эпоху движения в народ, чтобы видеть вокруг себя и чувствовать на самом себе удивительное влияние, произведенное “Историческими письмами”. Многие из нас, юноши в то время, другие — просто мальчики, не расставались с небольшой истрепанной, зачитанной, истертой вконец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватившего нас безмерной жаждой жить для благородных идей и умереть за них» (цит. по: [19]).

²⁰ Вряд ли Лавров был знаком с этой работой Хомякова, но прямая перекличка воззрений несомненна.

Мессианские мотивы

Притом что славянофильство рождается как историософское учение, а «историософское» в русской социальной мысли по умолчанию воспринимается как «мессианское», присутствие подобных идей в ранней версии славянофильства (которая здесь и подлежит рассмотрению) неочевидно. Еще менее очевидны мессианские уклоны субъективной школы. Однако, как мы попытаемся показать далее, в обоих направлениях они присутствуют, и в этом вопросе, по-видимому, менее всего можно говорить о какой-либо идейной преемственности, скорее здесь воспроизводится та общая ментально-мировоззренческая атмосфера, в которой развивалась и оформлялась русская социальная мысль. Историософские представления об особой исторической миссии русского народа, в большинстве случаев сливающиеся с мессианской идеей избранничества, — одна из сквозных ее тем. Эту тему, в которой то отчетливо проступают, то растворяются до едва заметных следов геополитические интенции, принято вести от мифологемы «Москва — Третий Рим», авторство которой традиционно атрибутируется монаху псковского монастыря Филофею (первое упоминание ее относят к 1523–1524 гг.), а идейные истоки видят в «Пасхалии» митрополита Зосимы (1492 г.).

В настоящей работе мы берем эту тему исключительно в плоскости истории идей, то есть зарождения, наследования и присутствия определенных концептуальных комплексов в общественном сознании, подчеркивая при этом необходимость отличать значение идеи, которое она имела в конкретном историческом контексте, от того смысла, который в нее был привнесен впоследствии. Так, несмотря на то что в историософии (не только отечественной) утвердилось представление о том, что формула Филофея воплотила витавшие в воздухе идеи и ожидания и послужила поворотным моментом в формировании национальной идеологии и идентичности²¹, в собственно исторической науке достаточно убедительно представлена альтернативная/оппонирующая точка зрения на идеологическое «открытие» Филофея (см., в частности: [44; 35]). Согласно этой точке зрения, «открытие» Филофея в контексте его времени было малозначительным событием и имеет не столько историческое, сколько историографическое происхождение, связанное с первыми публикациями в 1860-е годы сочинений Филофея. Косвенным подтверждением этой точки зрения может служить то обстоятельство, что славянофилы не упоминают данную концепцию.

Однако, хотя вполне возможно, что конструкция Филофея не имела вплоть до второй половины XIX в. того общественного резонанса, который ей приписывается, есть основания предполагать, что сама по себе идея избранничества и большой исторической миссии подспудно

²¹ Это представление с максимальной отчетливостью было сформулировано в опубликованной в 1914 г. работе И.А. Кириллова «Третий Рим» [12, с. 2; 25; 30] и повлияло на оценки последующих исследователей данной тематики (см., например: [18; 19; 32]).

присутствовала в русской средневековой ментальности. Это слишком большой сюжет, чтобы претендовать в рамках настоящей статьи на сколько-нибудь обстоятельное его изложение, поэтому ограничимся лишь упоминанием некоторых источников и заключений специалистов, свидетельствующих в пользу нашего предположения. Так, некоторые исследователи считают возможным вести историю формирования мессианских идей от «Повести временных лет» (см., в частности: [32]); впрочем, подобное мнение имеет, на наш взгляд, зыбкие основания²². Более отчетливо идея избранничества прочитывается в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, где конструкция «Москва — Третий Рим» присутствует в версии «Киев — третий Иерусалим»²³. Н.В. Сеницына, опираясь на огромный пласт исторических источников, пишет в отношении концепции Филофея: «Разумеется, ее истоки восходят к более ранним учениям» [33, с. 222], упоминая в их числе и «Слово...» Илариона. А.С. Усачёв, отрицая поворотное для XVI в. значение сочинений Филофея в контексте его времени, также признает: «Можно говорить... о созвучии отдельных идей псковского инока и его продолжателей целому ряду памятников древнерусской оригинальной и переводной литературы, в том числе и тех, которые писались явно до Филофея» [35, с. 73]. Зеньковский замечает, что перекличка концепций XVI и XIX вв. неслучайна и «очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей “русской души”» [8, 22]. В русле подобных установок возникло славянофильство, вполне отчетливо выразившее мысль о национально-религиозной миссии русского народа. То обстоятельство, что славянофилы, скорее всего, не были знакомы с идеями Филофея, только укрепляет наше предположение о ментальной укорененности подобных идей.

Важно заметить, что у ранних славянофилов *почти* не было элементов панславизма как воплощения мессианизма и имперского экспансионизма. И Киреевский, и Хомяков мечтали о духовном преображении Запада под влиянием чистого, православного христианства, сохраненного Святой Русью. В утверждении этого христианства, в донесении света православной истины видели они *миссию* России. Так, Киреевский мечтал «...подчинить раздвоенную образованность Запада цельному

²² Таковым, строго говоря, является лишь панегирик в адрес усопшего Владимира: «То новый Константин великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же» [28, с. 91].

²³ Восхваляя Василия (это имя принято князем Владимиром при крещении), Иларион проводит аналогию между матерью императора Константина Еленой, которая перенесла найденный ею в Иерусалиме Крест животворящий (точнее, его часть) в Византию, и бабкой Владимира Ольгой, познакомившей Русь с христианством: «О, подобный великому Константину... Он с матерью своею Еленой крест из Иерусалима принес... Ты же с бабкою своею Ольгой, принеся крест из нового Иерусалима, Константина града, по всей земле своей его поставив, утвердил веру, ибо ты подобен ему» [23, с. 99].

сознанию верующего разума» [11, с. 332]. Хомяков, как и Киреевский, убежден, что «история призывает Россию стать во главе всемирного просвещения» [38, с. 174]: «...наша Русь, принявшая чистое Христианство издревле, по благословлению Божию, и сделавшаяся его крепким сосудом... спасшая эти начала для самой себя... теперь должна явиться их представительницею для целого мира. Таково ее призвание, ее удел в будущем»; «...всемирная история, осудив безвозвратно те односторонние духовные начала, которыми управлялась человеческая мысль на Западе, вызывает к жизни и деятельности более полные и живые начала, содержимые нашею Святою Русью» [38, с. 151–152, 156–157].

Однако между *миссионизмом* и *мессианизмом* — короткий шаг, и ранние славянофилы этот шаг если не совершили, то вполне отчетливо обозначили, причем еще до появления самого славянофильства. Миссионистско-мессианский комплекс, в основе которого лежат представления об избранничестве православной России и ее великой по отношению к остальному миру задаче, начинает оформляться еще в обществе Любомудров (1823–1825). Так, Киреевский, один из его членов, пишет в 1830 г. (когда «он был еще далек от славянофильских воззрений» [36, с. 16]) о необходимости для дальнейшего развития Европы, уже совершившей «круг своего умственного развития» и оцепеневшей в своей зрелости, молодого, свежего «народа, который бы господствовал над другими своим политическим и умственным перевесом» (имея в виду Россию) и с энтузиазмом выражает «Надежду и Мысль о великом назначении нашего отечества!» [11, с. 78–79]. Бывший Любомудр В.Ф. Одоевский в 1844 г. *осмеливается* «выговорить слово<...>: Запад гибнет!», но тут же дает «старой, одряхлевшей Европе» надежду: «...само Провидение... хранит... народ, долженствующий показать снова путь, с которого совратилось человечество, и занять первое место между народами... Один новый, один невинный народ достоин сего великого подвига; в нем одном, или посредством его, еще возможно зарождение нового света, обнимающего все сферы ума и общественной жизни»; «не одно *тело* должны спасти мы — но и *душу* Европы!»; «Деятнадцатый век принадлежит России!» [27, с. 341, 342, 344, 346].

У ранних представителей славянофильства идея *особой исторической миссии* России, нести которую в мир есть ее *мессианское* предназначение, имеет духовное измерение, однако у поздних славянофилов и их идейных последователей происходит отчетливый разворот к геополитическому мессианизму.

Между тем можно поспорить с И. Кирилловым, который видит в агрессивном, «зверином, человеконенавистническом, языческом национализме» «незаконнорожденное детище» славянофильства [12, с. 78]. Сама идея избранничества содержит целый спектр ее возможных воплощений, и политическое выступает одним из ближайших. Историческая справедливость требует также учесть, помимо романтики-философских мессианских настроений и пророчеств, случаи непосредственного великодержавного национализма, наиболее яркие

проявления которого историки видят в биографии Хомякова (см., в частности: [4, с. 228–231]).

Тем не менее корректная оценка славянофильства предполагает учет того, что внешнеполитические сюжеты занимают в нем факультативное место. Славянофильство — это в первую очередь философия, а не идеология, и, как подчеркивают многие исследователи, «панславизм был лишь политической проекцией славянофильства, притом далеко не у всех славянофилов» [19]. С.А. Левицкий также пишет: «... главное и самое ценное в славянофильстве: стремление к созданию православной целостной культуры»; «...мессианизм их носил более национально-культурный, чем государственно-империалистический, характер. Они, правда, мечтали о возрождении Запада светом православной культуры, но ни в коем случае не на основе насилия. Можно говорить скорее об утопическом, чем об империалистическом характере их мессианизма» [19]).

М.М. Карпович подчеркивает, что «мессианский элемент славянофильского национализма поначалу... имел неполитический характер. Здесь становится ясна разница между ранними славянофилами и позднейшими панславистами. В конце концов, первые стремились к тому, чтобы возвещать вселенскую истину — истину православия и те принципы, на которых стоял славянский, и в особенности русский, мир, — на благо остальному человечеству» [10, с. 117]. Оспаривая «известный тезис противников славянофильства о национализме как синониме этого течения русской мысли», В.А. Фатеев, в частности, приводит слова Г. Флоровского, который «справедливо пишет, что если им и не удалось избежать мессианистического соблазна, то они настойчиво стремились его избежать» [36, с. 4, 6].

Субъективная школа, казалось бы, не имеет отношения ко всему этому сложному миссианско-мессианскому комплексу и, более того, устами Михайловского громит славянофильско-почвеннический «мистический ультрапатриотизм», насмешливо отвергая представления и о «мистическом величии России» [24, с. 210–211], о «великой роли, предназначенной Провидением славянскому миру, долженствующему стереть с лица земли или по крайней мере совершенно посрамить мир романо-германский» [24, с. 210–211; 207].

Между тем у Лаврова идея избранничества, которую мы назвали бы корневой для отечественной социальной ментальности, проступает во всей своей идейной открытости. Лавров, правда, как и Михайловский, более чем далек от того, чтобы представлять себе «Русь до-Петровскую... в розовом свете» [24, с. 209]. Именно славянофильская концепция отечественной истории заставила Лаврова назвать славянофилов «фантазерами». Сам Лавров не идеализирует русское прошлое — более того, не видит в нем ничего оригинального, ничего, чем русский народ обогатил мировую культуру (в отличие от болгар, в среде которых возникло движение богомильства, чехов, родивших Яна Гуса, и поляков с их знаменитой Раковской школой — центром социианства) (см.: [14, с. 100–113]). Однако Лавров — в духе «позднего» Чаадаева — желает «для русских...

роли начинателей нового периода жизни человечества»; «...чтобы задача передовых двигателей будущего человечества досталась нам; для того, чтобы русские в конце XIX века, с большими средствами и в более широких размерах, внесли свой оригинальный вклад в историю человечества, как внесли его соплеменные нам народы в прошедшем... Настоящее, оригинальное, национальное дело остается впереди. Это проповедь мысли теоретической и практической в ее новейшем фазисе, чтобы *это* составляло *наш* вклад в историю» [14, с. 122, 125]. Стоит заметить, что из сочинения Лаврова не очень понятно, в чем состоит существо этой проповеди, — он пишет о ней очень расплывчато и невнятно: «Наука и жизнь в их философском единстве, личность и общество в единстве свободного взаимодействия, истина естественная и справедливость общественная в единстве человеческого убеждения, история и идеал в единстве человеческой деятельности — лишь таковы могут быть основы новой проповеди» [14, с. 125].

Тем не менее Лавров провозглашает «новую проповедь» и «ждет народа, который бы *решился* признать ее *своим* учением, сделаться ее органом в истории мысли и начинателем в новом периоде истории человечества... Русские *могут* быть начинателями и представителями этого движения» [14, с. 125–126]. Вопрос, свершится ли это пророчество, высказанное в осторожной форме констатации возможности, для Лаврова остается открытым: «...захотят ли этого русские? Захотят ли они принять на себя роль передовых исторических деятелей и написать свое имя на новой эре истории?.. Сделают ли это русские в XIX веке? Ответ на это даст будущее. Оно не вырастает фатально и бессознательно. Народ создает его себе *сам, своею мыслью, своею деятельностью*, как сознательный орган своей истории» [14, с. 126]. Отвергая, таким образом, славянофильские «фантазии», Лавров воспроизводит базовую славянофильскую ценностную доминанту избранничества, для которой он не видит ни философских, ни социальных оснований, уповая исключительно на волевое, сознательное усилие русского народа²⁴.

Заключение

Настоящая работа представляет собой опыт осмысления некоторых сквозных сюжетов/линий социальной мысли, прослеживаемых в славянофильстве и русской субъективной школе. Названные направления не связаны между собой ни концептуально, ни тематически, ни

²⁴ Уместно в этой связи привести замечание Е.Н. Трубецкого о беспочвенности нового мессианизма, утратившего свою мистическую религиозную подкладку: «...совершенно непонятно, на чем он [новый русский национальный мессианизм] держится. Каковы бы ни были недостатки старорусского национального мессианизма, у него, по сравнению с мессианизмом новейшим, было одно несомненное преимущество — преимущество цельности и последовательности: его сторонники могли дать ясный отчет в своем уповании... Этой ясности недостает современным поборникам национально-мессианской идеи, и это — по той простой причине, что у них эта идея оторвана от всех своих исторических корней» [34, с. 336–337].

в институциональном или событийном плане и выглядят скорее как оппонирующие по отношению друг к другу идейно-мировоззренческие комплексы. Славянофильство базируется на религиозно-мистическом постижении жизни, субъективная школа — на светски-позитивистском и при этом скорее тяготеет к западничеству. Между тем анализ философско-гносеологических и историософских установок славянофильства позволяет глубже понять мировоззренческий каркас субъективной школы и пунктирно обозначить некоторые характерные траектории движения отечественной интеллектуальной истории. Каковы истоки проанализированного комплекса представлений, не является вопросом настоящей статьи, в рамках которой мы можем лишь говорить о наличии общих черт, сближающих славянофильство и субъективную школу, — таких как *практическая духовно-этическая доминанта («этицизм»)* теоретической рефлексии, отвергающая отношение к жизни с позиции «отвлеченных начал» и утверждающая принципы соединения познания и высших, этически оправданных ценностей человеческого существования; *антропоцентризм* как фокусированное внимание к личности и целям ее развития. За этими общими чертами можно различить базовую ментальную установку, определяющую мировоззрение и теоретические построения как славянофилов, так и мыслителей субъективной школы, — установку *целостного отношения к действительности*, в котором неразрывно связаны гносеология и этика, отвлеченное теоретизирование и практическое действие, напряженное искание скрытых смыслов истории и утверждение самоценности человеческой личности. Эта принципиальная установка на всеохватное постижение бытия, нежелание разделять его на теоретико-созерцательное и практически-преобразующее отношение к действительности (стилистическим проявлением чего выступает публицистичность — характерная особенность сочинений как славянофилов, так и субъективистов, особенно Михайловского) порождает момент «“теургического беспокойства” — чувства ответственности за историю и искание путей к активному вмешательству в ход истории» [8, с. 235]. В славянофильстве оно воплощается в историософских исканиях, а субъективную школу выводит в плоскость социально-политического радикализма и волюнтаризма. *Миссианско-мессианские мотивы*, присутствующие в обоих направлениях, отчасти являются отдаленными последствиями названной установки.

Вправе ли мы видеть в проанализированных представлениях проявления некоего самобытного, возросшего на отечественной почве этико-центристского способа социального познания, либо синкретичное, чуждое «стихии отвлеченной ищущей мысли» [19] постижение действительности характерно для традиционных культур — вопрос уместный, однако относящийся к другой области исследований. Проблемные рамки настоящей статьи позволяют сделать более частное обобщение, связанное с экспликацией этико-прагматического отношения к действительности как одной из глубинных конструкций отечественной социальной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольди С.С.* [Лавров П.Л.²⁵]. Цивилизация и дикие племена. СПб.: Коммерческая скоропечатня, 1903. — 264 с.
2. *Бердяев Н.* Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности / Репринтное воспроизведение издания 1918 года. М.: Философское общество СССР, 1990. — 240 с.
3. *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. V. Париж: YMCA-Press, 1997. — 578 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 10.02.2023. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1912_homyakov.shtml
4. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 704 с. EDN: OGXUQM
5. *Герцен А. И.* Былое и думы // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти т. Часть IV. Т. IX / [Ред. В.А. Путинцев; Коммент. И.Ю. Твердохлебова]. М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 354 с.
6. *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995. — 288 с.
7. *Егоров Б.Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки славянской культуры, 2003. — 368 с.
8. *Зеньковский В.В.* История русской философии / [Предисл. В. Сербиненко]. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. — 880 с.
9. *Кареев Н.И.* Основы русской социологии / Ин-т социологии Рос. акад. наук, С.-Петерб. фил.; Подг. текста, вступ. ст., примеч. И.А. Голосенко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. — 368 с.
10. *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории (XVIII – начало XX века) / Пер. с англ. А.И. Кырлежева, Е.Ю. Моховой; Вступ. ст. Н.Г.О. Перейры; Предисл. С.М. Карповича; Примеч. П.А. Трибунского. М.: Русский путь, 2012. — 352 с.
11. *Киреевский И.В.* Критика и эстетика / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.В. Манна; Редкол.: М.Ф. Овсянников (пред.) и др. М.: Искусство, 1979. — 439 с.
12. *Кириллов И.* Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М.: Т-во Типо-Литографии И.М. Машистова, 1914. — 100 с.
13. *Лавров П.Л.* Философия истории славян (статья первая) // Отечественные записки. 1870. Т. СХС. № 6. С. 347–420.
14. *Лавров П.Л.* Философия истории славян (статья вторая и последняя) // Отечественные записки. 1870. Т. СХСІ. № 7. С. 65–126.
15. [Лавров П.Л.]. Опыт истории мысли. Т. I. Вып. 1. СПб.: Ред. журн. «Знание», 1875. — 162 с.²⁶

²⁵ Автор установлен по: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов... М., 1956. Т. 1. С. 109.

²⁶ Источник опубликован без указания имени автора. Авторство П.Л. Лаврова подтверждено, в частности, в работе: *Шимкевич В., Кареев Н.* Социальная жизнь животных // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 31. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1900. С. 62–64.

16. *Лавров П.Л.* Философия и социология. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. / Сост. и примеч. И.С. Книжника-Ветрова; Вступ. ст. И.С. Книжника-Ветрова и А.Ф. Окулова; Под общ. ред. А.Ф. Окулова. М.: Мысль, 1965. — 752 с.
17. *Лавров П.Л.* Исторические письма // Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. / Сост. и примеч. И.С. Книжника-Ветрова; Под общ. ред. А.Ф. Окулова. М.: Мысль, 1965. С. 6–295.
18. *Лазари А. де* В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / Пер. с польск.; Отв. ред. В.А. Хорев. М.: Наука, 2004. — 207 с.
19. *Левцкий С.А.* Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996 [электронный ресурс]. Дата обращения 15.11.2022. URL: <https://predanie.ru/book/110920-ocherki-po-istorii-russkoj-filosofii/>
20. *Малинов А.В.* Русская социологическая школа в оценке А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 3. С. 16–24. EDN: WWOXET
21. *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. — 497 с.
22. *Миненков Г.Я.* Введение в историю русской социологии. Минск: ЗАО «Экономпресс», 2000 [электронный ресурс]. Дата обращения 12.01.2022. URL: <https://infopedia.su/23x516b.html>
23. *Митрополит Иларион.* Слово о Законе и Благодати / Предисл. митрополита Иоанна (Снычева); Сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина; Реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской; Комментар. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. — 176 с.
24. *Михайловский Н.К.* Записки профана // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 3. СПб.: Типография Ф.С. Сушинского, 1881. — 497 с.
25. *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 4. СПб.: Типография (бывшая) А.М. Котомина, 1883. С. ix–xiv, 1–187.
26. *Михайловский Н.К.* Борьба за индивидуальность // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 5. СПб.: Типография А.М. Котомина и К°, 1883. С. 154–402.
27. *Одоевский В.Ф.* Русские ночи / Под ред. [и с предисл.] С.А. Цветкова. М.: Книгоиздательство «Путь», 1913. — [6], 429, [2] с.
28. *Повесть временных лет* / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; Комментар. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. СПб.: ВИТА НОВА, 2012. — 512 с.
29. *Пришвин М.М.* Дневники 1920–1922. М.: Московский рабочий, 1995. — 336 с.
30. *Радлов Э.Л.* Очерк истории русской философии. 2-е изд. Пб.: Наука и школа, 1920. — 98, [1] с.
31. *Ранский С.П.* Социология Н.К. Михайловского. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. — 239 с.
32. *Сиземская И.Н.* Идеи национального мессианизма: ловушки и позитивные основания историософской рефлексии // Философская мысль. 2013. № 6. С. 388–421. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.642 EDN: RWBLCV
33. *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Изд-во «Индрик», 1998. — 416 с.
34. *Трубецкой Е.Н.* Старый и новый национальный мессианизм // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М.: Республика, 1994. С. 333–351.

35. Усачёв А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 69–87. EDN: OWLMLT
36. Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России // *Славянофильство: PRO ET CONTRA: творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология* / [Сост. В.А. Фатеев]. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной акад., 2006. С. 1–48.
37. Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. Русское мировоззрение / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев; Вст. ст. А.А. Ермичева; Ред. Л.В. Арсеньева; Примеч. Б.В. Емельянова. СПб.: Наука, 1996. С. 161–195.
38. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. — 408 с.
39. Хомяков А.С. Записки о всемирной истории. Часть первая // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. — 588 с.
40. Широкова М.А. Философские основания культурно-исторической концепции ранних славянофилов. Автореф. ... д. филос. н. по специальности 24.00.01. Барнаул, 2013. — 43 с. EDN: SUNQYD
41. Шмерлина И.А. Инструментально-методологические проблемы исследования истории отечественной социальной мысли // *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов* [электронный ресурс]: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 5873–5895. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM) DOI: 10.19181/kongress.2020.691.
42. Юдин А.И. Н.К. Михайловский о предмете социологии // *Вестник ТГУ*. 2014. Вып. 1 (129). С. 106–113.
43. Hecker J. F. *Russian Sociology: A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory*. New York: The Columbia University Press, 1915. — 320 p. DOI: 10.7312/heck92698
44. Poe M. *Moscow, the Third Rome: the origins and transformations of a “pivotal moment”*. 1997 [online]. Accessed: 04.01.2023. URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/1997-811-25-Poe.pdf>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. Электронная почта: shmerlina@yandex.ru

Дата поступления: 11.04.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 2. P. 74–100. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.4

Research Article

*IRINA A. SHMERLINA*¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

SLAVOPHILE PHILOSOPHY AND THE SUBJECTIVE SCHOOL IN SOCIOLOGY: AN EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. This article problematizes the relationship between the sociological and philosophical traditions of Russian social thought based on the material of the subjective school and of Slavophilism. The absence of direct ideological and conceptual continuity between these avenues is shown, albeit they do share common mental and world-view prerequisites. Slavophilism and the subjective school are compared along three lines — epistemological, social, and historiosophical. The distinguishing features that reveal the correspondence between the aforementioned schools are as follows: the orientation towards a holistic view of reality, unifying life and cognition; the ethical dominant of epistemological views and the inclination towards a practical and transformative attitude towards reality; anthropocentrism and personalism; a romantically ecstatic formulation of the popular/commoner issue; missionary and messianic motives of historiosophical quests, and journalism as a genre of theoretical reflection. It is suggested that the cultural codes of the national social mentality are reflected in the outlined worldview complex.

Keywords: Slavophilism; Subjective School in Sociology; I.V. Kireevsky; A.S. Khomyakov; P.L. Lavrov; N.K. Mikhailovsky; mentality; epistemology of integral knowledge; ethicism; voluntarism; popular/commoner issue; missionism; messianism.

For citation: Shmerlina, I.A. Slavophile Philosophy and the Subjective School in Sociology: an Experience of Comparative Analysis. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P.74–100. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.4

REFERENCES

1. Arnoldi S.S. [Lavrov P.L.]. *Tsivilizatsiya i dikiye plemena*. [Civilization and wild tribes.] St Petersburg: Kommercheskaya skoropechatnya publ., 1903. 264 p. (In Russ.)
2. Berdyaev N. *Sud'ba Rossii: Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti*. [The fate of Russia: Experiments on the psychology of war and nationality.] Reprint reproduction of the 1918 edition. Moscow: Filosofskoe obshchestvo SSSR publ., 1990. 240 p. (In Russ.)
3. Berdyaev N.A. Alexey Stepanovich Khomyakov. Berdyaev N. *Sobranie sochinenii*. [Collected Works.] Vol. V. Paris: YMCA-Press, 1997. 578 p. Accessed 10.02.2023. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1912_homyakov.shtml (In Russ.)
4. Valitsky A. In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of Russian Slavophilism. [Russ ed.: *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva*. Transl. from Polish by K. Dushenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2019. 704 p.]
5. Herzen A.I. Past and thoughts. *Sobranie sochinenii v 30-ti t.* [Collected works in 30 volumes.] Part IV. Vol. IX. [Ed. by V.A. Putintsev; Comment. by I.Yu. Tverdokhlebova]. Moscow: Izd-vo AN SSSR publ., 1956. 354 p. (In Russ.)
6. Golosenko I.A., Kozlovskii V.V. *Istoriya russkoi sotsiologii XIX–XX vv.* [History of Russian sociology of the XIX–XX centuries.] Moscow: Onega publ., 1995. 288 p. (In Russ.)
7. Egorov B.F. *Ot Khomyakova do Lotmana*. [From Khomyakov to Lotman.] Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 2003. 368 p. (In Russ.)
8. Zenkovsky V.V. *Istoriya russkoi filosofii*. [History of Russian Philosophy.] [Foreword by V. Serbinenko]. Moscow: Akademicheskii Proekt, Raritet publ., 2001. 880 p. (In Russ.)
9. Kareev N.I. *Osnovy russkoi sotsiologii*. [Fundamentals of Russian Sociology.] Preparation of text, intr., notes by I.A. Golosenko. St Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha publ., 1996. 368 p. (In Russ.)
10. Karpovich M.M. *Lektsii po intellektual'noi istorii (XVIII – nachalo XX veka)*. [Lectures on intellectual history (XVIII – early XX century).] Transl. from Eng. by A.I. Kyrlezhev, E.Yu. Mokhova; Intr. by N.G.O. Pereira; Foreword by C.M. Karpovich; Note by P.A. Tribunsky. Moscow: Russkii put' publ., 2012. 352 p. (In Russ.)

11. Kireevsky I.V. *Kritika i estetika*. [Criticism and aesthetics.] Comp., intr. and note by Yu.V. Mann; Ed. by M.F. Ovsyannikov, et al. Moscow: Iskusstvo publ., 1979. 439 p. (In Russ.)
12. Kirillov I. *Tretii Rim. Ocherk istoricheskogo razvitiya idei russkogo messianizma*. [Third Rome. Essay on the historical development of the idea of Russian messianism.] Moscow: T-vo Tipo-Litografii I.M. Mashistova publ., 1914. 100 p. (In Russ.)
13. Lavrov P.L. Philosophy of the history of the Slavs (article one). *Otechestvennye zapiski*. 1870. Vol. CXС. No. 6. P. 347–420. (In Russ.)
14. Lavrov P.L. Philosophy of the history of the Slavs (second and last article). *Otechestvennye zapiski*. 1870. Vol. CXCI. No. 7. P. 65–126. (In Russ.)
15. [Lavrov P.L.]. *Opyt istorii mysli*. [Experience in the history of thought.] Vol. I. Iss. 1. St Petersburg: Red. zhurn. “Znanie” publ., 1875. 162 p. (In Russ.)
16. Lavrov P.L. *Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh*. [Philosophy and sociology. Selected works in two volumes.] Vol. 1. Comp. and note. by I.S. Scribe-Vetrov; Foreword by I.S. Knizhnik-Vetrov, A.F. Okulova; Ed. by A.F. Okulova. Moscow: Mysl’ publ., 1965. 752 p. (In Russ.)
17. Lavrov P.L. Historical letters. *Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh*. [Philosophy and sociology. Selected works in two volumes.] Vol. 2. Comp. and note. by I.S. Scribe-Vetrov; Foreword by I.S. Knizhnik-Vetrov, A.F. Okulova; Ed. by A.F. Okulova. Moscow: Mysl’ publ., 1965. P. 6–295. (In Russ.)
18. Lazari A. de *V krugu Fedora Dostoevskogo. Pochvennichestvo*. [In the circle of Fyodor Dostoevsky. Soil science.] Transl. from Polish; Ed. by V.A. Horev. Moscow: Nauka publ., 2004. 207 p. (In Russ.)
19. Levitsky S.A. *Ocherki po istorii russkoi filosofii*. [Essays on the history of Russian philosophy.] Moscow: Kanon publ., 1996. Accessed 11.15.2022. URL: <https://predanie.ru/book/110920-ocherki-po-istorii-russkoy-filosofii/> (In Russ.)
20. Malinov A.V. Russian Sociological School in the assessment of A.S. Lappo–Danilevsky. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii*. 2016. Vol. XIX. No. 3. P. 16–24. (In Russ.)
21. Medushevsky A.N. *Istoriya russkoi sotsiologii*. [History of Russian sociology.] Moscow–Berlin: Direkt–Media publ., 2015. 497 p. (In Russ.)
22. Minenkov G.Ya. *Vvedenie v istoriyu russkoi sotsiologii*. [Introduction to the history of Russian sociology.] Minsk: ZAO “Ekonompres” publ., 2000. Accessed 01.12.2022. URL: <https://infopedia.su/23x516b.html> (In Russ.)
23. Metropolitan Hilarion. *Slovo o Zakone i Blagodati*. [Word on Law and Grace.] Preface by Metropolitan John (Snychev); Comp., foreword, transl. by V.Ya. Deryagin; Reconstruction Old Russian text by L.P. Zhukovskaya; Comment. by V.Ya. Deryagin, A.K. Svetozarsky; Ed. by O.A. Platonov. Moscow: In-t Rus. tsivilizatsii, 2011. 176 p. (In Russ.)
24. Mikhailovsky N.K. Notes of a layman. *Sochineniya N.K. Mikhailovskogo*. [Works of N.K. Mikhailovsky.] Vol. 3. St Petersburg: Tipografiya F.S. Sushchinskago publ., 1881. 497 p. (In Russ.)
25. Mikhailovsky N.K. What is progress. *Sochineniya N.K. Mikhailovskogo*. [Works of N.K. Mikhailovsky.] Vol. 4. St Petersburg: Tipografiya (byvshaya) A.M. Kotomina publ., 1883. P. ix–xiv, 1–187. (In Russ.)
26. Mikhailovsky N.K. Struggle for individuality. *Sochineniya N.K. Mikhailovskogo*. [Works of N.K. Mikhailovsky.] Vol. 5. St Petersburg: Tipografiya A.M. Kotomina i Co. publ., 1883. P. 154–402. (In Russ.)
27. Odoevsky V.F. *Russkie nochi*. [Russian Nights.] Ed. [and with preface] S.A. Tsvetkov. Moscow: Knigoizdatel’stvo “Put’”, 1913. [6], 429, [2] p. (In Russ.)
28. *Povest’ vremennykh let*. [The Tale of Bygone Years.] Transl. from Old Russian by D.S. Likhachev, O.V. Curd; Comment. by A.G. Bobrova, S.L. Nikolaev, A.Yu. Chernov with the participation of A.M. Vvedensky and L.V. Voitovich. St Petersburg: VITA NOVA publ., 2012. 512 p. (In Russ.)
29. Prishvin M.M. *Dnevnik 1920–1922*. [Diaries 1920–1922.] Moscow: Moskovskii rabochii publ., 1995. 336 p. (In Russ.)

30. Radlov E.L. *Ocherk istorii russkoi filosofii*. [Essay on the history of Russian philosophy.] 2nd ed. St Petersburg: Nauka i shkola publ., 1920. 98, [1] p. (In Russ.)
31. Ransky S.P. *Sotsiologiya N.K. Mikhailovskogo*. [Sociology N.K. Mikhailovsky.] St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1901. 239 p. (In Russ.)
32. Sizemskaya I.N. Ideas of National Messianism: Traps and Positive Foundations of Historiosophical Reflection. *Filosofskaya mysl'*. 2013. No. 6. P. 388–421. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.642 (In Russ.)
33. Sinitsyna N.V. *Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)*. [Third Rome. Origins and evolution of the Russian medieval concept (XV–XVI centuries).] Moscow: Indrik publ., 1998. 416 p. (In Russ.)
34. Trubetsky E.N. Old and new national messianism. *Smysl zhizni*. [The meaning of life.] Comp. by A.P. Polyakova, P.P. Apryshko. Moscow: Respublika publ., 1994. P. 333–351. (In Russ.)
35. Usachev A.S. “Third Rome” or “Third Kyiv”? (Moscow kingdom of the XVI century in the perception of contemporaries). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2012. No. 1. P. 69–87. (In Russ.)
36. Fateev V.A. In disputes about the original path of Russia. *Slavyanofil'stvo: PRO ET CONTRA: tvorchestvo i deyatel'nost' slavyanofilov v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiya*. [Slavophilism: PRO ET CONTRA: creativity and activity of Slavophiles in the assessment of Russian thinkers and researchers: Anthology.] [Comp. by V.A. Fateev]. St Petersburg: Izd-vo Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akad. publ., 2006. P. 1–48. (In Russ.)
37. Frank S.L. Russian worldview. *Russkoe mirovozzrenie*. [Russian worldview.] Comp. and ed. by A.A. Ermichev; Foreword by A.A. Ermichev; Ed. L.V. Arseniev; Note. by B.V. Emelyanov. St Petersburg: Nauka publ., 1996. P. 161–195. (In Russ.)
38. Khomyakov A.S. *Polnoe sobranie sochinenii*. [Full composition of writings.] Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya na Strastnom bul'vare publ., 1900. 408 p. (In Russ.)
39. Khomyakov A.S. Notes on world history. Part one. *Polnoe sobranie sochinenii*. [Full composition of writings.] Vol. 5. Moscow: Universitetskaya tipografiya na Strastnom bul'vare publ., 1900. 588 p. (In Russ.)
40. Shirokova M.A. *Filosofskie osnovaniya kul'turno-istoricheskoi kontseptsii rannikh slavyanofilov. Avtoref. ... d.filos.n. po spetsial'nosti 24.00.01*. [Philosophical foundations of the cultural-historical concept of the early Slavophiles. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philosophical Sciences, specialty 24.00.01.] Barnaul, 2013. 43 p. (In Russ.)
41. Shmerlina I.A. Instrumental and methodological problems of studying the history of Russian social thought. *Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa (Tyumen', 14–16 oktyabrya 2020 g.)*. [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions: Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14–16, 2020).] Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: ROS; FNISTs RAN publ., 2020. P. 5873–5895. 1 elektron. opt. disk 12 sm. (CD-ROM) DOI: 10.19181/kongress.2020.691. (In Russ.)
42. Yudin A.I. N.K. Mikhailovsky on the subject of sociology. *Vestnik TGU*. 2014. Iss. 1 (129). P. 106–113. (In Russ.)
43. Hecker J.F. *Russian Sociology: A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory*. N. Y.: The Columbia University Press, 1915. 320 p. DOI: 10.7312/heck92698
44. Poe M. *Moscow, the Third Rome: the origins and transformations of a “pivotal moment”*. 1997. Accessed: 01/04/2023. URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/1997-811-25-Poe.pdf>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Shmerlina — Candidate of Philosophical Sciences, Lead Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57.
Email: shmerlina@yandex.ru

Received: 11.04.2023.

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

В этой рубрике мы продолжаем публиковать воспоминания и другие материалы, посвященные Геннадию Семеновичу Батыгину (1951–2003) — основателю и бессменному главному редактору «Социологического журнала», известному методологу и историку социологии. Они позволят узнать о малоизвестных фактах профессиональной жизни Г.С. Батыгина, круге его научного общения, влиянии его личности на тех, кто оказывался рядом.

Ниже публикуются воспоминания доктора социологических наук, профессора, действительного члена Академии наук Армении Геворка Арамовича Погосяна, которого в 1980–1990-е гг. с Г.С. Батыгиным связывали личная дружба и профессиональное общение.

Интервью подготовил кандидат социологических наук Д.М. Рогозин, ученик и коллега Геннадия Семеновича.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.5

EDN: EGSVJD

Г.А. ПОГОСЯН¹, Д.М. РОГОЗИН^{2, 3}

¹ Институт философии, социологии и права НАН РА.
0010, Республика Армения, Ереван, ул. Арама, д. 44.

² Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).
119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82.

«ДЛЯ МНОГИХ ИЗ НАС ГЕННАДИЙ БАТЫГИН ЯВИЛСЯ СВОЕГО РОДА ПРОВОДНИКОМ В МИР ВЫСОКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ»

Аннотация: Интервью по переписке посвящено Геннадию Семеновичу Батыгину (1951–2003) — коллеге и другу Геворка Арамовича Погосяна. В интервью раскрываются особенности личной коммуникации, влияния, которое оказывал Батыгин на окружающих. Затрагиваются вопросы организации научных публикаций, личных встреч в течение 1980–1990-х гг. Представлен жизненный мир научных сотрудников, с одной стороны, достигших значимых результатов в научной карьере, написавших к тому времени востребованные работы по методологии социальных исследований, получивших признание среди коллег, с другой стороны, простых

в общении, встречающихся на кухне, а не на кафедре, обсуждающих, спорящих, поддерживающих друг друга. В интервью воспроизводится социальная атмосфера 1990-х, показывается то, как на деле может реализоваться мертоновский принцип научного коммунизма, согласно которому знание открыто и доступно для каждого, находящегося в поиске, и не имеет статусных или административных границ.

Ключевые слова: Геннадий Семенович Батыгин; биографическое интервью; профессиональный авторитет; организация научного знания; социология науки.

Для цитирования: *Погосян Г.А.* «Для многих из нас Геннадий Батыгин явился своего рода проводником в мир высокой профессиональной социологии» / Интервью подготовил *Д.М. Рогозин* // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 101–109. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.5 EDN: EGSVJD

Когда Вы познакомились с Батыгиным? При каких обстоятельствах? Какое он произвел на Вас впечатление?

Впервые я встретился с Геннадием Батыгиным в Москве, в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ — так он тогда назывался) Академии наук СССР. Будучи научным сотрудником Института философии и права Академии наук Армянской ССР, я в 1980 году был командирован на учебу в заочную аспирантуру в Москву. По просьбе руководства нашего института меня определили в отдел ИКСИ, руководимый академиком Геннадием Васильевичем Осиповым. Он же был научным руководителем моей кандидатской диссертации [1]. В то время несколько сотрудников нашего института уже завершили свое обучение в аспирантуре ИКСИ и вернулись в Армению, но некоторые еще продолжали свою учебу. Одного из этих армянских аспирантов, Эдика Кюрегяна, я хорошо знал и с ним дружил, поскольку он, как и я, был выпускником физического факультета Ереванского государственного университета. Он меня, что называется, вводил в курс дела, помогал адаптироваться в Москве, знакомил с социологами института. Однажды мы заглянули с ним в редакцию журнала «Социологические исследования», где он и познакомил меня со своим хорошим приятелем Геннадием Батыгиным. Тогда мы впервые увиделись друг с другом. Это была короткая встреча, что называется, «на ногах», но вскоре мне посчастливилось познакомиться с ним поближе. Дело шло к лету, и в Институте готовились к проведению летней школы для молодых социологов в Гурзуфе. Мне тоже предложили поехать на эту школу, где с лекциями должны были выступать известные социологи старшего поколения. Для меня это была счастливая возможность познакомиться как с молодыми аспирантами института, так и с маститыми учеными и признанными авторитетами в социологии. После утренних лекций у нас было много свободного времени для неформального общения на прекрасном гурзуфском берегу теплого Черного моря. Конечно,

это были незабываемые дни, которые многие из нас запомнили на всю жизнь. Там я поближе познакомился и подружился с Геной. Он был душой компании, всегда в центре событий, и, конечно, организатором различных молодежных посиделок. У него были недюжинные организаторские способности и неиссякаемая энергия для проведения различных интересных мероприятий. Меня поразили его глубокие познания в области истории и теории социологии. В этом смысле он для нас тогда уже был молодым, но вполне оформившимся «классическим» социологом. Поле личной гравитации Батыгина было настолько сильным и обширным, что привлекало как совсем еще молодых, так и весьма солидных ученых-социологов старшего поколения. Для меня лично и, думаю, для многих из нас он явился своего рода проводником в мир высокой профессиональной социологии.

Получается, Вы познакомились с Батыгиным в самом начале 1980-х. У него еще не защищена докторская диссертация, круг интересов связан с изучением образа и качества жизни, возможно, основное влияние на него оказывает научный руководитель кандидатской Игорь Васильевич Бестужев-Лада. Так ли это? Чем увлекался и увлекал окружающих Батыгин в то время? Какие вопросы ставил? О чем вы спорили, что обсуждали тогда в Гурзуфе и потом в Москве? Что было важным для вас в тех разговорах? В какой мир профессиональной социологии он приглашал?

Когда мы познакомились, он уже был кандидатом философских наук по специальности «прикладная социология». В те годы еще не было отдельной спецификации ВАК по социологическим наукам, она появилась намного позже. Гена уже работал над темой своей докторской диссертации по истории, теории и методологии социологии. Меня тоже интересовали методологические проблемы социологии, такие как достоверность и надежность данных социологических исследований. В частности, я тогда провел несколько социальных экспериментальных исследований, пытаюсь выявить и измерить степень воздействия личностных характеристик интервьюера на результаты проведенных им интервью (позднее выйдет в свет монография: [2]). Проблема эта заинтересовала его, и он со всей присущей ему энергичностью и последовательностью присоединился к обсуждению деталей и инструментария моего исследования. Мы с ним были практически одного возраста, представители одного поколения, и наши взгляды по многим вопросам совпадали. Гена предложил мне написать статью для журнала «Социологические исследования». Я написал статью «Интервьюер как источник экспертной информации» [3] и показал ему. Вот тогда впервые Гена мне преподнес мастер-класс по написанию статей. В этом он, конечно, был непревзойденным мастером. Его работа в редакции журнала была неоценимой. Я уверен, Гена (и не только он в редакции) серьезно дорабатывал многие статьи, посту-

пающие в журнал. Это была очень серьезная научно-редакторская работа в журнале, что, собственно, и поднимало журнал на высокий профессиональный уровень. Тогда некоторые статьи переводились на английский язык. Я помню, как-то даже получал за опубликованные в журнале статьи небольшие авторские гонорары из ВААП (кажется, это Всесоюзное агентство по авторским правам 1973–1991 гг.). Батыгин был хорошо знаком с очень многими авторитетными советскими социологами — постоянными авторами журнала. Со многими из них у него сложились крепкие дружеские отношения. Его ценили за открытость к дискуссиям, отзывчивость и готовность помочь, надежность в отношениях и высокий профессионализм. Он умел дружить с мэтрами социологии и активно поддерживал молодых авторов. Вспоминается случай, когда надо было поддержать диссертационную работу по футурологии одного из наших молодых армянских философов. Я обратился к Батыгину с просьбой уговорить Игоря Васильевича Бестужева-Ладу посмотреть работу. Зная его прекрасные отношения с Бестужевым-Ладой, я надеялся услышать мнение известного специалиста. Какова же была наша радость, когда мы получили весьма положительный официальный отзыв о диссертации от этого крупного ученого. Гена обладал редким качеством доводить начатое дело до конца, и, как настоящий перфекционист, он прикладывал максимум усилий, энергии и настойчивости к тому, чтобы результат был насколько возможно хорошим. Для друзей и близких людей у него всегда находились время и особое внимание.

Геворг Арамович, часто ли Вы виделись с Батыгиным? Насколько продолжительными и насыщенными были ваши встречи? И когда была последняя, запомнилась ли она Вам?

За все эти годы мы встречались много раз, иногда подолгу, но чаще на различных конференциях в Москве, Киеве, Ереване и др. Больше всего встреч, конечно, было в Москве в его квартире в Раменках, где они тогда жили с Мариной Малышевой. Гена был чрезвычайно гостеприимным хозяином и даже иногда сердился, когда во время моих многочисленных поездок через «Шереметьево» за границу я останавливался в гостинице, а не у них. Там, в Раменках, на кухне у него, мы не раз засиживались до ночи. В наших беседах и спорах часто принимали участие его друзья и коллеги по редакции Альберт Иванович Кравченко и Валентин Афанасьевич Попов. Однажды, после моей московской защиты, даже ездили всей компанией в Люберцы на квартиру к Попову. Мне запомнился случай в году, наверное, 1997-м, когда мы с армянским философом Кареном Свасьяном засиделись за разговором у Геннадия Семеновича так долго, что опоздали на рейс Карена в Швейцарию, куда он летел на свою преподавательскую работу в Базельском университете. Пришлось вернуться назад и не без удовольствия продолжить нашу беседу до другого рейса утром следующего

дня. У Геннадия был такой особый талант дружить. Он умел так дружить, что все его друзья потом дружили между собой без него и, к сожалению, после него. Во время одной из наших встреч в Ереване, в 1989 году после катастрофического землетрясения в Армении, я пригласил его на телевизионную передачу о социально-психологических последствиях случившейся катастрофы. Его речь произвела на команду телевизионщиков такое глубокое впечатление, что они долгое время потом спрашивали меня, когда еще к ним приедет социолог из Москвы. Между поездками и встречами мы перезванивались и переписывались, особенно когда появилась возможность связываться по Интернету. В начале 90-х годов прошлого века Армения переживала очень тяжелые времена. У нас не было газа, отопления, регулярно и надолго отключали электричество. Зимой, перед тем как лечь спать, мы не раздевались, а одевались потеплее, чтобы во сне не замерзнуть. Тогда по случаю я где-то купил очень теплые сапоги, унты. Полетев в них затем на конференцию, я почувствовал, что они слишком теплые для отапливаемой Москвы. А когда возвращался обратно в Ереван, оставил их дома у Геннадия Семеновича. Много месяцев спустя он мне писал, что не знает, куда их девать, но, как музейную редкость, подобную «чайнику Ленина», упорно хранит их у себя.

Последнюю нашу встречу я точно не помню, скорее всего, это было года за два до того трагического случая на велосипеде¹. Гена всегда и во всем стремился быть первым. Конечно, он обладал ярко выраженным лидерским характером и для него было просто неприемлемым в чем-то сильно отставать от окружающих. У меня всегда была уверенность, что если бы не безвременная кончина, его бы ожидала блестящая карьера руководителя крупного научного института.

Сейчас такое время в России, что вернулись кухонные разговоры. Все чаще приглашают друзей домой, хотя совсем недавно было принято встречаться в кофейнях и барах. Очень приятно увидеть в этом переключку с теми плодотворными для гуманитарного знания временами. Заметили ли Вы изменение научных интересов Батыгина за время вашего общения? Можно ли выделить какие-то периоды возникновения и поддержания в фокусе внимания важнейших вопросов, которые его волновали, обсуждались среди друзей, критиковались или поддерживались в научном сообществе?

Круг его научных интересов был довольно широк. Возможно, этому способствовала также редакционная деятельность в журнале. Во всяком случае, его живо интересовали все социологические темы чисто теоретического, исторического или прикладного плана, которые в наших беседах и спорах мы затрагивали. Причем Геннадий Семенович

¹ Речь идет о дне смерти Г.С. Батыгина, которая произошла 1 июня 2003 г. на велосипедной прогулке по причине сердечного приступа. — Прим. ред.

всегда высказывался в весьма аргументированной и научно обоснованной форме. При этом его мнение глубоко основывалось на прекрасном знании истории философии и социологии и, как правило, отличалось подробной аргументацией. Он, конечно, обладал большим чувством юмора, но в научных и околонучных наших спорах неизменно сохранял серьезность. Помимо сугубо научных тем, больше всего тогда обсуждали вопросы политической и социальной жизни², сначала в общей советской стране, а затем в наших отдельных независимых республиках. Постоянные сравнения с советским прошлым создавали некоторую атмосферу ностальгии, но, несмотря на это, в воздухе тогда витал дух оптимизма по отношению к грядущему. Железный занавес пал, наглухо закрытые границы наконец распахнулись, и перед советскими гражданами, в особенности учеными, открылись неограниченные возможности для зарубежных научных командировок. После каждой такой поездки мы с интересом обсуждали новые впечатления и наблюдения из малознакомых нарративов западной действительности и жизненных практик. И здесь, конечно, ничто не могло ограничить извилистый полет нашей научно-критической мысли. Кухонные это были разговоры или далеко уже не кухонные, а вполне публичные, но каждый весьма энергично защищал свое видение, свою точку зрения. Больше всего меня изумляла его способность к глубокой самокритике, которая, правда, проявлялась в редкие минуты откровения. С ним было трудно спорить, но легко дружить.

Вы пишете об оптимизме тех лет, несмотря на тяжелую ситуацию в Армении, политическую нестабильность в России. Можно ли на что-то надеяться нам сейчас? Что из наследия Батыгина, на Ваш взгляд, может хоть как-то поддержать в столь трудные времена для всего постсоветского пространства?

Прежде всего, надо признать, что трудные времена сегодня носят глобальный характер. Они касаются не только России и Армении, что вполне понятно в силу военных событий, сколько всего постковидного мира, который в наши дни переживает кризис однополярности. Новый мировой порядок рождается на наших глазах, что называется, в муках

² У Г.С. Батыгина был период — конец 1980-х — начало 1990-х, — когда он включился в анализ острых перестроечных проблем в стране, активно публикуя статьи в массовых журналах и газетах общественно-политической направленности — «Новом времени», «Литературной газете», «Неделе», «Современнике», «Собеседнике» и даже в популярном тогда литературно-художественном сатирическом журнале «Крокодил». К середине 1990-х был разочарован в публицистической деятельности, не получавшей желаемого отклика со стороны общества или власти, и перешел к сугубо академическим проектам в области истории отечественной социологии и методологии социологических исследований, а также по проблематике этоса научной работы. — *Прим. ред.*

и потрясениях. Наш оптимизм тех лет во многом был обусловлен позитивными ожиданиями от наступающего будущего. Распад Советского Союза для многих стал большой трагедией, но одновременно он сулил новый виток развития, свободного от догматических ограничений и девальвированных идеологических штампов. Мы понимали, что оказались на крутом вираже истории и понесли очень большие потери. Но тогда нас не покидало вдохновенное ощущение, свойственное современникам крупных исторических перемен. Мне помнится, что даже в те дни Гена часто повторял слова Маркса о том, что «мертвые хватают за ноги живых». Он не переставал подчеркивать опасный характер накатившей исторической волны и на том фестивале либеральных настроений провидчески предупреждал о просматривающемся сквозь туман эпохи глубоком ущелье разочарований. Следуя интеллектуальному наследию Геннадия Батыгина, очевидно, мы должны постоянно стремиться смотреть на несколько шагов вперед, не плестись в хвосте исторических событий, а пытаться опережать их, насколько это возможно в данных конкретных условиях.

Помнится, на одной из московских конференций я повстречался с моими давними хорошими друзьями, которые, конечно, были близко знакомы и дружили с Геннадием Батыгиным. Мы сфотографировались тогда троим: я, Борис Докторов из Калифорнии и Арвидас Матулионис из Литвы. Спустя много лет, в 2019 году, эта фотография послужила поводом для издания книги «Три судьбы для трех социологов» [4], в которой излагались три наши биографии и пути в социологию. Предисловие к книге написал наш уважаемый друг и старший товарищ Жан Терентьевич Тощенко. Все трое в своих воспоминаниях тепло упоминали Геннадия Батыгина. Он незримо присутствовал в пространстве нашей общей памяти и, конечно, должен был быть четвертым — а точнее, первым — в этой компании. Жестокая фрагментация социального и политического пространства в наши дни отдала людей друг от друга. Но интересно, что именно общие воспоминания о Гене помогают преодолеть темпоральный разрыв, образовавшийся между нами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Погосян Г.А.* Роль интервьюера в прикладном социологическом исследовании: Дисс. канд. филос. наук: 09.00.09. М.: АН СССР, Ин-т социологических исследований, 1983. — 175 с.
2. *Погосян Г.А.* Метод интервью и достоверность социологической информации. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1985. — 142 с.
3. *Погосян Г.А.* Интервьюер как источник экспертной информации // Социологические исследования. 1981. № 4. С. 156–161.
4. Три судьбы для трех социологов / Г.А. Погосян, А. Матулионис, Б.З. Докторов; ред. Г.А. Погосян; авт. предисл. Ж.Т. Тощенко; Национальная академия наук Республики Армения, Институт философии, социологии и права. Ереван: Европринт, 2020. — 295 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Погосян Геворк Арамович — доктор социологических наук, профессор, действительный член Национальной академии наук Республики Армения, научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА. **Телефон:** (+374 10) 530-571. **Электронная почта:** gevorg@sci.am

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; директор, Научно-исследовательский центр полевых исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). **Телефон:** +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** rogozin@ranepa.ru

Дата поступления: 12.05.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 2. P. 101–109. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.5

Research Article

GEVORG A. POGHOSYAN¹, DMITRY M. ROGOZIN^{2,3}

¹ Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia (NAS RA).

24, Marshall Baghramian Ave., 0019, Yerevan, Republic of Armenia.

² Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

³ Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPА).

82, prosp. Vernadskogo, 119571, Moscow, Russian Federation.

“FOR MANY OF US, GENNADY BATYGIN WAS A SORT OF GUIDE TO THE WORLD OF HIGH PROFESSIONAL SOCIOLOGY”

Abstract. This interview is dedicated to Gennady Semyonovich Batygin (1951–2003), a colleague and friend of Gevorg Aramovich Poghosyan. The interview reveals the specifics of his personal communication, the influence that Batygin had on others. The issues of arranging scientific publications, his personal meetings during the 1980’s and 1990’s are also touched upon. The life world is presented of scientific employees who, on the one hand, have achieved significant results in their scientific careers, who by that time had written relevant works on the methodology of social research, received recognition among colleagues, and, on the other hand, those who are easy to communicate with, meet up in their kitchens — not only at the workplace — to discuss things, argue and support each other. The interview reproduces the social environment of the 1990’s, shows how the Merton principle of scientific communism can be realized in practice, according to which knowledge is open and accessible to everyone who is in search of it, and has no status or administrative boundaries.

Keywords: Gennady Semenovich Batygin; biographical interview; professional authority; organization of scientific knowledge; sociology of science.

For citation: Poghosyan, G.A. “For many of us, Gennady Batygin was a Sort of Guide to the World of High Professional Sociology”. Interview prepared by D.M. Rogozin. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 101–109. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.5

REFERENCES

1. Poghosyan G.A. *Rol' interv'yuera v prikladnom sotsiologicheskom issledovanii: Diss. kand. filos. nauk: 09.00.09*. [The role of the interviewer in applied sociological research: Dissertation for Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.09.] Moscow: AN SSSR, In-t Sotsiologicheskikh issledovaniy publ., 1983. 175 p. (In Russ.)
2. Poghosyan G.A. *Metod interv'yu i dostovernost' sotsiologicheskoi informatsii*. [Interview method and reliability of sociological information.] Erevan: Izd-vo AN ArmSSR publ., 1985. 142 p. (In Russ.)
3. Poghosyan G.A. Interviewer as a source of expert information. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1981. No. 4. P. 156–161. (In Russ.)
4. Poghosyan G.A., Matulionis A., Doktorov B.Z. *Tri sud'by dlya trekh sotsiologov*. [Three fates for three sociologists.] Ed. by G.A. Poghosyan; foreword by J.T. Toshchenko; National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Institute of Philosophy, Sociology and Law. Yerevan: Europrint publ., 2020. 295 p. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gevorg A. Poghosyan — Doctor of Sociological Sciences, Professor, full member of the National Academy of Sciences of Armenia (NAS RU), Scientific Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RU.

Phone: (+374 10) 530-571. **Email:** gevorg@sci.am

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Director, Field Research Center, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPА). **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** rogozin@ranepa.ru

Received: 12.05.2023.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.6

EDN: EVOAVQ

Л.Е. ГРИНИН^{1,2}, А.Л. ГРИНИН^{1,3}, А.В. КОРОТАЕВ^{1,2,3}

¹ НИУ «Высшая школа экономики».

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

² Институт востоковедения РАН.

107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

³ МГУ им. М.В. Ломоносова.

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

ГЛОБАЛЬНОЕ СТАРЕНИЕ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО¹

Аннотация. В статье анализируется процесс глобального старения населения, оказывающий существенное влияние на все сферы общественной жизни в XXI в. Влияние этого процесса на различные сферы общественной деятельности будет определяться его масштабами и глубиной, то есть возможной демографической структурой будущего общества. В то же время проблематична способность современного общества справляться с возрастающими рисками, связанными с этим процессом. Среди рисков и проблем можно выделить: замедление экономического роста, пенсионный кризис, проблемы ухода за растущим числом инвалидов и немощных людей, сохранение финансовых сбережений пожилых людей, проблему эйджизма и уязвимости пожилых людей в периоды кризисов и пандемий и, следовательно, сохранение продолжительности жизни, а также стабильной демократии и даже мирового порядка. Эти риски и проблемы вызывают особую озабоченность с учетом того, что к середине XXI в. две трети людей старше 65 лет будут жить в странах со средним и низкими уровнями дохода. Более того, старение затронет даже беднейшие в настоящее время страны Африки к югу от Сахары с молодым населением. В связи с этим проблема социального обеспечения и охраны здоровья пожилых людей становится все более острой и требует принятия упреждающих мер. Проблеме старения населения уделяется недостаточно внимания со стороны таких международных организаций, как ООН и ВОЗ; в целом исследования этого вопроса ограничены как в публичной сфере, так и в научном дискурсе. Однако уже сейчас глобальное старение является чрезвычайно важной проблемой и, полагаем,

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535).

станет самой острой проблемой в будущем. Поэтому недостаточное внимание к ней грозит социальной напряженностью, кризисом и межпоколенческими конфликтами, политической и социальной нестабильностью. В настоящей статье мы рассматриваем этот процесс с точки зрения перехода от восприятия его как проблемы к восприятию его как появления новых возможностей, связанных с наличием житейской мудрости и опыта у более зрелого и старшего поколений. Сегодня необходимо принимать конкретные меры в различных сферах, специальные долгосрочные программы по формированию более высокого качества жизни, связанного со здоровьем старшего поколения, по увеличению ожидаемой продолжительности полноценной жизни, бороться с распространенным стереотипом конца жизни и чувством обреченности. Авторы указывают на важность технологий, развитие которых может быть стимулировано именно процессом глобального старения и необходимостью увеличения продолжительности жизни. На фоне грядущей технологической волны (которую мы обозначаем как кибернетическая революция) глобальное старение может создать острый спрос на трудосберегающие технологии, а также придать мощный импульс развитию медицины. Прогресс в последней будет способствовать продлению трудоспособного возраста и улучшению связанного со здоровьем (биологического) качества жизни.

Ключевые слова: глобальное старение; социально-демографическая структура общества; социальное развитие; биологическое качество жизни; кибернетическая революция; пенсионный кризис; эйджизм; долгосрочное прогнозирование; кибернетическое общество.

Для цитирования: Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Кортаев А.В. Глобальное старение как интегральная проблема будущего // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 110–131. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.6 EDN: EVOAVQ

1. Постановка проблемы

Глобальное старение — исключительно важный процесс, который влияет на многое уже сегодня и очень сильно будет влиять в будущем. Однако о нем, особенно в аспекте его широкого влияния на все сферы общества, говорят непростительно мало, даже в научных журналах и публикациях. А ведь исследование этого процесса очень важно для социологии, так как пожилые составляют особую (и при этом постоянно растущую) группу населения. Игнорирование особенностей этой группы может привести к серьезным межпоколенческим конфликтам.

В настоящей статье мы следуем пониманию старения, содержащемуся в «Декларации по проблемам старения» Генассамблеи ООН 1992 г.² Согласно декларации, старение можно рассматривать не только как демографическое, но и как социальное, экономическое и культурное явление, открывающее широкие перспективы (см. также: [8, с. 432]).

² Декларация по проблемам старения. Принята резолюцией 47/5 Генеральной Ассамблеи от 16 октября 1992 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declold.shtml (дата обращения 30.05.2023).

Данная статья направлена на решение следующей научной проблемы: влияние глобального старения населения на структуру будущего общества. Задача состоит в том, чтобы системно проанализировать связанные с этим процессом вероятные риски и опасности для общества и представить научно обоснованные предложения по минимизации этих рисков. Новизна данной статьи в том, что она вносит теоретический вклад в развитие анализа глобального старения; в частности, развивается идея о необходимости адаптации общества к старению. Авторы подчеркивают, что старение будет важнейшим процессом и фактором XXI в. (и по крайней мере первых десятилетий XXII в.), то есть на ближайшие 100 лет или более.

ООН и связанные с ней организации, особенно ВОЗ, довольно много внимания уделяют процессу глобального старения, который идет с разной скоростью в странах. Эта работа активно ведется с конца 1970-х годов³ (см. также: [8; 33]).

Приняты различные программы, решения, декларации и т. п. В целом определены многие проблемы, поставлены задачи, выработаны установки, которые способствуют более активному и гуманному включению пожилых и старых людей в социальные процессы, помогают тому, чтобы старение воспринималось не только как растущая нагрузка на общество, но и как возможность организовать его развитие в определенном направлении, используя богатство зрелого и пожилого возраста: уникальный опыт и жизненную мудрость. Вырабатываются грамотные правозащитные подходы, включающие недопустимость третирувания пожилых и старых людей, а также оказание помощи многим

³ См. доклады Организации Объединенных Наций, Департамента по экономическим и социальным вопросам, Отдела народонаселения (United Nations (UN), Department of Economics and Social Affairs, Population Division): World Population Aging 2013. — URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WorldPopulationAgeing2013.pdf> (дата обращения 30.05.2023); World Population Aging 2015. — URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WPA2015_Report.pdf (дата обращения 30.05.2023); World Population Aging 2019. — URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WorldPopulationAgeing2019-Report.pdf> (дата обращения 30.05.2023); World Population Aging 2020 Highlights. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Sep/un_pop_2020_pf_ageing_10_key_messages.pdf (дата обращения 30.05.2023). См. также документы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (World Health Organization, WHO): Global strategy and action plan on aging and health. WHO 2017. — URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241513500> (дата обращения 21.12.2022); Aging and health. 2021. — URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/aging-and-health> (дата обращения 30.05.2023); Ageism is a global challenge. 2021. — URL: <https://www.who.int/news/item/18-03-2021-ageism-is-a-global-challenge-un> (дата обращения 30.05.2023).

из них по избавлению от чувства обреченности, ощущения, что они являются обузой для всех⁴ (см. также, например: [28]). Много сделано для организации национальной статистики старения, адаптации принятых международных документов на национальном уровне и т. д. Тем не менее можно согласиться с тем, что основные подходы международных организаций содержат ряд отложенных рисков, связанных с изменением иерархии целей и перенесением акцента на решение все увеличивающегося числа текущих и локальных задач в ущерб стратегическим [8]. Разумеется, международные организации не могут решить все задачи, связанные с глобальным старением, тем более выработать общую стратегию, поскольку они зависят от сложного консенсуса мнений.

Кроме того, даже международные, в том числе европейские, организации едва ли уделяют внимание всем аспектам этой проблемы. Анализ влияния глобальных процессов старения в основном охватывает несколько аспектов: пенсионный, бюджетный, правовой, гендерный и медицинский с точки зрения болезней, связанных со старением. Однако у старения есть много не менее важных аспектов. Иными словами, *объем исследований по проблеме возрастающего влияния старения на все стороны общественной жизни в настоящем и будущем явно непропорционален ее значимости*. И такая ситуация сохраняется уже несколько десятков лет. Так, в 1999 г. Питер Петерсон резонно утверждал, что старение развитого мира изменит наше коллективное будущее больше, чем что-либо другое, и в то же время задавал вопрос, почему так мало говорится о проявлениях глобального процесса старения [35, р. 42]. А за десять лет до него Дитер Бёс и Роберт К. фон Вайцзекер писали об игнорировании проблемы старения [14, р. 345].

В настоящее время развитие технологий определяется продолжающейся кибернетической революцией. Она представляет собой фундаментальный переход от индустриального принципа производства к производству услуг и товаров на базе широкого внедрения самоуправляемых систем, то есть систем, способных не просто функ-

⁴ ВОЗ 2015: Глобальная стратегия и план действий по проблеме старения и здоровья на 2016–2020 гг.: на пути к миру, в котором каждый человек имеет возможность прожить долгую и здоровую жизнь. — URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/253378> (дата обращения 12.12.2022); Ageism is a global challenge. 2021. — URL: <https://www.who.int/news/item/18-03-2021-ageism-is-a-global-challenge-un> (дата обращения 30.05.2023); World Population Aging 2019. — URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WorldPopulationAgeing2019-Report.pdf> (дата обращения 30.05.2023); World Population Aging 2020 Highlights. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Sep/un_pop_2020_pf_ageing_10_key_messages.pdf (дата обращения 30.05.2023); Global strategy and action plan on aging and health. WHO 2017. — URL: <https://www.who.int/publications/item/9789241513500> (дата обращения 21.12.2022).

ционировать в отсутствие (или при минимальном участии) людей, но и самостоятельно принимать сложные решения [2; 3; 21; 22].

На данный момент ключевыми являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и искусственный интеллект (ИИ), роль которых в обществе постепенно возрастает, и они несут как преимущества, так и потенциальные риски. Однако авторы предполагают, что с 2030-х гг. начнется новая — завершающая — фаза кибернетической революции. Ее основные технологические прорывы приведут к формированию и повсеместному внедрению самоуправляемых систем, и на первый план выйдут новые технологии. По прогнозам, это будет совокупность технологических сфер, получившая название МАНБРИК-комплекс/конвергенция. Сейчас этот комплекс в основном сформировался, и на завершающей фазе кибернетической революции (в 2030–2070-х гг.) будет активно развиваться. МАНБРИК — это аббревиатура, образованная от начальных букв семи ведущих областей: медицина, аддитивные, нано-, био-, робото-, инфо-, когнитивные технологии. В настоящее время данные технологические области тесно взаимодействуют и дополняют друг друга, и в будущем этот процесс ускорится. В силу ряда особенностей медицина станет интегральной частью МАНБРИК-комплекса. Этому также будет способствовать усиливающийся процесс старения общества.

Мы считаем, что на завершающей фазе кибернетической революции (см. о ней: [2; 3; 21; 22]) и во многом после нее важнейшей задачей будет адаптация мирового общества к процессу глобального старения. *При этом каждое общество на каждом уровне развития должно активно интегрировать эту проблему в повседневную жизнь, чтобы ускорить процессы адаптации к старению и институционализации изменившихся возрастных пропорций в обществе.*

Итак, старение уже является — и в дальнейшем тем более будет являться — важнейшим процессом и фактором XXI в. (а также по крайней мере первых десятилетий XXII в.), то есть на ближайшие 100 лет или более, если, конечно, по какой-либо причине не произойдет значимого снижения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ).

Как и почему глобальное старение будет влиять практически на все сферы жизни общества в будущем? Важнейшим является то, какова будет доля пожилых и старых людей в демографической структуре общества. Некоторые оценочные прогнозы мы приведем в разделе 2. От того, как будет проходить процесс старения, существенно зависят следующие векторы: а) экономические (наем рабочей силы, потребление и его структура, темпы роста, инвестиции и т. п.); б) политические (будет ли возрастное население ведущим электоральным слоем, например, какая доля бюджетов будет ориентирована на него); в) социальные (насколько социальные программы, профессиональная структура и социальная наука будут ориентированы на возрастное

население); а также г) медицинская система. О пенсионной системе будет сказано в разделе 3; там же — о некоторых сценариях развития (см. также: [7]). В любом случае социальная структура, а с ней и политическая будут иметь усиливающийся возрастной критерий. Влияние старения на демократию мы также рассмотрим в разделе 3. Как было сказано, в развитых обществах старики в плане заботы о них начинают заменять детей⁵. Однако уход за возрастным населением требует от общества больше средств и сил. Доля старых людей, находящихся в государственных домах престарелых, в целом невелика, в настоящее время основные заботы по уходу за немощными людьми ложатся на семью и родственников.

Отдельно следует обратить внимание на такие важнейшие аспекты: 1) сохранение накоплений и собственности возрастных людей; 2) социальные лифты, которым могут мешать эйджистские тенденции в обществе⁶. О консерватизме, как имманентно присущем пожилому обществу, также стоит сказать отдельно, поскольку это качество будет влиять на многое (см., например: [21]). Отметим, кстати, что и медиа и их идеологическая направленность могут существенно измениться.

В настоящее время становится очевидно, что если вектор развития технологически уже вполне обозначался как фактор продления ОПЖ, *то политически, финансово, экономически совсем не ясно, насколько современное общество готово решать проблемы, связанные с ее ростом.* Насколько, например, оно готово сохранить накопления и собственность возрастных людей. В условиях беспрецедентного роста государственного долга и возрастающей опасности системного банковского кризиса окажутся ли они сохраненными? Не сгорят ли они в финансовых кризисах или в новейших (с помощью технологий) манипуляциях и запретах (например, есть попытки запретить наличные деньги); из-за нулевых ставок [1], а также инфляции, в результате которых пенсионные деньги обесцениваются? К сожалению, эта тема не находится в мейнстриме исследований, однако она главная для понимания будущего стареющих поколений.

В условиях угрозы возможных перманентных пандемий, при все большем влиянии медиа и многих других факторов каково будет положение пожилых людей? Обеспечит ли общество реальный рост ОПЖ и повышение биологического качества жизни? Либо мы столкнемся

⁵ При этом, конечно, надо учитывать, что для каждой семьи и в каком-то смысле для общества забота о детях — это инвестиция в будущее, забота же о стариках инвестицией не является. Поэтому забота о старых людях не практиковалась в большинстве традиционных обществ.

⁶ Об эйджизме см., например, документ ВОЗ: Ageism is a global challenge. 2021. — URL: <https://www.who.int/news/item/18-03-2021-ageism-is-a-global-challenge-un> (дата обращения 30.05.2023)

с серьезным социальным кризисом, откатом назад (репетицию которого наблюдали в пандемию, когда пожилые люди оказались самыми ущемленными). При преодолении таких негативных ситуаций процесс роста ОПЖ и повышения биологического качества жизни может продвигаться.

2. Глобальное старение сегодня и в будущем: факты и прогнозы

Уже сегодня доля населения в возрасте 65 лет и старше составляет 20% и более в 22 странах и территориях, в основном в Южной и Восточной Европе, но лидером является Япония — 28,4% (см. рис. 1; см. также: [10; 28; 33]).

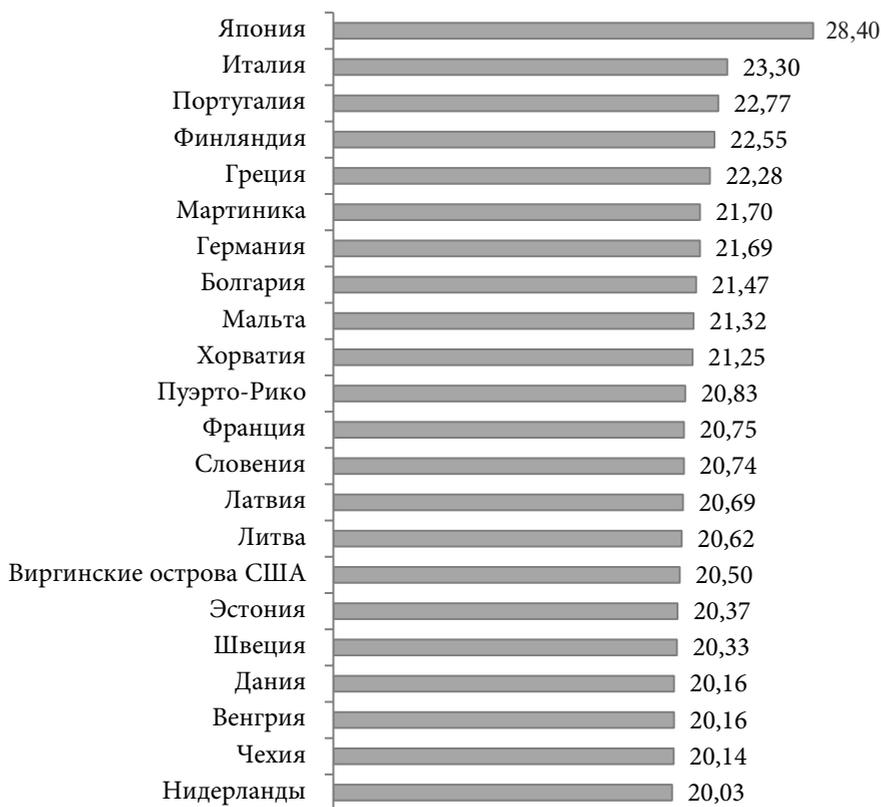

Рис. 1. Страны и территории мира с долей населения в возрасте 65+ более 20% в 2020 г.

Источник: Расчеты авторов на основе данных: United Nations Population Division Database. United Nations, Department of Economics and Social Affairs, Population Division. 2022. (URL: <http://www.un.org/esa/population>)

В ряде стран доля населения в возрасте 80 лет и старше уже превысила 6%, лидером опять же является Япония — 10,2% (рис. 2).

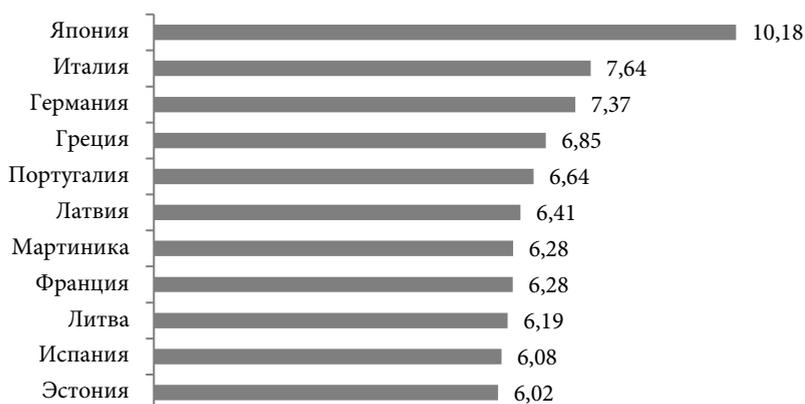

Рис. 2. Страны и территории мира с долей населения в возрасте 80+ более 6% в 2021 г.

Источник: Расчеты авторов на основе данных: United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023).

Численность населения в возрасте 60 лет и старше уже превышает количество детей младше 5 лет⁷. Аспектов, связанных с глобальным старением, много, и их будет еще больше, а проблемы станут острее, по крайней мере в ближайшие 20–30 лет.

Прогнозы по старению, даже инерционные, весьма впечатляющие. Темпы роста доли людей 60 лет и старше в несколько раз превышают общие темпы роста населения Земли⁸. В начале 1980-х гг. в мире еще не было «состарившихся стран», то есть таких стран, где доля людей старшего возраста превышала долю молодежи. В 2010 г. было уже 23 «состарившиеся страны», а к 2040 г. их будет 89⁹. Согласно последнему среднему прогнозу ООН, к 2100 г. 2,47 млрд человек, или более четверти населения мира, будут старше 65 лет, и только 2,3 млрд будут

⁷ ВОЗ: Старение и здоровье. 2022. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 17.01.2023).

⁸ World Population Aging 2013. — URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WorldPopulationAgeing2013.pdf> (дата обращения 30.05.2023); United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023); World population prospects 2022. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения 30.05.2023).

⁹ Доклад о мировых инвестициях, 2012 г. Обзор. К инвестиционной политике нового поколения. Нью-Йорк: Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД, United Nations Conference on Trade and Development). — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2012overview_ru.pdf (дата обращения 30.05.2023).

моложе 20 лет¹⁰. Число тех, кому за 80 лет, вырастет в 6 раз — с примерно 140 млн в 2017 г. до более чем 960 млн к концу XXI в.¹¹ Таким образом, по сравнению с 1950 г. число 80-летних к 2100 г. должно увеличиться почти на два порядка (см. рис. 3).

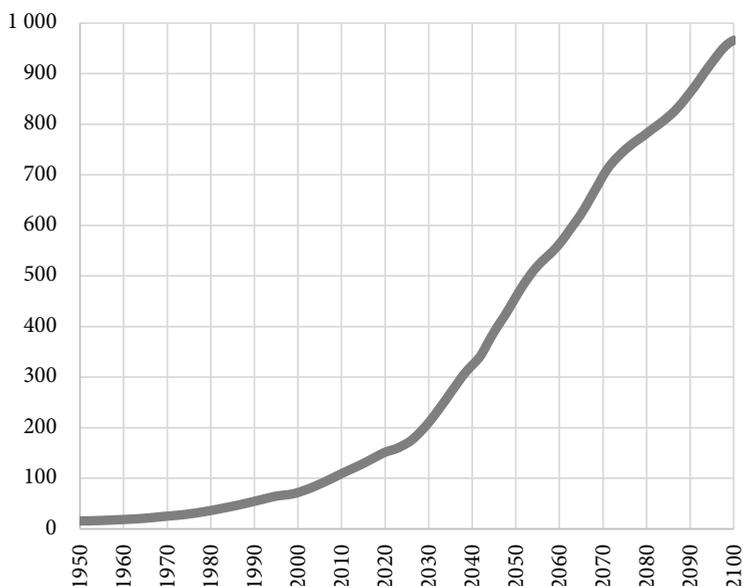

Рис. 3. Мировая численность населения старше 80 лет, млн человек

Источники: Эмпирические оценки Отдела народонаселения ООН на 1950–2021 гг. и средний прогноз Отдела народонаселения ООН на 2022–2100 гг.; расчеты авторов на основе данных: United Nations Population Division Database. 2022. United Nations, Department of Economics and Social Affairs, Population Division. (URL: <http://www.un.org/esa/population>)

Соответственно, глобальное соотношение численности людей старше 80 лет на каждого человека в возрасте 15 лет и младше, по прогнозам, вырастет с 0,16 в 2017 г. до 1,50 в 2100 г. В целом все демографические прогнозы единодушно предсказывают резкое старение населения мира в ближайшие десятилетия¹² [11; 31; 37; 40] (см. рис. 4).

¹⁰ United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023); World population prospects 2022. United Nations, Department of Economics and Social Affairs, Population Division. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения 30.05.2023).

¹¹ Gallagher J. Fertility rate: “Jaw-dropping” global crash in children being born // BBC. 15.07.2020. — URL: <https://www.bbc.com/news/health-53409521> (дата обращения 18.08.22); United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023).

¹² World Population Ageing 2019. — URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WorldPopulationAgeing2019-Report>.

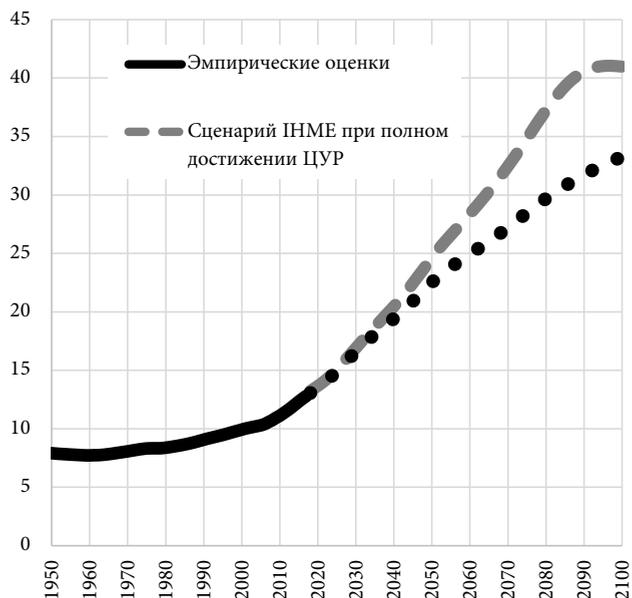

Рис. 4. Доля мирового населения в возрасте 60 лет и старше, %

Источники: Расчеты и оценки Institute for Health Metrics and Evaluation (ИНМЕ); [40, p. 1295].

2100 г. кажется очень далеким, но следует понимать, что скорость роста численности пожилого населения увеличивается с повышением медианного возраста и скорость старения будет возрастать¹³ (см. также: [10; 28; 33; 41]). С 2020 по 2030 г. доля людей 60 лет и старше в структуре мирового населения увеличится на 34%¹⁴. Значительные изменения в глобальном и страновом старении произойдут уже в 2050 г. Так, на-

pdf (дата обращения 30.05.2023); Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer. — URL: <http://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/> (дата обращения 30.05.2023).

¹³ World Population Aging 2020 Highlights. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Sep/un_pop_2020_pf_ageing_10_key_messages.pdf (дата обращения 30.05.2023); United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023); World population prospects 2022. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения 30.05.2023).

¹⁴ ВОЗ: Старение и здоровье. 2022. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 17.01.2023); United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023).

селение 90 лет и старше увеличится к 2050 г. в 3,6 раза — до 82,9 млн против 22,8 млн человек в 2021 г.¹⁵ (ср.: [10]).

В период между 2000 и 2050 гг. доля населения мира в возрасте 60 лет и старше удвоится — с около 9,9 до 22%. В соответствии с прогнозами абсолютная численность лиц в возрасте 60 лет и старше увеличится с 1,1 млрд в 2021 г. до 1,4 млрд к 2030 г. и 2,1 млрд к 2050 г. и может достичь 3,1 млрд в 2100 г.¹⁶ Ожидается, что с 2021 по 2050 г. количество людей в возрасте 80 лет и старше вырастет в 3 раза и достигнет 458 млн человек¹⁷.

К 2050 г. в Европе будет проживать около 34% населения в возрасте 60 лет и старше, в Латинской Америке, в странах Карибского бассейна и в Азии — около 25%. Несмотря на то что в Африке проживает самая большая часть молодого населения из всех крупных регионов мира, здесь также прогнозируется стремительное старение: доля лиц в возрасте 60 лет и старше увеличится с 5% в настоящее время до 9% к 2050 г. Следует иметь в виду, что более пожилые люди будут во все большей степени сосредоточены в менее развитых в экономическом отношении регионах, хотя их *доля* в населении будет для самых развитых стран все-таки выше¹⁸. К 2050 г. в странах с низким и средним уровнями дохода будут проживать две трети мирового населения 60 лет и старше¹⁹.

Соответственно, проблема пенсионного и социального обеспечения престарелых может стать исключительно острой. Как указывалось выше, численность населения в возрасте 60 лет и старше (1109 млн) уже

¹⁵ World population prospects 2022. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения 30.05.2023).

¹⁶ United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023); ср. проект ВОЗ 2015: Глобальная стратегия и план действий по проблеме старения и здоровья на 2016–2020 гг.: на пути к миру, в котором каждый человек имеет возможность прожить долгую и здоровую жизнь — URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/253378> (дата обращения 12.12.2022); Старение и здоровье. 2022. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 17.01.2023).

¹⁷ ВОЗ: Старение и здоровье. 2022. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 17.01.2023).

¹⁸ United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023); World population prospects 2022. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения 30.05.2023); Global strategy and action plan on aging and health. WHO 2017. — URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241513500> (дата обращения 21.12.2022).

¹⁹ ВОЗ: Старение и здоровье. 2022. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 17.01.2023).

почти в 2 раза превышает количество детей младше 5 лет (663 млн)²⁰. Крайне тревожным представляется то обстоятельство, что к 2050 г. людей в возрасте 60 лет и старше (2132 млн) будет почти в 2 раза больше, чем подростков и молодых людей в возрастной группе 15–24 года²¹.

Но даже к 2030 г. могут произойти тектонические сдвиги. В 2030 г. доля населения 65 лет и старше будет составлять 20% и более уже в 59 странах/территориях мира (ср.: [10])²², а в возрасте 60 лет и старше — шестую часть (16,6%) жителей планеты²³.

Такие прогнозы должны бы заставить политиков призадуматься и начать смену курса. Однако многие полагают, что это не так серьезно. Они не понимают необходимости принятия срочных решений и мер, которые могли бы если не переломить, то хотя бы приостановить данную тенденцию²⁴.

²⁰ World population prospects 2022. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения 30.05.2023); ср.: ВОЗ: Старение и здоровье. 2022. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 17.01.2023).

²¹ United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023); ср.: ВОЗ: Старение и здоровье. 2022. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 17.01.2023).

²² Доля населения возрастом 60 лет и старше уже достигла 36% в Японии [United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023)]; World population prospects 2022. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения 30.05.2023). Показательно, что эти прогнозы были сделаны довольно давно, по крайней мере уже в 2008 г. [26], и, вероятно, делались и ранее. Но тренд не изменился, а в основном подтвердил прогнозы. Боимся, что и другой прогноз этих же авторов — что к 2050 г. доля пожилых в японском обществе достигнет 40% — также может сбыться [26]. Собственно говоря, согласно последнему среднему прогнозу ООН, в Японии в 2050 г. эта доля составит 44% — тогда как, согласно самому низкому прогнозу рождаемости, она составит даже 47%. См.: World population prospects 2022. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения 30.05.2023). А по одному из прогнозов ИМЭ (см. выше), эта доля уже к 2090 г. может достичь 40% и на глобальном уровне [40].

²³ United Nations Population Division Database. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 15.01.2023); ср.: ВОЗ: Старение и здоровье. 2022. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 17.01.2023).

²⁴ См. об этом, например: Gallagher J. Fertility rate: “Jaw-dropping” global crash in children being born // BBC. 15.07.2020. — URL: <https://www.bbc.com/news/health-53409521> (дата обращения 18.08.2022).

Мы считаем, что процесс глобального старения и рост продолжительности жизни (если он будет еще наблюдаться) могут повлечь очень серьезные изменения в социально-политической жизни (о некоторых из таких изменений см.: [22]).

Однако *современное общество во многом не готово к таким изменениям и адаптациям, поэтому развитие указанных трендов может вызывать серьезные напряжения и конфликты.*

Следовательно, такое развитие в обществе неизбежно потребует очень заметных изменений и в итоге их институционализации (об этом подробнее см.: [21]).

3. Влияние глобального старения на социально-экономическое развитие: вызовы и возможные ответы

Влияние глобального старения на социально-экономическое развитие является многоаспектным, поскольку оно имеет значительные макроэкономические последствия²⁵ (см., например: [26; 27; 30; 8; 34; 13; 32; 41; 15; 12; 24; 25; 4; 5; 18]).

Несмотря на то что влияние старения рабочей силы может быть и положительным в определенном смысле (большой опыт и притирка к рабочим местам (мэтчинг) [5, с. 23] и т. п.), в целом оно замедляет как процесс внедрения инноваций и переподготовки пожилых работников, так и возможность повышения производительности труда²⁶, а также снижает мобильность рабочей силы [5, с. 23]. Негативное влияние старения сказывается и на темпах экономического роста, что оказывает различное воздействие на общество (в частности, из-за существенного сокращения количества отработанных часов) [18; 13; 5, с. 42]. Наиболее же значимое влияние, безусловно, связано с резким сокращением предложения труда. Можно согласиться с тем, что в настоящее время и в обозримом будущем это главный вызов, с которым столкнутся экономики в связи со старением населения [4; 5].

Отметим, что тема *грядущего пенсионного кризиса* как главного вызова для социального государства обсуждается недостаточно активно.

²⁵ Доклад о мировых инвестициях, 2012 г. Нью-Йорк: Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД). — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2012overview_ru.pdf (дата обращения 02.06.2023); ВОЗ: Старение и здоровье. 2022. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 17.01.2023).

²⁶ По некоторым данным, производительность труда в экономике снижается в связи со старением населения. Так, Н. Маэстас с соавторами [32] установили, что при увеличении доли пожилых работников в численности занятых на 10 п.п. производительность труда снижается, однако, во всех возрастных группах — в среднем на 3–5%. Причины этого до конца не ясны. Указанные авторы считают, что это может быть связано с более ранним уходом с рынка труда наиболее производительных работников (см. также: [5, с. 29]). Возможно, повышение консерватизма в целом влияет и на более молодые группы.

Однако кризис неизбежно надвигается, а в ряде стран он уже реален. Пенсионный кризис проявится особенно сильно в случае крупных обвалов рынков ценных бумаг, куда вкладываются пенсионные фонды, а также возможного дефолта государства. Средства, которые вложены в государственные долги развитых стран, — по сути, уже истраченные («проеденные») средства. Поскольку рост экономики слабый, а надвигающийся долговой кризис может быть весьма острым, пенсионная система становится заложницей общей экономической ситуации.

Серьезной проблемой является уход за *неможными в семьях* и его экономическая составляющая²⁷ (см., например: [28]). Большинство людей, за которыми осуществляется уход, проживают в семьях. Это касается всех стран, в том числе развитых. Так, в странах ОЭСР около 10% взрослых занимаются обеспечением помощи пожилым в домашних условиях [38]. Это очень большой показатель! В частности, в США (данные 2009 г.) по меньшей мере 43,5 млн человек в возрасте 18 лет и старше (19% взрослых) обеспечивали неоплачиваемый уход за пожилым человеком, являющимся членом семьи или другом. Большинство людей, осуществляющих уход, составляют женщины (67%), средний возраст которых 50 лет, они затрачивают на это почти 20 часов в неделю²⁸. В Японии в 2012 г. женщины в возрасте от 50 до 65 лет представляли собой наиболее многочисленную группу людей, которые оставляют или меняют работу ради ухода за родителями²⁹.

Таким образом, бремя заботы о детях, ранее лежавшее на женщинах, теперь частично заменилось бременем ухода за старыми и немощными. Правда, уход за детьми осуществляли прежде всего женщины молодого и относительно молодого возраста, а уход за больными — зрелого и пожилого возраста. Можно согласиться со Всемирной организацией здравоохранения, что, помимо общих потерь, связанных с неучастием огромного числа женщин в трудовой деятельности, имеют место также значительные социальные, политические, экологические и экономические неравенства, которые испытывают женщины в этих странах и о которых необходимо помнить.

Есть также ряд других проблем — в частности, проблема *эйджизма*, то есть дискриминации по признаку возраста в разных аспектах.

²⁷ World Population Aging 2020 Highlights. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Sep/un_pop_2020_pf_ageing_10_key_messages.pdf (дата обращения 30.05.2023).

²⁸ Caregiving in the U.S. 2020: A Focused Look at Family Caregivers of Adults Age 50+. — URL: https://www.caregiving.org/wp-content/uploads/2021/05/AARP1340_RR_Caregiving50Plus_508.pdf (дата обращения 30.05.2023).

²⁹ ВОЗ 2015: Глобальная стратегия и план действий по проблеме старения и здоровья на 2016–2020 гг.: на пути к миру, в котором каждый человек имеет возможность прожить долгую и здоровую жизнь. — URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/253378> (дата обращения 12.12.2022).

Не так давно обозначилась проблема опасности скопления стариков в домах престарелых, поскольку пандемии (как показал COVID-19) особенно смертоносны именно там³⁰. Существует угроза противостояния «молодых» и «старых» государств в будущем, что может взорвать мир-системный порядок. В связи со старением есть опасность для демократии, а также для уклона общества в геронтократию. Особенно это опасно, если геронтократия охватывает политические и иные элиты, что наблюдалось в позднем СССР, а в настоящее время — например, в США и намечается в КНР или России. Есть ряд важных социальных аспектов, связанных со старением, которые могут оказать существенное влияние на будущие социальные отношения в обществе.

В целом *проблема старения требует специального исследования*. Основные предпосылки нашего дальнейшего прогноза о влиянии старения на современное и будущее общество можно изложить в двух тезисах.

1. Чем глубже заходит процесс глобального старения общества на основе увеличения продолжительности жизни, тем сильнее этот процесс зависит от развития медицинских, биотехнологических и иных технологических трендов — в целом от развития технологий.

2. Однако процесс глобального старения в дальнейшем не сможет обойтись не только без развития самоуправляемых систем и других инновационных технологий, но и без глубоких изменений в обществе, в том числе без социальных инноваций, глубоко интегрированных в жизнь социума³¹. Какое-то время этот процесс может идти в развивающихся странах за счет диффузии существующих технологий в развитых странах, однако относительно скоро он начнет замедляться без новых прорывных инноваций.

Подробнее о том, какие сценарии могут быть связаны с реализацией этих предпосылок, см.: [7].

³⁰ World Population Aging 2020 Highlights. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Sep/un_pop_2020_pf_ageing_10_key_messages.pdf (дата обращения 30.05.2023).

³¹ Глобальное старение связано с увеличением продолжительности жизни. А для продления жизни необходимо развитие медицинских и других технологий: чем лучше развита медицина (то есть технологии), тем дольше живут люди. Если прогресс в этой области остановится, то ожидаемая продолжительность жизни тоже перестанет расти или даже уменьшится, так что глобальное старение может замедлиться, а в более «старых» обществах — повернуть вспять, как это было в России в 1990-е гг., когда продолжительность жизни значительно сократилась (см., например: [9; 29]). Впрочем, одновременно радикально уменьшилась и рождаемость, так что медианный возраст жителей России в 1990-е гг. даже вырос.

4. Возможно ли использовать процесс глобального старения как драйвер развития?

Мы считаем, что это возможно. Например, согласно официальным документам ВОЗ и некоторым другим, старение может иметь и положительные аспекты. Во-первых, это возможность использовать уникальный жизненный, профессиональный и иной опыт пожилых людей, которые теперь живут намного дольше, чем раньше. Во-вторых, в области ценностных ориентаций глобальное старение может иметь некоторые положительные эффекты за счет усиления поддержки просоциальных ценностей на глобальном уровне [6]. В-третьих, следует ожидать самоорганизации этих людей, когда более здоровые и энергичные из них в своих сообществах оказывают помощь другим. В-четвертых, при развитии медицины пожилые люди могут долго трудиться, тем самым принося экономическую выгоду обществу, не являясь для него обузой. В-пятых, пожилые люди могут играть важную роль в социальной жизни. Однако пока недостаточно оценивается роль процесса глобального старения как двигателя развития технологий. Мы хотели бы обратить на это особое внимание.

Мы считаем, что глобальное старение может стать драйвером технологического развития. Стоит отметить, что влияние глобального старения на скорость и направление научно-технического прогресса изучено недостаточно [17; 20; 39], а на технологическую, экономическую, политическую, социальную и другие сферы оно воздействует по-разному [16; 19; 23; 36; 18; 41]. Наше исследование показывает, что в процессе кибернетической революции (в 2030-е — 2060-е гг.) старение будет стимулировать технологический прогресс [21; 22], так как потребуются трудосберегающие технологии в связи с нехваткой трудовых ресурсов и прорывное технологическое развитие в медицине для повышения трудоспособного возраста и качества биологической жизни пожилых. Адаптация к старению невозможна без мощного развития технологий, которые, помимо борьбы с наиболее опасными болезнями (онкология, деменция и т. п.): а) облегчают жизнь престарелых людей и инвалидов (здесь важны достижения в самых разных направлениях, включая медицину, биотехнологии и фармацевтику, искусственный интеллект, когнитивные технологии и т. д.); б) удешевляют уход за больными и престарелыми с помощью роботов, искусственного интеллекта и в целом особой техно-биологической среды наблюдения; в) облегчают участие в трудовом процессе для престарелых с помощью новейших технологий. Все это приведет к колоссальному прорыву, новой технологической волне, одним из важнейших драйверов которой станет глобальное старение. Оно, в свою очередь, поставит (и уже ставит) перед обществом очень серьезные и принципиально новые проблемы.

Важно отметить, что для технологического рывка накопятся и значительные финансовые средства, а именно: пенсионные деньги, объем которых будет возрастать быстрыми темпами; отчисления правительства на медицинские и социальные нужды; возрастающие траты стареющего населения на поддержку здоровья. Все это может обеспечить первона-

чальные крупные расходы на инвестиции, высокую инвестиционную привлекательность соответствующих венчурных проектов и долговременный весьма широкий спрос на инновационные продукты, то есть полный набор благоприятных условий для мощного технологического прорыва.

Сегодня необходимо принимать конкретные меры в различных сферах, специальные долгосрочные программы по формированию более высокого качества жизни, связанного со здоровьем (Health Related Quality of Life) старшего поколения, по увеличению ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ), а также бороться с распространенным стереотипом, что старость — это возраст дожития.

В результате в значительной мере симбиотического развития, с одной стороны, процесса глобального старения и адаптации общества к нему, а с другой — прорывного развития самоуправляемых технологических систем возникнет общество нового типа — кибернетическое. *Кибернетическим* называется общество, которое образуется в результате завершения кибернетической революции. Оно будет: а) свертехнологизированным; б) регулируемым социально-технологически на всех уровнях; в) а также обществом, где в результате процесса старения деление по возрастным категориям станет более социально значимым, чем в настоящее время (то есть возраст станет более важным социальным маркером). Основные черты такого общества разрабатываются авторами (см., например: [7]). Мы не хотели бы, чтобы наш подход выглядел чрезмерно оптимистичным, поскольку возникают вопросы о том, за счет каких ресурсов может быть обеспечено здоровое старение в развивающихся странах. Однако необходимо иметь в виду, что к концу XXI в. уровни ныне развитых и развивающихся стран существенно сблизятся, а также то, что за счет удаленной работы значительная часть населения Африки и других континентов будет включена в трудовую деятельность в экономиках развитых стран (см.: [7]). В целом в результате кибернетической революции производительность труда должна существенно повыситься.

Однако технологическое развитие не только облегчает жизнь в ряде аспектов, но и создает угрозы для свободы, достоинства и приватности личности, ее комфорта [3; 22]. Тем более это касается пожилых людей, как особо психологически ранимых. Таким образом, *адаптация к старению требует и адаптации технологических инноваций к принципам свободного общества. А это представляет собой серьезную проблему, которая уже сегодня ощущается очень остро, вызывая социальные протесты.*

Разумеется, технологический прогресс не может все время идти с ускорением, тем более если население Земли будет стремиться к стабилизации. Успешная адаптация к старению приведет к определенной стабилизации, что можно будет считать устойчивым развитием. Дело в том, что в связи с ростом доли пожилого населения и общего консерватизма в обществе ускорение технологического прогресса будет замедляться, пока его скорость значительно не снизится к концу XXI в. — началу XXII в. При этом в зависимости от сценария роста

населения в XXI в. начало замедления скорости технологического прогресса и его темпы будут несколько меняться.

Таким образом, процесс глобального старения оказывается поистине интегральным и на него необходимо обратить пристальное внимание в самое ближайшее время.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ³²

1. *Гринин Л.* Отрицательные ставки и другие новейшие финансовые технологии // Общество и экономика. 2021. № 2. С. 18–30. DOI: 10.31857/S020736760013634-6 EDN: IOQQNN
2. *Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Историческая психология и социология истории. 2015. № 8 (1). С. 172–197. EDN: UKSTJX
3. *Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М.: Учитель, 2015. — 424 с.
4. *Капелюшников Р.И.* Феномен старения населения: экономические эффекты. М.: Институт экономики РАН, 2019. — 50 с.
5. *Капелюшников Р.И.* Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. 2019. № 14 (2). С. 8–63. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63 EDN: MIIXFN
6. *Коротаев А.В., Бутовская М.Л., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В.* Влияние глобального старения на глобальную систему ценностей // Век глобализации. 2021. № 4. С. 69–80. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.05 EDN: YPLQNR
7. *Малков С.Ю., Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* Сложный путь к кибернетическому обществу: социально-политические трансформации // Информационные войны. 2022. № 3 (63). С. 50–58. EDN: TBENGI
8. *Попова С.М., Яник А.А.* Проблемы глобального старения населения: анализ документов и стратегии ООН // Международное право и международные организации. 2014. № 3. С. 429–443. EDN: SOBKDX
9. *Халтурина Д.А., Коротаев А.В.* Алкоголь и наркотики как фактор демографического кризиса // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 104–112. EDN: OPCITB
10. *Щербакова Е.М.* Старение населения мира по оценкам ООН 2019 года // Демоскоп Weekly. 2019. № 837–838 [электронный ресурс]. Дата обращения 03.06.2023. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0837/barometer837.pdf>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гринин Леонид Ефимович — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Евроазиатский центр мегаистории и системного прогнозирования, Институт востоковедения РАН.
Телефон: +7 (902) 387-11-71. **Электронная почта:** leonid.grinin@gmail.com

³² Полный список литературы см. в References.

Гринин Антон Леонидович — кандидат биологических наук, научный сотрудник, факультет глобальных процессов, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. **Телефон:** +7 (906) 093-90-36. **Электронная почта:** s@malkov.org

Коротаев Андрей Витальевич — доктор исторических наук, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт Африки РАН. **Телефон:** +7 (917) 517-80-34. **Электронная почта:** akorotayev@gmail.com

Дата поступления: 05.01.2023.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 2. P. 110–131. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.6

Research Article

LEONID E. GRININ^{1,2}, ANTON L. GRININ³, ANDREY V. KOROTAYEV^{1,4}

¹HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

²Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

12, Rozhdestvenka str., 107031, Moscow, Russian Federation.

³Lomonosov Moscow State University.

1, Leninskiye Gory, 119991, Moscow, Russian Federation.

⁴Institute for African Studies RAS.

30/1, Spiridonovka str., 123001, Moscow, Russian Federation.

AGING OF THE GLOBAL POPULATION AS AN INTEGRAL PROBLEM OF THE FUTURE

Abstract. This article analyzes the process of global population aging, which has a significant impact on all areas of public life in the 21st century. The influence of the population aging process on various areas of social activity will be determined by its scale and depth, i.e. by the potential demographic structure of the future society. At the same time, the ability of modern society to cope with elevated risks associated with this process is a problematic matter. The risks and problems associated with population aging include economic recessions, pension crises, the issue of caring for the increasingly more numerous disabled and frail people, maintaining the financial savings of the elderly, the issue of ageism, and the vulnerability of the elderly during periods of crisis and pandemics, and consequently maintaining life expectancy as well as stable democracy and even world order. These risks and problems are of particular concern given that by the mid-21st century two thirds of people over the age of 65 will be living in medium and low income countries. Moreover, aging will affect even today's poorest countries that are located in Sub-Saharan Africa with their populations that are still young as of today. In view of this, the problem of social security and healthcare for the elderly is becoming increasingly acute and requires implementing proactive measures. The problem of population aging does not get enough attention from such international organizations as the UN and WHO; in general, studies on this issue both in the public realm and in scientific discourse are limited. However, even now global aging is an extremely important problem, and we assume that it will become the most crucial problem in the future. Thus, not paying sufficient attention to it might lead to negative consequences such as societal tensions, crises and intergenerational conflicts, as well as

political and social instability. In this article we approach the process from the perspective of transitioning from perceiving it as a problem to considering it as something that provides new opportunities associated with the more mature and older generation possessing worldly wisdom and experience. Today specific measures must be taken in different areas, and special long-term programs must be adopted to promote a higher health-related quality of life (HRQoL) for the older generation, as well as to combat the widespread stereotype of feeling doomed at an old age, the idea being that your life is over. Grinin et al. point out the importance of technologies, the development of which can be stimulated specifically by the process of global aging and the need to increase life expectancy. As a background for the forthcoming technological wave (which we refer to as the Cybernetic Revolution), global aging may create an acute demand for labor-conservation technologies, as well as provide a powerful stimulus for the field of medicine. Progress in the latter realm would help prolong working age and improve health-related (biological) quality of life.

Keywords: global aging; socio-demographic structure of society; social development; biological quality of life; cybernetic revolution; pension crisis; ageism; long-term forecasting; cybernetic society.

For citation: Grinin, L.E., Grinin, A.L., Korotayev, A.V. Aging of the Global population as an Integral Problem of the Future. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 110–131. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.6

REFERENCES

1. Grinin L. Negative rates and other latest financial technologies. *Obshchestvo i ekonomika*. 2021. No. 2. P. 18–30. DOI: 10.31857/S020736760013634-6 (In Russ.)
2. Grinin L.E., Grinin A.L. Cybernetic revolution and the sixth technological order. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2015. No. 8 (1). P. 172–197. (In Russ.)
3. Grinin L.E., Grinin A.L. *Ot rubil do nanorobotov. Mir na puti k epokhe samoupravlyаемых систем (istoriya tekhnologii i opisaniye ikh budushchego)*. [From hacks to nanorobots. The world is on the way to the era of self-governing systems (history of technology and description of their future).] Moscow: Uchitel' publ., 2015. 424 p. (In Russ.)
4. Kapelyushnikov R.I. *Phenomenon stareniya naseleniya: economic effect*. [Population aging phenomenon: economic effects.] Moscow: Institut ekonomiki RAN publ., 2019. 50 p. (In Russ.)
5. Kapelyushnikov R.I. The phenomenon of population aging: economic effects. *Ekonomicheskaya politika*. 2019. No. 14 (2). P. 8–63. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63 (In Russ.)
6. Korotayev A.V., Butovskaya M.L., Shul'gin S.G., Zin'kina Yu.V. Influence of global aging on the global system of values. *Vek globalizatsii*. 2021. No. 4. P. 69–80. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.05 (In Russ.)
7. Malkov S.Yu., Grinin L.E., Grinin A.L. A difficult path to a cybernetic society: socio-political transformations. *Informatsionnye voyny*. 2022. No. 3 (63). P. 50–58. (In Russ.)
8. Popova S.M., Yanik A.A. Problems of Global Population Aging: Analysis of UN Documents and Strategy. *Mezhdunarodnoye pravo i mezhdunarodnye organizatsii*. 2014. No. 3. P. 429–443. (In Russ.)
9. Khalturina D.A., Korotayev A.V. Alcohol and drugs as a factor in the demographic crisis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2006. No. 7. P. 104–112. (In Russ.)
10. Shcherbakova E.M. The aging of the world population according to UN estimates 2019. *Demoskop Weekly*. 2019. No. 837–838. Accessed 03.06.2023. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0837/barometer837.pdf> (In Russ.)
11. Alkema L., Raftery A.E., Gerland P., Clark S.J., Pelletier F., Buettner T., Heilig G.K. Probabilistic Projections of the Total Fertility Rate for All Countries. *Demography*. 2011. No. 48 (3). P. 815–839. DOI: 10.1007/s13524-011-0040-5

12. Barsukov V.N. From the Demographic Dividend to Population Aging: World Trends in the System-Wide Transition. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019. No. 12 (4). P. 167–182. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.11>
13. Bloom D.E., Luca D.L. *The Global Demography of Aging: Facts, Explanation, Future. Discussion Paper No. 10163*. Bonn: Institute for the Study of Labor, 2016. 66 p. Accessed 02.06.2023. URL: <https://docs.iza.org/dp10163.pdf>
14. Bös D., Von Weizsäcker R.K. Economic Consequences of an Aging Population. *European Economic Review*. 1989. No. 33 (2–3). P. 345–354. DOI: 10.1016/0014-2921(89)90112-8
15. Fichtner J.J. Global aging and public finance. *Business Economics*. 2018. No. 53 (2). P. 72–78. DOI: 10.1057/s11369-018-0066-4
16. Fukuyama F. *Our Post-Human Future: Consequences of the Bio-Technology Revolution*. N. Y.: Farrar, Straus, and Giroux, 2002. 356 p.
17. Galor O., Weil D.N. Population, Technology, and Growth: From Malthusian Stagnation to the Demographic Transition and Beyond. *American Economic Review*. 2000. No. 90 (4). P. 806–828. DOI: 10.1257/aer.90.4.806
18. Goldstone J.A. Population Aging and Global Economic Growth // *History & Mathematics: Demography & Aging* / Ed. by J.A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Volgograd: Uchitel, 2015. P. 147–155.
19. Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. Research into Global Aging and Its Consequences. *History & Mathematics: Demography & Aging*. Ed. by J.A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Volgograd: Uchitel, 2015. P. 5–9.
20. Grey A.B. de, Rae M. *Ending Aging: The Rejuvenation Breakthroughs that Could Reverse Human Aging in Our Lifetime*. N. Y.: St. Martin's Press, 2008. 389 p.
21. Grinin L., Grinin A., Korotayev A. A Quantitative Analysis of Worldwide Long-Term Technology Growth: From 40,000 BCE to the Early 22nd Century. *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol. 155. Article 119955. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.119955
22. Grinin L., Grinin A., Korotayev A. COVID-19 Pandemic as a Trigger for the Acceleration of the Cybernetic Revolution, Transition from E-Government to E-State, and Change in Social Relations. *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. Vol. 175. P. 1–17. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121348
23. Harper S. Addressing the Implications of Global Aging. *Journal of Population Research*. 2006. No. 23 (2). P. 205–223. DOI: 10.1007/BF03031816
24. Hsu Y.H., Lo H.C. The Impacts of Population Aging on Saving, Capital Formation, and Economic Growth. *American Journal of Industrial and Business Management*. 2019. No. 9 (12). P. 2231–2246. DOI: 10.4236/ajibm.2019.912148
25. Jackson R. *The Shape of Things to Come. The Macro Challenges of Population Aging*. Concord Coalition & the Global Aging Institute. 2021. 14 p. [online]. Accessed 02.06.2023. URL: <https://www.globalaginginstitute.org/assets/client-assets/common/downloads/publications/2021-The-Macro-Challenges-of-Population-Aging.pdf>
26. Jackson R., Howe N., Strauss R., Nakashima K. *The Greying of the Great Powers. Demography and Geopolitics in the 21st Century*. Washington: Center for Strategic & International Studies, 2008. Accessed 02.06.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/graying-great-powers>
27. Jackson R., Macaranas R., Peter T. U.S. *Development Policy in an Aging World. New Challenges and New Priorities for a New Demographic Era. A Research Report from Project on U.S. Leadership*. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2013. Accessed 02.06.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-development-policy-aging-world>
28. Kamiya Y., Hertog S. Measuring household and living arrangements of older persons around the world. The United Nations Database on the Households and Living Arrangements of Older Persons 2019. *United Nations, Department of Economics and Social Affairs, Population Division*. 2020. Accessed 02.06.2023. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/desa-pd-technicalpaper-living_arrangements_of_older_persons_2019.pdf

29. Khaltourina D., Korotayev A. Effects of Specific Alcohol Control Policy Measures on Alcohol-Related Mortality in Russia from 1998 to 2013. *Alcohol and Alcoholism*. 2015. No. 50 (5). P. 588–601. DOI: 10.1093/alcalc/agnv042
30. Lee R., Mason A. *Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective*. Northampton MA: Edward Elgar, 2011. 616 p. DOI: 10.4337/9780857930583
31. Lutz W., Goujon A., Kc S., Stonawski M., Stilianakis N. *Demographic and human capital scenarios for the 21st century: 2018 assessment for 201 countries*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 598 p. DOI: 10.2760/41776
32. Maestas N., Mullen K.J., Powell D. *The Effect of Population Aging on Economic Growth, the Labor Force and Productivity*. NBER Working Paper No. 22452. Cambridge: NBER, 2016. 54 p. DOI: 10.7249/WR1063-1
33. Medici A.C. Health sector challenges and policies in the context of aging populations. *United Nations, Department of Economics and Social Affairs, Population Division*. 2021. Accessed 02.06.2023. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org/development/desa/pd/files/files/documents/2021/Nov/technical_paper_healthy_life_expectancy_29nov.2021_0.pdf
34. Orlická E. Impact of population aging and elderly poverty on macroeconomic aggregates. *Procedia Economics and Finance*. 2015. No. 30. P. 598–605. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)01272-1
35. Peterson P.G. Gray Down: The Global Aging Crisis. *Foreign Affairs*. 1999. No. 78 (1). P. 42–55. DOI: 10.2307/20020238
36. Powell J.L., Khan H.T. Aging and Globalization: A Global Analysis. *Journal of Globalization Studies*. 2013. No. 4 (1). P. 137–146.
37. Raftery A.E., Li N., Ševčíková H., Gerland P., Heilig G.K. Bayesian probabilistic population projections for all countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2012. No. 109 (35). P. 13915–13921. DOI: 10.1073/pnas.1211452109
38. Help Wanted? Providing and Paying for Long-Term Care. Paris. 2011. *OECD Health Policy Studies*. Accessed: 20.05.2023. URL: <https://www.oecd.org/els/health-systems/help-wanted-9789264097759-en.htm>
39. Prettner K. Population aging and endogenous economic growth. *Journal of Population Economics*. 2013. No. 26 (2) P. 811–834. DOI: 10.1007/s00148-012-0441-9
40. Vollset S.E., Goren E., Yuan C.-W., Cao J., Smith A.E., Hsiao T., et al. Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study. *The Lancet*. July 14, 2020. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30677-2
41. Zimmer Z., McDaniel S.A. (eds). *Global Aging in the Twenty-First Century: Challenges, Opportunities and Implications*. L.; N. Y.: Routledge, 2013. 344 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonid E. Grinin — Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, HSE University; Leading Researcher, Eurasian Center for Megahistory and System Forecasting, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (902) 387-11-71. **Email:** leonid.grinin@gmail.com

Anton L. Grinin — Candidate of Biological Sciences, Researcher, Department of Global Processes, Lomonosov Moscow State University.

Phone: +7 (906) 093-90-36. **Email:** s@malkov.org

Andrey V. Korotayev — Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, HSE University; Institute for African Studies RAS. **Phone:** +7 (917) 517-80-34. **Email:** akorotayev@gmail.com

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.10

EDN: FDBFDA

*И. Г. ДЕЖИНА*¹

¹ Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара.
125993, Россия, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1.

НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ В 2018–2022 гг.: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ СИГНАЛЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу российской научной политики, проводившейся с 2018 г., когда были утверждены новые цели развития науки, транслированные в бюджетный процесс и национальные проекты. Меры научной политики рассматриваются в проекции трех акторов. Первый — это государство, устанавливающее цели развития, формирующее систему управления и координации и выделяющее основные средства на науку. Второй актор — это Российская академия наук, выполняющая экспертную функцию. В качестве третьего актора выделена вузовская наука, ставшая в последние годы главным бенефициаром мер государственной поддержки. Цель статьи состоит в выявлении ключевых направлений научной политики страны с точки зрения степени готовности сферы науки к радикально изменившимся геополитическим условиям, которые сложились в 2022 г. Показано, что система управления наукой эволюционировала в сторону роста централизации и усиления вертикали власти, включая принципы распределения финансирования. Это дает возможность концентрировать ресурсы на решении ключевых задач. Вместе с тем задач, которые бы требовали такой централизации, поставлено не было. Основные цели научной политики ориентировали на диверсификацию и встраивание российской науки в международную (через улучшение позиций в международных рейтингах, наращивание публикаций в изданиях, индексируемых в зарубежных базах данных, поощрение циркуляции кадров). Результатом разнонаправленности политики стало то, что сфера науки оказалась не подготовленной к условиям жестких санкций. Удалось принять только меры немедленного реагирования и с существенным опозданием начать формирование повестки, нацеленной на создание условий для развития, изолированного от ведущих научных держав.

Ключевые слова: научная политика; государственное регулирование; наука в вузах; Российская академия наук; санкции; международная кооперация; Россия.

Для цитирования: Дежина И.Г. Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 132–149. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.10 EDN: FDBFDA

Введение

Изучению российской научной политики последнего пятилетия были посвящены ряд системных работ, концентрировавшихся на основных проблемных областях и причинах их возникновения. Были

идентифицированы основные институциональные ловушки сферы науки [5], среди которых стоит выделить ловушку метрик (возникшую вследствие чрезмерной опоры на количественные, в том числе библиометрические, показатели), ловушку возрастающей бюрократии и ловушку дефицита финансирования. Ловушки бюрократии и метрик связаны между собой, поскольку погоня за метриками ведет к росту бюрократии, а бюрократия предпочитает опираться на ясные количественные индикаторы. Проблема бюрократии была выделена в ряде работ [9; 12; 14], где показано, что это приводит к невыполнимости поставленных целей, отсутствию за это наказания и механизмов общественного контроля за принятыми решениями.

С точки зрения теоретических подходов к анализу научной политики примечательна работа В.Л. Тамбовцева [15], в которой предложены три критерия научной обоснованности политики, применимые и к политике в области науки. На основе преимущественно инструментов поддержки науки в университетах автор показывает, что российская научная политика не является научно обоснованной. Есть также попытка на основе анкетного опроса ученых и преподавателей проанализировать инструменты, введенные с 2017 г., после принятия «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Данный опрос показал в целом «неоднозначное» отношение к принятым инструментам и механизмам [3], а также выявил расхождение между мерами, которые реализует государство, и тем, что считает важным делать научное сообщество.

Однако основной пласт работ касается отдельных мер научной политики либо анализа функционирования избранных институтов сферы науки. Ввиду того что наибольшее внимание в последние годы уделялось программам развития вузов и усилению нового менеджериализма, большое число исследований касается вузовской науки, состояние которой чаще всего изучается на основе библиометрических показателей или через призму влияния библиометрии [16; 17; 20; 24; 26].

Оценка институтов в сфере науки в основном касалась деятельности государственных научных фондов. В частности, проводились опросы с целью выявления эффектов реорганизации научных фондов [6; 19]. Так, в 2021 г. массовое анкетирование ученых (7230 человек) показало, что только 3% из них положительно относились к изменениям в системе научных фондов, а более половины — отрицательно. При этом респонденты отметили снижение качества экспертизы проектов и объективности принятия решений о финансировании [6]. Годом позже анкетный опрос 1700 респондентов, работающих в научных организациях и университетах, подведомственных Минобрнауки России, подтвердил, что реорганизация научных фондов привела к снижению доступности грантов, к росту конкуренции, неравенству и даже к коррупционным проявлениям [19].

Совсем немногочисленны работы, исследующие текущее положение и статус Российской академии наук, которая является важным

актором российской научной политики. Более того, сама деятельность РАН практически не рассматривается, исследования в основном концентрируются на последствиях реформы 2013 г., когда от РАН были отделены научные институты [1; 10]. То, чем теперь занимается РАН и насколько такая деятельность нужна, полезна и эффективна, пока находится за пределами исследовательского поля.

Цель данной статьи — определить вектор главных изменений в научной политике страны последнего пятилетия и оценить, насколько принимавшиеся решения подготовили сферу науки к радикально изменившимся геополитическим условиям, появившимся в 2022 г. Последнее пятилетие выделено неслучайно. Оно начинается в 2018 г., когда в научной политике появилась новая повестка, утвержденная после выборов Президента страны. Чтобы сузить многообразие направлений научной политики, мы концентрируемся на основных акторах сферы науки. Это в первую очередь государство, устанавливающее цели верхнего уровня в стратегиях и указах и выделяющее финансирование в различных формах, РАН, а также вузовская наука, в отношении которой было принято наибольшее число мер.

Ресурсы и результаты

Кратко рассматриваемое пятилетие можно охарактеризовать с помощью показателей вложенных в науку ресурсов и полученных результатов. Расходы на науку в ВВП в течение всего периода были ниже, чем в 2017 г., то есть до объявления новых целей научно-технологического развития. Численность исследователей ежегодно сокращалась и в 2021 г. составила 94,5% от уровня 2017 г. (табл. 1). Бизнес-сектор был мало заинтересован как в проведении собственных исследований и разработок, так и в аутсорсинге их у НИИ и вузов, поэтому доля расходов предпринимательского сектора в финансировании науки стагнировала на уровне ниже трети суммарных внутренних расходов на исследования и разработки.

Таблица 1

Динамика расходов на науку и численности исследователей в России, 2017–2021 гг.

Показатель	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Расходы на НИОКР в ВВП, %	1,11	0,99	1,04	1,09	0,99
Численность исследователей, тыс. человек	359,8	347,9	348,2	346,5	340,1
Доля средств предпринимательского сектора в финансировании НИОКР, %	30,2	29,5	30,2	29,2	29,0

Источник: Индикаторы науки — 2023. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 42, 110, 118.

В то же время на фоне сокращения ресурсной базы результаты исследований, измеряемые числом публикаций, росли высокими тем-

пами (табл. 2), особенно в доковидный период (2018–2019 гг.). Однако показатели цитирования статей российских авторов практически не изменились: рост количества статей не сопровождался повышением интереса к ним в международном научном сообществе. К концу периода доля публикаций российских авторов в мировом потоке постепенно снизилась практически до уровня 2017 г., поскольку в ряде других стран (в первую очередь в Китае и Индии) число публикаций росло опережающими темпами.

Таблица 2

Изменение публикационной активности российских авторов, база данных Scopus, 2017–2021 гг.

Показатель	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Число статей российских авторов, тыс.	62,3	69,1	75,9	79,6	84,1
Темпы прироста, в % к предыдущему году	+5,4	+10,9	+10,0	+4,8	+5,6
Удельный вес цитирований публикаций российских авторов в общемировом числе цитирований, %	1,78	1,86	1,90	2,03	1,84
Доля статей российских авторов в общемировом потоке публикаций, %	3,06	3,22	3,32	3,19	3,09

Источник: Индикаторы науки — 2023. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 260, 272.

Ориентация НИИ и вузов на публикацию статей увеличила разрыв между фундаментальной и прикладной наукой. В постоянных ценах снижались средства предпринимательского сектора на НИОКР¹ и падала доля расходов на прикладные исследования² в общем объеме проводимых НИОКР. К концу периода это стало одной из серьезных «болевых точек» отечественной науки.

Новые цели и изменения в организации управления наукой

В мае 2018 г. Указом Президента были сформулированы три цели в области науки, которые надо достичь до 2024 г.³:

— присутствие Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития;

¹ Индикаторы науки — 2023. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 119.

² Там же, с. 136.

³ Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» от 07.05.2018 № 204 [электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 28.03.2023).

– обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации для российских и зарубежных ведущих ученых и молодых перспективных исследователей;

– опережающее увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки за счет всех источников по сравнению с ростом валового внутреннего продукта страны.

Первые две цели связаны с международным позиционированием и включенностью в мировую науку, третья имеет важное значение для внутреннего развития в условиях, когда расходы на науку в ВВП были заморожены на уровне примерно в 2–3 раза ниже, чем в странах с развитой наукой. Поставленные задачи стали решаться через Национальный проект «Наука»⁴ (далее — НП), в котором транслированы три главные цели Указа и определены показатели их достижения. В числе прочего через НП реализуются все основные меры поддержки вузовской науки.

Научным проектом только косвенно учитывался фактор влияния санкций, введенных в 2014 г. Их воздействие на сферу науки и тем более на сферу технологий было недооценено. В то же время уже с 2017 г. стали появляться отдельные «сигналы», показывающие эффекты санкций. Так, распространились случаи отказа российским авторам в публикации статей в зарубежных изданиях по политическим, а не по научным причинам [2]. Фактор санкций не был учтен и в «Концепции международного научного сотрудничества Российской Федерации» [11], принятой в 2019 г. В ней не были обозначены ясные приоритеты сотрудничества ни с точки зрения стран-партнеров, ни относительно механизмов кооперации.

Несмотря на то что цели развития предполагали интернационализацию российской науки, стали приниматься решения, усложняющие международное сотрудничество. В 2021 г. были внесены поправки в Закон «Об образовании», касающиеся просветительской деятельности и затрагивающие организацию международного научного сотрудничества. Закон усилил контроль над международными проектами, которые выполняются в НИИ и вузах, получающих средства на исследования и разработки из федерального бюджета, а это большинство организаций сектора науки. Таким образом, на фоне появившихся внешних ограничений де-факто возводились и внутренние барьеры для международной кооперации, а концептуальное позиционирование игнорировало санкции.

Помимо установления новых целей, происходила дестройка системы управления наукой, выразившаяся в укреплении иерархической вертикали. К 2021 г. были созданы коллегиальные органы, которые способствуют усилению централизации: консультативная группа при Совете по науке и образованию при Президенте РФ⁵, разрабатывающая стратегию науч-

⁴ Впоследствии проект переименован в «Науку и университеты».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 15.03.2021 № 144 «О некоторых вопросах Совета при Президенте Российской Федерации по науке

но-технологического развития, и Комиссия по научно-технологическому развитию при Правительстве⁶, координирующая ее реализацию.

Консультативная группа должна формировать и утверждать инновационные проекты государственного значения, федеральные научно-технические программы по вопросам, требующим отдельного решения Президента страны. В свою очередь, на комиссию возложена координация работы федеральных органов власти, РАН, государственных корпораций, институтов развития с целью обеспечения связности процессов от научных исследований до использования их результатов для социально-экономического развития страны. Признаком консолидации стало и сведение бюджетных расходов на НИОКР гражданского назначения в одну программу — государственную программу «Научно-технологическое развитие РФ»⁷.

Централизация и оптимизация коснулись и государственных научных фондов. В 2019 г. было объявлено об их реорганизации, в качестве официальной причины которой называлось устранение дублирования⁸ в работе Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Российского научного фонда (РНФ). Такой аргумент вызвал протестную реакцию как в организованных научных сообществах (например, в Обществе научных работников, Клубе «1 июля»), так и в РАН⁹, которую Министерство науки и высшего образования не привлекало к обсуждению целесообразности преобразований.

Функционал между фондами был разделен, действовали механизмы согласования и сверки проектов, которые подавались на конкурс. Хотя фонды поддерживали проекты по одному и тому же перечню областей наук и в целом РНФ при своем создании во многом перенял опыт РФФИ, назвать это дублированием было бы неверно, поскольку каждый фонд

и образованию» [электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103150024?index=0&rangeSize=1> (дата обращения 08.04.2023).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 15.03.2021 № 143 «О мерах по повышению эффективности государственной научно-технической политики» [электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46506> (дата обращения 08.04.2023).

⁷ Постановление Правительства РФ от 22.10.2021 № 1814 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”» [электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110280022> (дата обращения 15.04.2023).

⁸ Научное сообщество обсуждает перспективы реорганизации научных фондов. 05.09.2019 г. [электронный ресурс]. — URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6847737> (дата обращения 15.04.2023).

⁹ Академия обращается в правительство // Научная Россия. 11.09.2019 [электронный ресурс]. — URL: <https://scientificrussia.ru/articles/akademiya-obrashchaetsya-v-pravitelstvo> (дата обращения 15.04.2023).

предлагал свою линейку грантов. В отсутствие частных научных фондов это давало научным коллективам возможность альтернативного выбора.

Правительство сделало ставку на РФФ как на фонд, где будет реализовываться большинство грантовых программ. Такое решение противоречило логике, при которой меньшее, как правило, присоединяется к большему, а не наоборот. На момент начала реорганизаций бюджет РФФИ был почти в 3 раза больше бюджета РФФ, и он выделял значительно больше грантов, хотя и небольших по размеру (табл. 3).

Таблица 3

РФФИ и РФФ: бюджеты и число присуждаемых грантов

Фонд	Число финансируемых проектов в 2019 г.	Ассигнования из федерального бюджета, 2020 г., млрд руб.
РФФИ	17 999	25,0
РФФ	4 700	9,0

Источники: Отчет о результатах деятельности РФФИ за 2019 г.; Годовой отчет РФФ за 2019 г.; Федеральный закон от 02.12.2019 № 380-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О федеральном бюджете на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг.», Приложение 11.

Несмотря на многочисленные аргументы против такого реформирования со стороны РАН и организаций, представляющих научное сообщество, РФФИ был преобразован в Российский центр научной информации (РЦНИ), и основными его функциями стали информационно-аналитическая деятельность в сфере науки, международное научно-техническое сотрудничество и обеспечение доступа российских ученых к научной информации. Это повлекло резкое сокращение бюджета РЦНИ и передачу средств в РФФ. Последующие опросы научного сообщества продемонстрировали сохраняющееся негативное отношение к монополизации грантового финансирования [6; 19].

Таким образом, к 2022 г. российская наука подошла с возросшей централизацией систем целеполагания, регулирования и бюджетирования.

РАН: расширение экспертной функции

На фоне растущей централизации несколько обособленным оставалось положение РАН. Изменения в основном коснулись экспертной деятельности академии¹⁰. РАН было поручено проводить экспертную оценку всех проектов, выполняющихся за счет бюджетных средств, независимо от сектора науки. Поскольку весь научный комплекс страны на 70% финансируется из средств федерального бюджета, объем экс-

¹⁰ Федеральный закон от 19.07.2018 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» [электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201807190053> (дата обращения 15.04.2023).

пертной работы, которую стала выполнять РАН, оказался очень большим. Вероятно, при лоббировании руководством РАН необходимости усиления участия академии в экспертизе имелись в виду крупные стратегические проекты и ключевые программы. На практике экспертная работа во многом свелась к выполнению рутинных функций.

Только к концу 2022 г. наметились изменения роли РАН. После выборов нового президента РАН (д. техн. н., академика РАН Г.Я. Красникова) экспертная функция стала рассматриваться как инструмент более широкого влияния на научную политику страны. Новый президент РАН объявил, что приоритетным направлением работы академии станет ее включение в государственную систему принятия решений за счет научно-методического руководства научными институтами, через комиссии, которые до недавнего времени создавались для анализа работы и оценки институтов¹¹. К важным задачам президиума РАН были отнесены инициирование масштабных проектов и научно-методическое руководство ими, а также рост вовлеченности в прикладные разработки на основе консорциумов, куда должны входить представители фундаментальной, прикладной, вузовской науки и высокотехнологичные компании. Объявленные намерения в целом соответствуют основной повестке государственной научной политики, которая стала разрабатываться после введения санкций 2022 г. Вместе с тем расширение экспертных функций может рассматриваться как первый шаг к усилению влияния не только на научную повестку бывших академических институтов и вузов, но и на всю их деятельность. В том числе новый президент РАН в своей предвыборной программе заявлял о важности патроната над академическими институтами и вузами¹². Все годы после реформы РАН 2013 г. ее руководство не оставило стремления вернуться к прежней модели функционирования, когда академия осуществляла полное руководство научными институтами.

Вузовская наука как главный бенефициар

Вузы были в центре усилий государства по развитию науки. Помимо центрального Проекта 5-100, финансирование вузовской науки осуществлялось на основе целого ряда инструментов, включая программу мегагрантов и научно-образовательных центров мирового уровня.

Проект 5-100, начатый в 2013 г., предусматривал широкий спектр мероприятий, касавшихся совершенствования системы управления, кадровой политики, образования и науки, а также их интернационали-

¹¹ Встреча с президентом Российской академии наук Геннадием Красниковым. 11.11.2022 [электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69824> (дата обращения 15.04.2023).

¹² Президент РАН А.М. Сергеев снял кандидатуру с выборов главы академии из-за давления // Коммерсант. 19.09.2022 г. [электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5570400> (дата обращения 13.06.2023).

зации. Его целью было вхождение к 2020 г., по крайней мере, пяти российских вузов в топ-100 мировых рейтингов. Проект был компактным: в нем участвовал всего 21 вуз, то есть была реализована стратегия «выбора победителей» (picking winners) в надежде, что концентрация ресурсов приведет к более масштабным эффектам для всей вузовской науки [7].

Прогресс в развитии стал оцениваться преимущественно по показателям публикационной активности с ориентацией на международные базы данных, в первую очередь Web of Science и Scopus. Именно это в совокупности с другими показателями (например, такими, как привлечение зарубежных профессоров и ученых, международная мобильность, создание международных лабораторий и т. п.) и должно было обеспечить продвижение в международных рейтингах. К 2019 г. стало очевидно, что цель проекта была нереалистичной, и вузы не в состоянии перескочить через сотни позиций в рейтингах, чтобы попасть в топ-100. К завершению Проекта 5-100 в 2020 г. университеты-участники продвинулись в предметных рейтингах, но не смогли войти даже в топ-200 основных мировых рейтингов.

Тем не менее Проект 5-100 можно оценить в позитивном ключе, поскольку он способствовал интернационализации российской науки. Опросы показали, что особенно в региональных вузах исследователи рассматривали требования по наращиванию публикационной активности как стимул к повышению научной квалификации [8]. В проекции возрастной структуры к количественным метрикам быстрее всех приспособились молодые исследователи, и они же менее болезненно реагировали на недостатки такой системы. Существенно увеличилось количество университетских исследователей, участвующих в международных конференциях и стажировках в зарубежных институтах и университетах. В качестве сопутствующего эффекта активизировалось продвижение российских журналов в соответствующие международные базы научной периодики. Число российских журналов, индексируемых в базе Scopus, за последние три года (2020–2023 гг.) возросло на 16,5%, до 721 единицы; в Web of Science — на 7,5%, до 414 единиц; в RSCI (Russian Science Citation Index — «русская полка Web of Science») — на 17,6%, до 944 единиц¹³.

Однако публикационные требования оказались слишком сильно привязаны к системе вознаграждений (доплаты продвижение в должности, наем). Фокусировка на количестве породила множество стратегий быстрого наращивания числа публикаций [18; 22]. Самым тяжелым следствием этого процесса стало размывание этических стандартов. Так, согласно данным мониторинга НИУ ВШЭ, только 54,3% преподавателей вузов относились положительно к практике лишения научной степени за плагиат [13, с. 22], а остальные считали плагиат нормой, за которую не следует наказывать.

К сожалению, Проект 5-100 увеличил разрыв между университетами-участниками и остальными вузами [26]. Концентрация средств не дала

¹³ Индикаторы науки — 2023. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 276.

ожидаемых масштабных эффектов. Это было учтено в новой программе, объединившей значительно большее число участников, — в Программе стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», начавшейся в 2021 г. В нее вошло 106 вузов, появилось два трека развития: для вузов, стремящихся стать лидерами в исследованиях, и для тех, кто готов вносить вклад в территориальное или отраслевое развитие. Это может несколько ослабить концентрацию на публикационной активности и диверсифицировать цели развития науки в вузах.

Научная политика в условиях санкций

В 2022 г. сразу после начала специальной военной операции институциональное сотрудничество с российскими научными организациями и вузами прекратили страны, которые для России были главными научными партнерами. Ряд издательств перестали принимать статьи от российских авторов [21], российские научные организации и вузы были отключены от базы данных Web of Science, а впоследствии — от Scopus, крупнейшие научные издательства (Elsevier, Springer/Nature, IOP Publishers и др.) официально объявили о прекращении доступа российским организациям к своим журналам. Была приостановлена индексация российских изданий в Crossref. Поскольку на российские журналы приходится около 3% мировой научной продукции, отключение от большинства источников информации резко ограничило возможности российских исследователей быть в курсе современных достижений науки. Сократились также возможности проведения международных конференций на территории России и участия в зарубежных мероприятиях. На распад международной кооперации повлиял и начавшийся рост научной эмиграции. Наряду с российскими учеными из страны стали уезжать приглашенные иностранные исследователи¹⁴.

Опрос, проведенный в ноябре 2022 г., в котором участвовали 577 руководителей научных организаций и вузов, подтвердил, что от санкций в наибольшей мере пострадали разные виды международного сотрудничества, включая коммерциализацию результатов НИОКР за рубежом, возможности получить зарубежное финансирование или опубликоваться в международных изданиях [4].

Таким образом, достижение первых двух целей научной политики, установленных в 2018 г. и транслированных в НП, оказалось под угрозой. В ответ на санкции на государственном уровне политика была скорректирована. В первую очередь появились меры немедленного реагирования:

— отход от принципа учета публикаций в журналах, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus, и разработка национальной системы оценки результативности науки;

¹⁴ *Балашова А.* «Сколково» и Сколтех: «Мы все время забываем, что мы уже не в СССР» // РБК. 15.08.2022 [электронный ресурс]. — URL: https://www.rbc.ru/interview/technology_and_media/15/08/2022/62f2a5ca9a7947785cd167d1 (дата обращения: 12.04.2023).

– переориентация международной научной кооперации на страны, которые не вводили санкции;

– рост поддержки прикладных исследований, важных для экономического развития и формирования технологического суверенитета.

Вместе с тем финансовые ориентиры не были существенно скорректированы, тогда как опора на собственные силы требует существенного роста инвестиций. Рост финансирования гражданской науки был запланирован только на 2023 г. с последующим его снижением (табл. 4). Поэтому задача переориентации на исследования, важные для экономики страны и обеспечения технологического суверенитета, скорее всего, будет решаться за счет перераспределения средств внутри бюджета на науку.

Таблица 4

Планы бюджетных ассигнований на НИОКР гражданского назначения, 2023–2025 гг.

Показатель	Год		
	2023	2024	2025
Расходы федерального бюджета на НИОКР гражданского назначения, всего, млрд руб.	562,3	552,9	438,6
Изменение к предыдущему году, %	+21,7	–1,7	–20,7
Изменение в сравнении с законопроектом на 2022–2024 гг., в каждом году, %	+18,0	+15,8	–
В том числе по государственной программе «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»	553,5	543,9	427,9

Источник: Приложение 10 к Пояснительной записке к Федеральному закону «О федеральном бюджете на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.»; расчеты автора.

Что касается новой системы оценки результативности научной деятельности, то базовая идея состоит в переориентации на собственную систему ранжированных научных журналов при одновременном снятии требования публиковаться в изданиях, индексируемых в зарубежных базах. Сначала вышло Постановление Правительства РФ, которым устанавливался до 31 декабря 2022 г. отказ от использования показателей публикационной активности в изданиях, индексируемых в международных базах данных Web of Science, Scopus¹⁵, а в конце сентября отказ был продлен до 31 декабря 2023 г.¹⁶ Соответствующим

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 19.03.2022 № 414 «О некоторых вопросах применения требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью» [электронный ресурс]. — URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202203210040> <https://www.kommersant.ru/doc/5357614> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 19.09.2022 № 1655 «О внесении изменения в абзац первый пункта 1 постановле-

образом была перестроена работа экспертных советов Российского научного фонда с усилением внимания к качественной оценке опубликованных статей независимо от места их издания¹⁷.

В свою очередь, международное научное сотрудничество стало вынужденно перестраиваться на страны, не вводившие санкции. В роли перспективного дружественного партнера рассматривается в первую очередь Китай, с которым на протяжении последних лет усиливалась научная кооперация [23]. Однако потенциал развития отношений ограничен тем, что для Китая Россия не входит в число приоритетных стран для научного сотрудничества. По данным за 2022 г., для Китая Россия находилась на 20-м месте по масштабам (а потому и по значимости) кооперации [25]. Их основные партнеры входят в число недружественных для России стран, поэтому может возникнуть эффект перестраховки из-за опасений вторичных санкций.

Выводы

Научная политика, которая предшествовала началу специальной военной операции, была в целом направлена на встраивание России в мировую науку и занятие в ней достойных позиций. Это наиболее ярко проявлялось в мерах по развитию вузовской науки (ориентация на мировые рейтинги, новый менеджериализм как атрибут западной культуры) и даже в том, что РАН все больше становилась экспертной структурой, хотя и в урезанном виде. Несмотря на то что академии была отведена роль относительно формального одобрения отчетов и заявок, тенденция к преобразованию РАН в центр экспертизы соответствовала западным традициям, хотя значение экспертной функции РАН правительство и сама академия, скорее всего, понимают по-разному. Для РАН это один из способов расширения своего влияния на академические институты и вузы, для правительства, по всей видимости, это лишь закрепление за РАН четко очерченного функционала.

Наряду с этим принимались решения, направленные на формирование модели управления, более соответствующей административно-командной системе. Выстроилась вертикаль власти, возросла централизация, снизилась диверсификация, усилился централизованный контроль, в том числе за международной деятельностью. Такая система дает возможность концентрации интеллектуальных и материальных ресурсов для решения необходимых государству крупномасштабных

ния Правительства Российской Федерации от 19 марта 2022 г. № 414» [электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210014> <https://www.kommersant.ru/doc/5357614> (дата обращения 12.04.2023).

¹⁷ Позиция экспертных советов РНФ по вопросу учета публикаций. Пресс-служба РНФ. 06.05.2022 [электронный ресурс]. — URL: <https://rscf.ru/news/found/pozitsiya-ekspertnykh-sovetov-rnf-po-voprosu-ucheta-publikatsiy/> <https://www.kommersant.ru/doc/5357614> (дата обращения 12.04.2023).

научно-технических задач. Однако парадокс в том, что ресурс централизации не был использован для того, чтобы начать создавать собственные разработки, а на их основе — технологии. Поэтому так мало внимания уделялось трансформационным исследованиям и получению результатов, значимых для экономического развития. В то время как в последние несколько лет в ведущих странах мира, заинтересованных в технологической самостоятельности, шли активные дебаты о трансформационных исследованиях и создавались соответствующие институты их поддержки, в России этот пробел начали ликвидировать уже в условиях санкционного давления. При этом вузы, находившиеся все эти годы в публикационной гонке, не сразу смогут стать той базой, на которой разовьется сильная прикладная наука.

То, что в 2022 г. стало серьезной проблемой, отчасти проявлялось уже после первых санкций 2014 г.: информационные блокады, отказы в рассмотрении (рецензировании) статей российских авторов в зарубежных журналах, сложности с обновлением материальной базы науки и др. Заниматься формированием программ и проектов, нацеленных на обеспечение технологической самостоятельности, следовало уже 5–7 лет назад и тогда же — наращивать инвестиции в исследования и разработки.

Отягчающим обстоятельством стало то, что в российской научной политике не сложилась система сдержек и противовесов, которые могли бы уменьшить противоречивость принимавшихся мер. Отсутствие гражданского общества в науке подтверждали опросы, выявлявшие тот факт, что мнение научного сообщества в процессе разработки новых управленческих решений учитывается мало или не учитывается совсем. Это в том числе наглядно демонстрируют характер проведения реорганизации научных фондов или многолетние обсуждения негативных эффектов публикационной гонки. Решения принимаются ограниченным кругом экспертов, и они наряду с чиновниками не несут за них ответственности.

Пересмотр принципиальных подходов к роли науки, который происходит в настоящее время, требует не только дополнительных финансовых ресурсов, но и перехода к новой системе отношений между акторами системы науки. Государству важно было бы увидеть в других акторах (в первую очередь в вузах, НИИ и РАН) значимых и равноправных партнеров и вести открытое публичное обсуждение, в том числе с привлечением организованных сообществ (помимо РАН, это, например, Клуб «1 июля», Общество научных работников, Санкт-Петербургский союз ученых).

После принятия в мае 2023 г. «Концепции технологического развития на период до 2030 г.»¹⁸ на первый план вышла задача формирования технологического суверенитета, который планируется обеспечить за счет развития собственных линий разработки. Это предполагает усиление кооперации научных институтов, вузов и компаний, рост вложений в прикладные исследования и разработки, строгое следование выбран-

¹⁸ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р.

ным технологическим приоритетам. Реализовать такой замысел нельзя без изменений в научной политике. Она должна будет поменяться сразу в нескольких направлениях. Первое — это кадровая политика, в которую с неизбежностью придется встраивать систему стимулов к получению практических результатов, а не только публикации статей. Второе — изменения необходимы в политике в области финансирования; они уже начали происходить, например, в РФФ. Помимо грантового финансирования, должна меняться и система госзадания за счет перехода от идеологии, основанной на сборе заявок от институтов и вузов «снизу вверх», к формированию тематических направлений, которые важны для обеспечения технологического суверенитета, и к предложению их к реализации на основе госзаданий. Третье — в условиях ограниченных ресурсов и амбициозных задач возрастает роль объективной экспертизы, согласованной с разными акторами научной системы. Здесь вероятно усиление роли РАН в оценке возможностей выполнения тех или иных проектов, однако не менее значима роль и бизнеса, и научного сообщества. Наконец, было бы неправильным перенастроить всю науку на максимизацию экономической отдачи. Система устойчива только при ее диверсификации. Не должна преуменьшаться роль фундаментальной науки как основы принципиально новых идей, а значит, прорывных технологий будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А.* Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий. 2021. № 12 (1). С. 113–135. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11008 EDN: RFGFNL
2. *Балацкий Е.В.* Ущерб России от международных санкций: переосмысливая факты // Мир новой экономики. 2018. № 3. С. 36–45. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-36-45 EDN: OZTGTQ
3. *Васильева И.Н., Крисько М.О., Корнеева Н.Д., Розова О.И.* Востребованность инструментов и механизмов, созданных в ходе реализации плана мероприятий Стратегии научно-технологического развития РФ, и влияние предлагаемых мероприятий на социально-экономическое развитие Российской Федерации // Социология науки и технологий. 2022. № 13 (3). С. 118–142. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-118-142 EDN: IOOLUN
4. *Власова В., Гершман М.* Делаем науку в России: настроения и ожидания // Наука. Технологии. Инновации. Экспресс-информация. 14.12.2022. [электронный ресурс]. Дата обращения 12.04.2023. URL: <https://issek.hse.ru/news/802297927.html>
5. *Вольчик В.В.* Институциональные ловушки в сфере образования и науки в условиях оптимизации // Журнал экономической теории. 2019. № 16 (4). С. 783–795. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.14 EDN: CVBVAS
6. *Гусев А.Б., Юревич М.А.* Научная политика России – 2022: профессия не дороже Родины. М.: ООО «Буки Веди», 2022. — 64 с.
7. *Дежина И.Г.* «Выбор победителей» в современной научной политике России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 53–74. EDN: AUVVFA

8. *Дежина И.Г., Сорокин А.Н.* Проект 5-100 в восприятии сотрудников университетов // Мир России. 2022. № 31 (1). С. 74–90. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90 EDN: EBJUEA
9. *Душина С.А., Камнева А.В., Курпrianов В.А., Шиповалова Л.В.* Научное лидерство в контексте академического капитализма (российская перспектива) // Социология науки и технологий. 2019. № 10 (4). С. 50–76. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-14004 EDN: GSYSRM
10. *Конашев М.Б., Федорова А.А.* Академическая наука в контексте последней реформы РАН // Социология науки и технологий. 2021. № 12 (1). С. 136–155. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11009 EDN: MUDQCD
11. Концепция международного научного сотрудничества Российской Федерации. Одобрена решением Правительства РФ от 8 февраля 2019 г. № ТГ-П8-952 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.03.2023. URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.pdf>
12. *Курбатова М.В., Левин С.Н., Саблин К.С.* «Утроенный провал» институционального проектирования в реформировании высшего образования России // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12. № 4. С. 94–111. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111 EDN: ZLELEZ
13. *Рудаков В.Н., Рощина Я.М., Битокова Л.А.* Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов. Информационный бюллетень. (Мониторинг экономики образования; № 1 (133)). М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. — 84 с.
14. *Семёнов Е.В.* Государственная научно-технологическая политика в современной России: замысел и реализации // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 1. С. 51–71. DOI: 10.19181/sntp.2019.1.1.1 EDN: GETAMM
15. *Тамбовцев В. Л.* Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 15–39. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.1 EDN: TRTGPL
16. *Трофимова И.Н.* Национальные исследовательские университеты: статус и результаты деятельности // Социология науки и технологий. 2022. № 13 (1). С. 116–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-116-129 EDN: DUMFAP
17. *Трубникова Е.И.* Академическая мобильность или networking по-русски? // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 139–151. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-139-151 EDN: TUTDYU
18. *Трубникова Е.И.* Обмен дарами в академической среде: хищнические практики, ложные сигналы и конфликт интересов в программах превосходства // Мир России. 2022. № 31 (1). С. 25–48. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48 EDN: XIUQEI
19. *Фадеева И.М., Алексуткина В.С.* Как российские исследователи оценивают гранты — инструмент развития науки? // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15826/umpra.2022.04.030 EDN: ANRIVI
20. *Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M.* The Russian Excellence Initiative for higher education: a nonparametric evaluation of short-term results // International Transactions in Operational Research. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 1911–1929. DOI: 10.1111/itor.12742 EDN: SEFFLZ

21. *Brainard J.* Few journals heed calls to boycott Russian papers // *Science*. March 10, 2022. DOI: 10.1126/science.adb1981
22. *Dezhina I.* The Publication Race in Russian Universities as an Impediment to Academic Freedom // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. November 20, 2021. URL: muse.jhu.edu/article/839074
23. *Gaind N., Abbott A., Witze A., Gibney E., Tollefson J., Irwin A., Van Noorden R.* Seven ways the war in Ukraine is changing global science // *Nature*. 2022. No. 607. P. 440–443. DOI: 10.1038/d41586-022-01960-0
24. *Guskov A. E.* Boosting research productivity in top Russian universities: The circumstances of breakthrough // *Scientometrics*. 2018. No. 117. P. 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8 EDN: YBGLSH
25. *Johnson J., Adams J., Grant J., Murphy D.* Stumbling bear, soaring dragon. Russia, China and the geopolitics of global science. Harvard Kennedy School for Business and Government, Clarivate, The Policy Institute, King's College London. July, 2022. — 24 p. [электронный ресурс]. Дата обращения 25.06.2023. URL: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/Stumbling-bear-soaring-dragon.pdf>
26. *Lovakov F., Panova F., Sterligov I., Yudkevich M.* Does government support of a few leading universities have a broader impact on the higher education system? Evaluation of the Russian University Excellence Initiative // *Research Evaluation*. July 2021. Vol. 30. Iss. 3. P. 240–255. DOI: 10.1093/reseval/rvab006 EDN: YMGVJG

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дежина Ирина Геннадиевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара.
Телефон: +7 (499) 120-62-58. **Электронная почта:** degina@iep.ru

Дата поступления: 18.04.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 2. P. 132–149. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.10

Research Article

IRINA G. DEZHINA¹

¹ Gaidar Institute for Economic Policy.

bl. 1, 3–5, Gazetny lane, 125993, Moscow, Russian Federation.

RUSSIA'S SCIENCE POLICY IN 2018–2022: CONTROVERSIAL SIGNALS

Abstract. The article analyzes the Russian science policy that has been implemented during last five years, after setting new goals in 2018. Science policy measures are examined in the projection of three actors. The first actor is the government that sets goals, systems of management and coordination, and allocates the funds. The second actor is the Russian Academy of Sciences, which performs an expert function. The third actor is university science, which has become the main beneficiary of state support in recent years. The aim of the article is to identify the key directions of the country's science policy in projections of the readiness of the science system to the radically changed geopolitical conditions that have emerged in 2022.

During the last five years, the system of science management has evolved towards increased centralization of power. Such system allows concentrating resources on key

tasks. However, such tasks that would need centralized effort were not set. The main objectives of the science policy focused on the diversification and integration of the Russian science into the international scientific community (through the improvement of positions in the international ratings, growth of publications indexed in international databases, encouraging academic mobility). The result of the contradicting government policy was unpreparedness of the science sector to sanctions. The state was able to undertake only actions of immediate reaction; the time was lost to develop measures aimed at existence in isolation from key world scientific powers.

Keywords: science policy; government regulation; science in universities; Russian Academy of Sciences; sanctions; international cooperation; Russia.

For citation: Dezhina, I.G. Russia's Science Policy in 2018–2022: Controversial Signals. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 132–149. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.10

REFERENCES

1. Ablazhei N.N., Vodichev E.G., Krasil'nikov S.A. University and the Academy of Sciences: Pas de Deux in the Rhythms of the Epoch. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2021. No. 12 (1). P. 113–135. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11008 (In Russ.)
2. Balatsky E.V. Russia's Damage from International Sanctions: Rethinking the Facts. *Mir novoi ekonomiki*. 2018. No. 12 (3). P. 36–45. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-36-45 (In Russ.)
3. Vasilyeva I.N., Krisko M.O., Korneeva N.D., Rozova O.I. The Relevance of the Tools and Mechanisms Created During the Implementation of the Action Plan of the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation and the Impact of the Proposed Measures on the Socio-Economic Development of the Russian Federation. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2022. No. 13 (3). P. 118–142. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-118-142 (In Russ.)
4. Vlasova V., Gershman M. Making Science in Russia: Attitudes and Expectations. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii. Ekspres-informatsiya*. 14.12.2022. Accessed 12.04.2023. URL: <https://issek.hse.ru/news/802297927.html> (In Russ.)
5. Volchik V.V. Institutional Traps in the Education and Science Sector under the Conditions of Optimisation. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*. 2019. No. 16 (4). P. 783–795. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.14 (In Russ.)
6. Gusev A.B., Yurevich M.A. *Nauchnaya politika Rossii – 2022: professiya ne dorozhe Rodiny*. [Science Policy of Russia – 2022: the profession is not dearer than the Motherland]. Moscow: OOO “Buki Vedi” publ., 2022. 64 p. (In Russ.)
7. Dezhina I.G. Picking winners in modern Russian science policy. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2021. No. 3. P. 53–74 (In Russ.)
8. Dezhina I.G., Sorokin A.N. The Perception of the Project 5–100 by University Employees. *Mir Rossii*. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 74–90. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90 (In Russ.)
9. Dushina S.A., Kamneva A.V., Kupriyanov V.A., Shipovalova L.V. Scientific Leadership in the Context of Academic Capitalism (Russian Perspective). *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2019. No. 10 (4). P. 50–76. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-14004 (In Russ.)
10. Konashev M.B., Fedorova A.A. The Impact of the Recent RAS Reform on Academic Science in Russia. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2021. No. 12 (1). P. 136–155. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11009 (In Russ.)
11. *Kontseptsiya mezhdunarodnogo nauchnogo sotrudnichestva Rossiiskoi Federatsii. Odobrena resheniem Pravitel'stva RF ot 8 fevralya 2019 g.* [The concept of international scientific cooperation of the Russian Federation. Approved by the decision of the Government of the Russian Federation of February 8, 2019.] No. ТГ-П18-952. Accessed 28.03.2023. URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aad5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (In Russ.)
12. Kurbatova M.V., Levin S.N., Sablin K.S. (2020). The “tripled failure” of institutional design of higher education reform in Russia. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. 2020. Vol. 12. No. 4. P. 94–111. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111 (In Russ.)

13. Rudakov V.N., Roshchina Ya.M., Bitokova L.A. *Izmeneniya strategii, motivatsii i ekonomicheskogo povedeniya studentov i prepodavatelei rossiiskikh vuzov. Informatsionnyi byulleten'*. [Changes in Strategies, Motivations and Economic Behavior of Students and Teachers at Russian Universities]. Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" publ., 2019. (Monitoring the economics of education; No. 1 (133). 84 p. (In Russ.))
14. Semenov E.V. Public science and technology policy in modern Russia: idea and implementation. *Science Management: Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 2019. No. 1. P. 51–71. DOI: 10.19181/sntp.2019.1.1.1 (In Russ.)
15. Tambovtsev V.L. Validity of Russian science policy's instruments: What the world's experience says. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 2020. Vol. 2. No. 1. P. 15–39. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.1 (In Russ.)
16. Trofimova I.N. National Research Universities: Status and Results of Activity. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2022. No. 13 (1). P. 116–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-116-129 (In Russ.)
17. Trubnikova E.I. Academic mobility or the Russian style networking? *Voprosy Ekonomiki*. 2021. No. 3. P. 139–151. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-139-151 (In Russ.)
18. Trubnikova E.I. The Exchange of Gifts in the Academic Sphere: Predatory Practices, False Signals, and Conflicts of Interest in Excellence Programs. *Mir Rossii*. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 25–48. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48 (In Russ.)
19. Fadeeva I.M., Aleksutkina V.S. How do Russian Researchers Evaluate Grants as a Tool for the Development of Science? *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2022. Vol. 26. No. 4. P. 56–70. DOI: 10.15826/umpa.2022.04.030 (In Russ.)
20. Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M. The Russian Excellence Initiative for higher education: a nonparametric evaluation of short-term results. *International Transactions in Operational Research*. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 1911–1929. DOI: 10.1111/itor.12742
21. Brainard J. Few journals heed calls to boycott Russian papers. *Science*. March 10, 2022. DOI: 10.1126/science.adb1981.
22. Dezhina I. The Publication Race in Russian Universities as an Impediment to Academic Freedom. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Published electronically November 20, 2021. DOI: muse.jhu.edu/article/839074
23. Gaidar N., Abbott A., Witte A., Gibney E., Tollefson J., Irwin A., Van Noorden R. Seven ways the war in Ukraine is changing global science. *Nature*. 2022. No. 607. P. 440–443. DOI: 10.1038/d41586-022-01960-0
24. Guskov A.E. Boosting research productivity in top Russian universities: The circumstances of breakthrough. *Scientometrics*. 2018. No. 117. P. 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8
25. Johnson J., Adams J., Grant J., Murphy D. *Stumbling bear, soaring dragon. Russia, China and the geopolitics of global science*. Harvard Kennedy School for Business and Government, Clarivate, The Policy Institute, King's College London. July 2022. 24 p. Accessed 25.06.2023. URL: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/Stumbling-bear-soaring-dragon.pdf>
26. Lovakov F., Panova F., Sterligov I., Yudkevich M. Does government support of a few leading universities have a broader impact on the higher education system? Evaluation of the Russian University Excellence Initiative. *Research Evaluation*. July 2021. Vol. 30. Iss. 3. P. 240–255. DOI: 10.1093/reseval/rvab006

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina G. Dezhina — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher,
Gaidar Institute for Economic Policy.

Phone: +7 (499) 120-62-58. **Email:** degina@iep.ru

Received: 18.04.2023.

К 100-летию со дня рождения Льва Наумовича Когана (1923–2023)

Н. Н. МАЛИКОВА¹, Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ¹

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

СОЦИОЛОГ КАК ОБЪЕКТ МУЗЕЙНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматривается деятельность уникального социологического музея, открытого на базе Уральского федерального университета в Екатеринбурге. Музей посвящен жизнедеятельности и творчеству профессора Л.Н. Когана, одного из крупнейших советских/российских социологов второй половины XX в. В центре внимания авторов статьи — цели, методы, стиль работы музея и его значение для воспроизводства истории социологии на Урале. Характеризуются основные формы и виды просветительской деятельности музея среди студентов, аспирантов, соискателей, получающих социологическое образование и профессиональную подготовку, а также преподавателей и многочисленных гостей университета, города, региона. Показано, как конструируется образ Когана в музейном пространстве, рассмотрены потенциал творчества ученого и его реализация в теоретических и эмпирических исследованиях. Большое количество документов, артефактов, различных источников, собранных в музее, дают возможность посетителям в ходе учебных занятий или экскурсий получить представление об основных этапах жизни, учебы, работы Когана, его достижениях в научной, публицистической, общественной деятельности. В музее можно ознакомиться со стилем и методами работы ученого, особенностями его взаимодействия со студентами, аспирантами, соискателями и коллегами-социологами. На полках представлены практически все монографии и основные публикации Л.Н. Когана. Экспозиция музея демонстрирует широту его научных интересов, которые, помимо социологии, распространялись на такие сферы, как философия, политология, культурология, искусство, театр. Музей дает яркое представление о личности ученого, его готовности передавать людям знания, профессионализм в исследовании социальных процессов, навыки культуры академического

общения, а также заряжать людей оптимизмом. Кроме того, благодаря обилию исторических документов, посетители получают возможность проследить историю становления и развития социологии за 50 лет в Уральском университете и регионе. В конце статьи авторы знакомят читателей журнала с перспективами работы социологического музея Л.Н. Когана.

Ключевые слова: Лев Наумович Коган; социолог; музей; Уральский федеральный университет; социологическая наука и практика; история социологии на Урале.

Для цитирования: Маликова Н.Н., Зборовский Г.Е. Социолог как объект музейного дискурса // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 150–169. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.7 EDN: JEKTFK

*Праздничный, веселый, бесноватый,
с марсианской жаждою творить...*

Н. Тихонов

*Как хорошо, что ныне марсиане
Хоть изредка рождаются на Земле!*

Л.Н. Коган

Введение

Для начала зададим вопрос: есть ли в России музеи, посвященные жизни и деятельности социологов? Наши попытки найти положительный ответ не увенчались успехом. Опрошенные нами коллеги-социологи из ряда городов России (и даже социолог из США) не сообщили ничего утешительного на этот счет. Но в социологической реальности нашей страны такой случай существует. Поэтому представляет немалый интерес кейс музея одного из выдающихся советских/российских социологов второй половины XX в. профессора Льва Наумовича Когана в Екатеринбурге.

Заслуживает специального разговора деятельность социологического музея, развернутая среди студентов, аспирантов, соискателей, получающих социологическое образование и профессиональную подготовку, проявляющих интерес к культуре, ее истории, достижениям науки и ее значимых представителей. В музее проводятся занятия по отдельным темам, групповые и индивидуальные экскурсии, посвященные творчеству Л.Н. Когана, развитию социологии на Урале.

Музей находится в здании Уральского федерального университета на территории Уральского гуманитарного института, одного из его департаментов — социологии и политологии, то есть там, где ему и положено быть. Именно в этом здании работал много лет заведующим кафедрой, а последние 10 лет жизни — с 1987 по 1997 г. — профессором кафедры социально-политических наук Л.Н. Коган. Именно здесь он многократно и блестяще выступал на крупных международных и отечественных конференциях. Именно в это здание в жаркий июльский день 1997 г., несмотря на зной и отпускное время, с ученым пришли попрощаться очень много

людей: Когана хорошо знали не только преподаватели и студенты университета, но и широкие слои горожан. Ко дню похорон успели подъехать многочисленные ученики Льва Наумовича. Он был очень популярен и в университете, и в городе, и в области, и в стране.

Конструирование образа Л.Н. Когана в музейном пространстве

В традициях музейной деятельности — поиск истоков исследуемого феномена, факторов, определивших его становление и развитие. Музей Когана, следуя этим принципам, открывает свою экспозицию с фотографий и биографических сведений о родителях Льва Наумовича — московских врачах, ярких пассионариях, которые в 1919 г. откликнулись на призыв поехать на Урал для формирования системы здравоохранения в связи с выделением Екатеринбургской губернии из состава Пермской губернии. Эта волонтерская поездка (рассчитанная согласно контракту на два года) стала делом всей жизни этих удивительных людей. Их жизненные установки и ценности оказали колоссальное влияние на сына Льва. В школе он уже был заводилой класса, редактором школьной газеты, секретарем комитета комсомола школы, о чем свидетельствуют фотографии и документы на стендах, посвященных этому периоду жизни Когана. Его школьный аттестат с единственной четверкой по рисованию дает наглядное представление о потенциале и устремлениях ученика.

В музее хранятся самая первая автобиография, написанная Коганом-абитуриентом, его студенческая зачетная книжка без единого «хорошо», тем более «удовлетворительно», вырезки из газет Свердловского университета «Сталинец» за военный период (1942–1945 гг.), которые кратко, но емко характеризуют его, студента истфака: «Отличник, активист. Хороший, веселый парень... Пользуется в коллективе заслуженным авторитетом»¹. Со второго курса Л. Коган — секретарь комитета ВЛКСМ университета, а в 1942 г. — стипендиат имени 20-летия ВЛКСМ. На третьем — вступает в партию (1943 г. — кандидат, 1944 г. — член ВКП (б), 1945 г. — член партбюро университета).

Активную общественную работу он успешно сочетает со своим увлечением литературой и театром, которое пронес через всю жизнь. Участвует в студенческих спектаклях, выступая с ними в госпиталях, организует для студентов многочисленные литературные вечера, встречи с поэтами, актерами, пишет рецензии на постановки как профессиональных, так и любительских театральных коллективов. Проблема культуры, культурного уровня студенчества волнует Л. Когана-старшекурсника. В университетской газете он пишет гневную статью, обличающую пассивность, равнодушие основной массы студенческой молодежи, призывая ее задуматься «...об общем развитии, которое должно отличать студента университета от любого другого студента — горняка, медика, энергетика, о широте кругозора, о богатстве и образности языка, обо всем, что мы называем универ-

¹ Газета Свердловского университета «Сталинец» от 21.02.1942 № 1 (358).

ситетской культурой... Университетская культура не определяется количеством хороших и отличных оценок в зачетной книжке. Ее не приобретешь в несколько дней напряженной зубрежки, ее не дадут ни школы танцев, ни ночные концерты. Культура, развитие — дело времени. Они приобретаются в процессе терпеливой, вдумчивой работы над собой, приобретаются практикой»². Прошло почти 80 лет, но эти слова студента Л. Когана актуальны по сей день.

Эрудиция, пылливый ум, творческие способности Л. Когана были замечены преподавателями, и ему, студенту 4-го курса, было предложено вести преподавательскую деятельность (семинары) на кафедре марксизма-ленинизма. Таким образом, ему было 20 лет, когда началась его преподавательская карьера. Он прошел все ее ступени — от самой низшей (ассистент на полставки) до высшей (профессор, доктор наук). Весь этот 54-летний путь преподавателя Уральского университета можно проследить по документам, выложенным на стендах и сайте музея: заявления, приказы, удостоверения, дипломы, свидетельства о присвоении высоких степеней и почетных званий. Любопытный факт: в музее нет ни одной грамоты, благодарности и т. п. Но объяснение ему парадоксальное, соответствующее характеру и духу Льва Наумовича. Мы даже не пытались искать их, поскольку были свидетелями, как в 1990 г. Л.Н. Коган, писавший методологический раздел к отчету по социологическому исследованию «Стратегия развития сферы культуры г. Екатеринбурга до 2000 г.», выполнив работу, предъявил огромную стопку почетных грамот, благодарностей и т. п., на обороте которых от руки этот раздел и был им написан. Бумажный кризис приучил тогда всех работать на так называемых «оборотках», но использовать по такому назначению грамоты мог позволить себе только Коган.

Как педагог, лектор Л.Н. Коган неизменно вызывал восторг всех слушателей — от студентов до коллег-профессионалов. Каждая его лекция — уникальный мини-спектакль, в котором сочетались глубина содержания, системность, структурированность материала, наличие в нем огромного количества фактов, примеров, цитат и легкость подачи, изложения. Свободное владение материалом, яркая, богатая, выразительная речь буквально завораживали аудиторию. В музее находится видеозапись выступления Л.Н. Когана в актовом зале УрГУ с докладом «Провинция: духовный потенциал», и все желающие могут послушать этого блестящего лектора, убедиться в его магии.

Музей дает возможность также убедиться в том, что за всем этим блеском и легкостью скрыт огромный, кропотливый труд по сбору информации, ее систематизации и анализу. Это и конспекты различных источников, выполненные от руки в педантично пронумерованных (до № 67!) тетрадях с записью на обложке каждой из них даты и места заполнения ее. Это и планы подготовки к разнообразным лекциям,

² Коган Л. О культуре студентов // Газета Свердловского университета «Сталинец» от 16.03.1945 № 8 (395).

наброски тезисов и т. д. Надо ли говорить, что все это написано четким, красивым, каллиграфическим почерком с выделением фрагментов текста разным цветом, с подчеркиваниями разных типов, пометками NB. Даже при беглом взгляде на эти уже пожелтевшие листы возникают уважение, удивление, восторг. При работе с рукописями Льва Наумовича удалось найти две потрясающие цитаты, которые он сам обозначил, характеризуя свою кабинетную *«работу по отбору нужного»*. Позволим себе привести здесь одну из них: *«Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я принужден сеять (Лев Толстой)»*³.

Навыкам скрупулезной работы с текстами Лев Наумович обучал своих аспирантов и студентов. Но всегда поражало его собственное отношение к сырым, порой невнятным материалам, принесенным ему учениками. Он не только корректировал содержание представленных текстов, но и осуществлял их тщательную редакторскую правку, вплоть до элементов литературной обработки. Например, исправляя встретившееся в тексте стандартное выражение *«носит характер»* на *«имеет характер»*, на полях обязательно писал: *«носить можно платье, а характер — иметь или не иметь»*. Комментарии на полях часто были пространными, но абсолютно все его ученики особенно хорошо запомнили добродушные БСК (*«бред сивой кобылы»*) и ДБДСК (*«дикий бред дикой сивой кобылы»*), которыми пестрели их черновики и рукописи, и придумывали к этим аббревиатурам свои оригинальные трактовки (БСК — *«будешь скоро кандидатом»*).

Лев Наумович Коган — инициатор и непосредственный участник важнейших начинаний в жизни университета. Он стоял у истоков создания трех факультетов: философского, политологии и социологии, искусствоведения и культурологии.

В 1977 г. Л.Н. Коган дал согласие возглавить кафедру теории научного коммунизма философского факультета при условии изменения ее названия на *«теории научного коммунизма и социологии»*. Это была первая и единственная кафедра в СССР с таким названием. Ровно через 10 лет он инициировал и открытие отделения социологии на философском факультете УрГУ. Первый набор студентов на это отделение был проведен в 1988 г. одновременно с аналогичными наборами в МГУ и СПбГУ.

Л.Н. Коган был членом и председателем диссертационных советов УрГУ по защите кандидатских и докторских диссертаций по философии, социологии, специализированных Ученых советов многих других вузов. Под его руководством было подготовлено 182 кандидата, 22 доктора наук.

Не будет преувеличением отметить, что Льва Наумовича знали не только преподаватели университета, но и вся научная общественность города. Он преподавал на всех гуманитарных и обществоведческих

³ Курсивом выделены тексты, написанные рукой Л.Н. Когана и представленные на стендах.

факультетах: историческом, филологическом, философском, журналистики, политологии и социологии, искусствоведения и культурологии. Поэтому все преподаватели гуманитарных дисциплин университета старше 50 лет — его непосредственные ученики, а младше этого возраста — последователи его учеников.

Как при деловом, профессиональном, так и при повседневном, дружеском общении Лев Наумович поражал своей широкой эрудированностью и великолепной памятью. С середины 1960-х гг. (когда был создан философский факультет и открыт при нем кабинет философии — аналог читального зала, выписывающего не только научные, но и все «толстые» литературно-художественные журналы) и до конца жизни сохранял за собой «право первой ночи» — приоритетное прочтение свежего, только что поступившего номера любого журнала. Он был в курсе всех литературных, поэтических, театральных, кинематографических новинок. Любил обсуждать их, стимулировал других к их прочтению, просмотру. То есть идею универсальной университетской культуры пронес через всю свою жизнь.

Широко известно собственное литературное творчество Л.Н. Когана. Сборник «Белая обезьяна», наполненный философскими стихами и проникновенной лирикой, убедительно свидетельствует о его поэтическом таланте. Лев Наумович — автор и исполнитель устных юмористических рассказов об университете, сценарист многочисленных факультетских «капустников», сочинитель импровизированных поэтических четверостиший на публичных мероприятиях разного характера и уровня (на защитах диссертаций, заседаниях, неформальных мероприятиях). Значительная часть литературного наследия Льва Наумовича также представлена в музее, на сайте музея и неизменно вызывает большой интерес посетителей.

С начала 1950-х гг. Л.Н. Коган — один из зачинателей и руководителей социологических исследований на промышленных предприятиях Свердловска и области: на «Уралмаше», Верх-Исетском заводе, Нижнетагильском металлургическом комбинате, Уралвагонзаводе. Это был трудный период проб и ошибок в поиске методологических основ и методических приемов получения надежной эмпирической информации. Зарубежный опыт был недоступен, отечественный — утрачен. Как результат восьмилетнего опыта проведения прикладных исследований — одна из первых в послевоенной отечественной социологии попыток анализа общих принципов теории, методики и техники социологического исследования [8; 9]. По результатам этой работы было опубликовано несколько книг, в том числе «Творческая инициатива рабочего класса СССР в социалистическом труде», изданная еще в 1952 г. и хранящаяся сегодня в музее [7].

В течение 11 лет (1966–1977) Л.Н. Коган возглавляет сначала сектор социологии культуры, а затем отдел социологии Института экономики Уральского научного центра АН СССР (совмещая эту работу с преподаванием в университете). География и тематика исследований существен-

но расширились. В музее представлены методические разработки по составлению планов социального развития предприятий и территорий, многочисленные сборники по результатам исследований этого периода. Значимость этих сборников, на наш взгляд, заключается в обилии содержащейся в них эмпирической информации: статистических таблиц, цитат из интервью, используемых методик. С учетом того, что эти сборники не оцифрованы и по большей части удалены из библиотечного фонда как устаревшие, ценность этих материалов как потенциального ресурса для проведения социологических исследований с элементами сравнительного анализа возрастает. Такие исследования на базе музея могли бы проводить не только студенты, но и аспиранты.

Л.Н. Коган более 30 лет возглавлял Уральское отделение Советской социологической ассоциации. При нем зародилась и получила широкое развитие традиция проведения Уральских социологических чтений с активным привлечением к их работе самых известных социологов страны. Эти чтения послужили импульсом развития не только региональной академической, вузовской, но и заводской социологии, которой Лев Наумович уделял огромное внимание. В 1970-х гг. под эгидой двух обкомов КПСС он инициировал организацию школ заводских социологов в Свердловске и Челябинске. Это были двухгодичные образовательные программы, реализуемые в очно-заочной (сессионной) форме, через которые прошли сотни работников социологических и кадровых подразделений крупнейших предприятий Урала, Сибири и даже Казахстана. Небольшие программки и брошюры «Социолог на предприятии» находятся в экспозиции музея-аудитории. Важно подчеркнуть, что эти школы способствовали не только повышению профессионализма заводских социологов, но и установлению их тесной связи с вузовскими и академическими исследователями. Один из авторов этой статьи неоднократно участвовал в составлении экспертных заключений на отчеты заводчан в связи с возникновением по результатам их работы трудовых разногласий, конфликтов. Заводские социологи, в свою очередь, радушно принимали в свои подразделения студентов на социологическую практику, давая им возможность максимально полно окунуться в социальные проблемы предприятия. В контексте сказанного о роли Л.Н. Когана в развитии заводской социологии представляется символичным, что его выпускная дипломная работа в университете называлась «Положение рабочего класса на горных заводах Урала накануне революции 1905 г.» (отражено в зачетной книжке).

Огромную роль играл Л.Н. Коган в культурной жизни региона. Он был членом Союза театральных деятелей РФ (Всероссийского театрального общества), а также членом Правления его Свердловского отделения. Лев Наумович оперативно откликался на все сколько-нибудь значимые культурные события в городе и в регионе. Достаточно ознакомиться с перечнем его публикаций в газетах и журналах по проблемам театра, культуры, искусства, чтобы убедиться в этом. Юбилей театра, появление нового театрального коллектива, экспериментальные постановки, театральная премьера, гастроли столичных театров, работа клубов и домов культуры, проблемы местного телевидения, планирование региональной системы культурного обслуживания — все это было

в центре его интересов и отражено на стенде и интернет-странице музея «Лев театральный». В равной мере профессионально Лев Наумович разбирался в литературе, музыке, живописи, архитектуре. Широта и энциклопедизм его познаний поражали современников. Глубина погружения в искусство, любовь к нему нашли отражение и в стихах Л.Н. Когана.

Всю свою жизнь Лев Наумович активно занимался просветительской работой. Он был членом Президиума областной организации общества «Знание». Блестящий оратор, популяризатор науки, он был одним из самых востребованных его лекторов, выступающим не только в областном центре, но и в самых отдаленных уголках области.

Потенциал творческого наследия Л.Н. Когана

В краткой автобиографии Л.Н. Когана есть такие строки: «С социологией я связал большую часть жизни, если говорить точно — 44 года. Не надо сомневаться в этой цифре. Один студент на экзамене сказал мне: “Маркс стал марксистом, когда марксизма еще не было”. Упаси боже, не думаю ни о какой параллели; просто так случилось и со мной» [15, с. 280].

Да, так случилось и с Коганом: он стал социологом тогда, когда о социологии в нашей стране не только не говорили, но, вероятно, многие даже и не думали. О внимании Когана к социологическим идеям свидетельствуют его публикации конца 1940-х — 1950-х гг., в том числе кандидатская диссертация «Русские революционеры-демократы о роли народных масс и личности в истории», защищенная в 1949 г. и представленная в музее. В этот период он находился на позициях, мы бы сказали, «стихийной социологии» (сам Коган говорил о «предсоциологии»). Он широко трактовал марксистские идеи об обществе, производстве, труде, общественном сознании, классовой структуре, культуре, человеку. Марксизмом он владел блестяще, тем более что помнил и мог цитировать (близко к тексту) большие фрагменты из работ К. Маркса и Ф. Энгельса.

Большая часть проблем социологической теории были раскрыты в основных научных трудах Л.Н. Когана, написанных в 1960—1990-е гг. Среди монографических исследований этих проблем — «Труд и красота» (1962), «Художественный вкус» (1963), «Очерки теории социалистической культуры» (1972), «Советская социалистическая культура: итоги и перспективы» (1979), «Всестороннее развитие личности и культура» (1983), «Цель и смысл жизни человека» (1984), «Человек и его судьба» (1988), «Жить по справедливости» (1988), «Духовное воспроизводство» (1988), «Культура в условиях НТР» (1989), «Зло» (1992), «Социология культуры» (1992), «Теория культуры» (1993), «Вечность» (1994), «В четвертом измерении» (1994), «Жизнь в поколениях. Классика и современность» (1995), «Философия: серьезная и веселая» (1996) и др. Названия этих работ очень красноречивы. Это книги о социологических проблемах труда, красоты, художественного вкуса, о поколениях, развитии личности, культуре, вопросах времени, зла, вечности, образования и др. Почти все указанные выше книги есть в музее-аудитории, представлены на сайте музея (либо в полном объеме, либо частично оцифрованные). Всего же Л.Н. Коган написал свыше 20 монографий при общем коли-

честве публикаций свыше 500. Ряд из них не только изданы на русском, но и переведены на иностранные языки.

Л.Н. Коган был сыном своего времени. Он не взрывал идеологию социалистического общества и даже не угрожал ей, но социологически адаптировал ее под свои исследовательские задачи и показывал всем, как это нужно делать. Однако важно отметить, что многие его работы 1990-х гг. уже смотрели в XXI век.

Ученого всегда интересовали острые социальные проблемы, рутина жизни была не в его вкусе. При этом он использовал «многоголосье» научных подходов и многомерный дисциплинарный анализ. Наряду с социологическим, присутствовали философский, исторический, культурологический, искусствоведческий и иные подходы. Острота противоречий лишь оттеняла глубокий социологический дар Л.Н. Когана и помогала осуществлению его междисциплинарного анализа.

Основные научные интересы Л.Н. Когана были связаны с социологией. Причем, с одной стороны, это была глубокая теоретическая социология, касавшаяся разработки ряда концепций труда, личности, культуры, духовной жизни общества, общественного сознания, рабочего класса, деятельности, образования. С другой стороны, он руководил крупными по масштабу эмпирическими исследованиями серьезных социальных проблем, имевших большое народнохозяйственное значение. Коротко остановимся и на первых и на вторых.

Говоря о развитии теоретической социологии в работах Л.Н. Когана, нельзя не отметить широко понимаемый им комплекс проблем личности, культуры, общества, его концепцию деятельности и связанную с ней трактовку сущностных сил человека. Согласно концепции ученого, сущностные силы человека — это прежде всего силы общества, воплощенные в его социальном бытии и выражающие его социальную сущность. Сферой их проявления выступает деятельность человека. По мнению Л.Н. Когана, сущностные силы следует рассматривать вместе с изменением общественных отношений, которые присваивает человек. Причем в качестве основного вида деятельности человека он рассматривал его труд. Это хорошо прослеживается не только в монографии «Труд и красота», но и в его докторской диссертации, посвященной проблемам труда при социализме и коммунизме.

Очень актуально и современно проблема сущностных сил выражена в книге Л.Н. Когана «Цель и смысл жизни человека». Он писал в ней: «Сущностные силы человека формируются, реализуются и развиваются только в процессе практической деятельности. Развивая и опредмечивая их, человек тем самым “творит” самого себя. Социальные силы человека поистине универсальны: они обеспечивают власть человека над стихийными силами природы и общественного процесса, их развитию нет пределов и границ. Социальные (сущностные) силы личности не тождественны ее сущности, они есть деятельное проявление этой сущности — совокупности общественных отношений. Их нельзя отождествлять с деятельностью людей, поскольку они характеризуют возможность осуществления такой деятельности» [11, с. 20].

Основным фактором, способствующим реализации сущностных сил человека, является, как это доказывает Л.Н. Коган, культура. Он рассматривает ее не просто как деятельность, а как характеристику всех видов деятельности. Культура трактуется как человеко-творческая деятельность. При этом значительное внимание Лев Наумович уделяет духовной культуре. По его мнению, это самая разветвленная система общей культуры. В рамках духовной культуры рассматриваются различные виды духовно-практической деятельности, к которым он относит философскую, научную, нравственную, художественную, правовую культуру. В свою очередь, они выступают также как способы самореализации человека.

Теоретические разработки Л.Н. Когана в социологии, ее общей теории и различных отраслях (социологии труда, управления, культуры, образования, театра, кино, политической социологии и др.) легли в основу многочисленных эмпирических исследований, проведенных под его руководством и при его непосредственном участии.

Поворот к эмпирическим исследованиям — в целом к эмпирической социологии — начался у Л.Н. Когана во второй половине 1950-х гг. Об этом свидетельствует факт его участия в исследовании культурно-технического уровня советского рабочего класса, проходившем в то время под руководством М.Т. Иовчука, который возглавлял кафедру философии УрГУ им. А.М. Горького, где работал Л.Н. Коган.

В 1961 г. была опубликована монография на эту тему, в подготовке которой принимал участие и Л.Н. Коган [16]. Это была самая первая и крупная социологическая монография в стране. Эмпирический материал для нее был собран одной из первых в СССР социологических лабораторий, созданной в Уральском госуниверситете.

Впоследствии Л.Н. Коган, характеризуя недостатки монографии, отмечал явную «лакировку» действительности, когда мало или почти ничего не говорилось о просчетах и упущениях и однобоко показывались достижения культурно-технического роста на специально подобранных для этого примерах отдельных продвинутых рабочих. Он говорил также об отсутствии научно обоснованной выборки, показывал некритический отбор источников исследования.

Вместе с тем Л.Н. Коган, подчеркивая достоинства книги, характеризовал ее как большое коллективное исследование по актуальной проблеме. Важным позитивным аргументом было использование в ней многочисленных статистических данных, в том числе заводской статистики. В монографии была осуществлена попытка использования анкетного опроса и неформализованного интервью.

Говоря о деятельности Л.Н. Когана в рамках эмпирической социологии, особенно в области социологии труда, управления, социального планирования, важно указать, что некоторые проекты были связаны с разработкой и составлением комплексных планов социального и культурного развития ряда областей Урала и Сибири, крупных промышленных центров (Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Ревда, Качканар и др.), а также предприятий (Северский

трубный завод, Среднеуральский медеплавильный завод, завод «Пневмостроймашина», Турбомоторный завод, Нурекская ГРЭС, Севастопольский морской завод и др.).

Важным было изучение ценностей художественной культуры, образования. Проводившиеся под руководством Л.Н. Когана эмпирические социологические исследования читательской и театральной, кино- и телеаудитории, художественной самодеятельности были нацелены на то, чтобы выявить и зафиксировать, какими сложными и противоречивыми являются эти сферы деятельности. В этом смысле данные исследования имели большое практическое значение.

Имя Л.Н. Когана справедливо называют среди основателей отечественной социологии образования. Одна из первых трактовок ее предмета принадлежала именно ему. Он доказывал, что социология должна изучать в первую очередь соотношение между системой образования и общественными потребностями [10, с. 4–5; 4, с. 39–43].

Вклад ученого в развитие социологии образования определяется, во-первых, его собственной теоретической разработкой этой отрасли социологической науки, во-вторых, богатейшими эмпирическими исследованиями образования, выполненными под его руководством. Специально подчеркнем особое значение главы седьмой его работы «Социология культуры», которая называется «Социология культуры и социология образования». Ее объем — всего 11 страниц, но зато каких! Без всякого преувеличения можно утверждать, что по постановке проблем, способу их анализа и предлагаемому решению это краткий конспект, тезисное изложение большой и серьезной книги по социологии образования.

В 1992 г. Л.Н. Коган сформулировал пять основных вопросов, на которые должна дать ответ социология образования. Эти вопросы и проблемы сегодня по-прежнему остаются такими же важными, как и 30 лет назад. Вот они: 1) в какой мере существующая система образования удовлетворяет общественные потребности в образованных, подготовленных людях, в том числе в специалистах в разных отраслях народного хозяйства; 2) в какой степени эта система удовлетворяет потребности и интересы самих обучающихся; 3) что является стимулом образования: практические, инструментальные нужды или же превращение потребности в знаниях в самоцель личности; 4) каково влияние образования на все системы общественной жизни; 5) в чем состоят перспективы и тенденции развития образования, пути достижения оптимальной взаимосвязи всех элементов этой системы [12, с. 72–73].

Л.Н. Коган стоял у истоков создания научной социологической школы [2; 5; 6]. По его инициативе и при его непосредственном участии сформировались и успешно развиваются поныне целый ряд актуальных социологических направлений региональной академической науки.

На рубеже 1950–1960-х гг. произошло то, что мы, по терминологии Б.З. Докторова [3], называем вторым рождением социологии. После длительного 30-летнего периода ее забвения, вызванного господством в стране сталинского режима, наступил качественно новый

этап социологии, который означал и ее ренессанс (в стране и регионе), и принципиально новую ступень в развитии.

В 1960-е гг. шел процесс экстенсивного развития социологии на Урале, который означал, во-первых, вовлечение в него областей и автономных республик Уральского региона (вслед за Свердловской областью — Пермской и Челябинской, чуть позднее — Оренбургской и Курганской областей, Башкирской и Удмуртской автономных республик); во-вторых, в рамках областей, городов и республик — появление вузовских, академических и производственных центров и структур.

Сам Л.Н. Коган считал, что понятие «уральская социология» утвердилось не раньше середины 1970-х гг. Решающую роль в процессе ее институционализации и оформления сыграли создание Свердловского отделения Советской социологической ассоциации и последующее его превращение в Уральское отделение, а также регулярное (с частотой в 2–2,5 года) проведение Уральских социологических чтений.

В плане трактовки Л.Н. Коганом роли уральской социологии представляет значительный интерес его последнее (за год до смерти) большое публичное выступление, которое в известном смысле можно рассматривать как духовное завещание и одновременно напутствие уральским социологам. Это был пленарный доклад на юбилейных X Уральских социологических чтениях в 1996 г. В связи с юбилеем уральской социологии Л.Н. Коган вернулся к событиям 20-летней давности — проведению I Уральских социологических чтений в 1976 г. и оценке состояния дел в целом в отечественной социологической науке. Приведем фрагмент из доклада ученого: «Социология — наука, обязанная держать руку на пульсе общественной жизни. В России задачи социологии особенно сложны и ответственны: дело не только в огромных масштабах нашей страны, но и в исключительной неравномерности экономического, социально-политического и культурного развития ее регионов... без сильной профессиональной социологии в регионах нельзя говорить и об удовлетворительном состоянии российской социологии в целом. Между тем долгие годы существования Советской социологической ассоциации все ее внимание было обращено на столичных социологов и их международные связи. Именно в этой обстановке Уральское отделение ассоциации в начале 1970-х гг. решило не ждать милостей от центра, а опираться главным образом на собственные силы. Почти без всякой финансовой помощи (60–70% собираемых Отделением членских взносов забирала Москва), в основном на бескорыстном энтузиазме актива в течение 15 лет Отделение добилось проведения целой серии тематических региональных семинаров и симпозиумов, школ молодых социологов, издания региональной социологической литературы. Однако главной особенностью нашего Отделения стало проведение в различных городах Урала (Ижевск, Курган, Оренбург, Пермь, Свердловск, Челябинск, Уфа) социологических чтений, являвшихся своеобразным отчетом вузовских, академических и заводских социологов Урала о проделанной ими работе.

Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что именно эти чтения во многом способствовали появлению дружеских профессиональных связей между уральскими социологами, пробудили у многих из них стремление к повышению своей квалификации» [13, с. 3].

Будучи созданной в 1970-е гг. под руководством Л.Н. Когана, уральская социология «заявила» о себе рядом особенностей.

Во-первых, в ее рамках шло параллельное развитие сразу трех ветвей российской социологии — вузовской, академической, производственной (заводской). Заводская социология на Урале, по существу, была любимым детищем и вузовской, и академической науки, которые ее взрастили и поставили, что называется, на ноги.

Во-вторых, на Урале достаточно быстро происходил процесс институционализации социологии и ее общественного признания, чему в значительной степени способствовали властные структуры во всем регионе. Представители власти принимали участие в организации социологической деятельности, проведении конкретных исследований (часто выступая их заказчиками), конференций и семинаров, Уральских социологических чтений. Такая работа способствовала росту популярности социологии, придавала ей определенного рода «паблисити». В немалой степени этому содействовали местные СМИ, которые пропагандировали работу социологов в печати, по радио, телевидению.

В-третьих, социология на Урале, несмотря на широкий спектр исследуемых направлений и проблем, имела явно выраженные приоритеты, которые были обусловлены спецификой социально-экономических и культурных процессов в регионе. Ведущей была проблематика социологических исследований в области труда, культуры, образования, молодежи, социальной структуры, политических процессов, свободного времени и др. Большую роль сыграл в этом процессе лично Лев Наумович Коган, чей научный и человеческий авторитет был очень значительным. Нельзя забывать о том, что в каждом городе на Урале были его ученики, которые преподавали и вели исследования, выступали в СМИ и пользовались популярностью среди населения. Так на Урале постепенно сложился социологический «Коганат».

Музей Когана: направления и перспективы работы

Идея открытия аудитории памяти Л.Н. Когана возникла в октябре 2016 г. в процессе подготовки к проведению в Екатеринбурге V конгресса Российского общества социологов (РОС). Собранных артефактов оказалось настолько много, что в инициативном порядке они были размещены во второй аудитории, которая получила название «Музей Л.Н. Когана».

Ядром музея являются материалы, связанные с разными периодами жизни и творчества Л.Н. Когана: фотографии, документы, рукописи, конспекты, планы лекций, личные письма, книги, сборники стихов и устных рассказов, видеоматериалы и т. д. Но здесь представлены также анкеты на бумажных носителях (начиная с середины 1960-х гг.), инструментарий, разработанный разными исследовательскими группами

и организациями СССР и РФ, перфокарты, используемые при обработке эмпирических данных на первом поколении ЭВМ, распечатки статистической обработки данных с этих же ЭВМ, отчеты социологической лаборатории УрГУ по результатам исследований, проведенных на ведущих предприятиях Свердловска (1980-е гг.), сборники научных трудов и тезисы конференций ушедшей эпохи. Таким образом, посетители получают возможность не только проследить творческий путь Л.Н. Когана, но и увидеть процесс трансформации практик проведения социологических исследований за 50 лет в Уральском университете и регионе, прикоснуться к эпохе становления отечественной социологии. Весь этот богатейший материал позволяет почувствовать дух времени целого поколения исследователей-социологов, ощутить накал ритма их работы, подъем их романтических устремлений и надежд.

Вот почему со временем музей Когана вышел за рамки своего изначального предназначения — выполнять «аттрактивную» роль во время проведения конференций, празднования юбилеев, других значимых для департамента и университета событий и активно включился в учебную деятельность.

В музее регулярно проводятся занятия с бакалаврами и магистрами различных направлений гуманитарной подготовки. Особенно продуктивными являются посещения музея с заранее сформулированным конкретным заданием по какой-либо учебной дисциплине [1].

В данной статье мы сочли целесообразным представить «голоса» группы социологов-магистров УрФУ, написавших эссе по результатам посещения музея. Это позволяет, на наш взгляд, наглядно продемонстрировать особенности, результативность и перспективы его работы.

Главная задача музея — приобщение студентов к исследовательской деятельности посредством актуализации творческого наследия Л.Н. Когана, освещения процесса последовательной трансформации его исследовательских интересов, динамики научного знания в целом вслед за изменениями реальных социальных процессов в российском обществе. Но специфика беседы в музейном пространстве, в отличие от учебных занятий, заключается в том, что появляется возможность представить живые свидетельства и артефакты, что, безусловно, инициирует интерес посетителей к научной деятельности, стимулирует их собственное исследовательское творчество.

«Музей является прекрасной платформой для знакомства с деятельностью ученых периода зарождения социологии на Урале. Пройтись по ступенькам биографии ученого, заглянуть в его университетскую повседневность, приотронуться к первым изданиям, столкнуться с проблемами методологии советской социологии, научиться структурировать текст по примеру Льва Наумовича и получить глоток мотивации⁴ написание магистерской диссертации — все это, как некий магический процесс, осуществляется там, в музее имени Л.Н. Когана» (магистрант М. Дамина).

⁴ Здесь и далее слова в цитатах выделены нами. — Н.М., Г.З.

Музей — важное методическое подразделение, яркое отражение уникальности самого процесса научного творчества. Рукописи Л.Н. Когана, находящиеся в музее, наглядно демонстрируют организацию процесса кабинетной работы ученого с материалом: принципы отбора и систематизации материала, техники конспектирования текстов, подготовки к лекциям и написанию научных трудов. Эти артефакты производят на современную молодежь, со школьных лет освоившую приемы работы с текстом на компьютере, поистине неизгладимое впечатление.

*«...мы смогли прикоснуться к некоторым вещам, посмотреть поближе, почувствовать их **энергетику**. Очень здорово, что можно почитать от руки написанные письма, тетради, стихотворения, заявления, диссертации, отчеты Льва Наумовича. Через такой контакт начинаешь чувствовать некую связь с человеком, которого никогда не видел. И именно через эти артефакты он **оживает** перед тобой и становится зримым, осязаемым»* (магистрант В. Хафизова).

При проведении мероприятий в музее огромное значение уделяется не только творчеству и научным достижениям Л.Н. Когана, но и уникальности его личности, особенностям характера, манерам общения с коллегами, друзьями, студентами и аспирантами. Коган, как никто другой, был и остается символом университетской культуры, носителем университетских ценностей, таких как универсальность и высокие стандарты знания; взаимосвязь фундаментальности и практичности, ориентация на потребности общества; исследовательская беспристрастность, добросовестность и справедливость; интеграция исследования с обучением, равноправие всех участников образовательной и исследовательской деятельности; академические свободы, творчество, инновационность; социальная ответственность и т. д. Культивирование этих ценностей в студенческой среде, формирование чувства гордости достижениями уральской исследовательской школы, причастности к ней — одни из важнейших задач музея Л.Н. Когана.

*«Побывав сегодня в музее имени Л.Н. Когана, вынесла для себя много... Первое, что хочется отметить... — чувство проснувшегося **патриотизма к нашему вузу**. Судьба этого человека действительно поражает. Целеустремленность, четкость жизненных позиций и принципов и, самое важное, глубокий **внутренний мир**»* (магистрант М. Анкина).

Однако рассказ о личности, об истории ее жизни и творчества, даже опирающийся на незыблемые артефакты, не лишен субъективности. Значимая роль в этом повествовании принадлежит интерпретатору — человеку, организующему, систематизирующему собранный материал, избирательно редактирующему имеющиеся тексты и предъявляющему соответствующие материалы⁵. Посетители музея, оценивая рассказ, отме-

⁵ Роль исследователя-интерпретатора в музее-аудитории Л.Н. Когана выполняет его ученица — кандидат философских наук, доцент, преподаватель университета социолог Н.Н. Маликова.

чают, с одной стороны, тесную связь судьбы Когана, его интересов и достижений с историей университета, историей Урала и всей страны в XX в., а с другой — глубокую личную заинтересованность, эмпатию рассказчика.

Этот фактор деятельности музея представляется нам чрезвычайно важным, поскольку именно он формирует у посетителей позитивный эмоциональный отклик, вызывает приятные воспоминания.

«Это была скорее не экскурсия, а презентация целого биографического исследования» (магистрант Е. Евсеева).

Возможность непосредственного, живого общения с аудиторией является несомненным достоинством любого музейного пространства. У посетителя формируется устойчивый интерес к материалу, появляется возможность установления или продолжения контактов по сферам взаимных интересов. Однако следует признать, что современные образовательные и социокультурные практики требуют расширения музейной площадки, ее выхода в интернет-пространство.

В этом году к 100-летию со дня рождения Л.Н. Когана такой сайт был запущен⁶. Важно отметить, что содержательное наполнение сайта осуществлялось студентами-социологами Департамента политологии и социологии УрФУ в рамках проектного практикума под руководством преподавателей кафедры прикладной социологии Н.Н. Маликовой, О.И. Пименовой, а его техническое исполнение под руководством Д.В. Шкурина также в рамках проектной деятельности осуществили студенты радиофака УрФУ. Таким образом, сам процесс создания сайта способствовал реализации значимых учебных, просветительских и профориентационных задач.

Виртуальный музей позволил значительно расширить его аудиторию, прежде всего через привлечение к нему внимания со стороны профессионального сообщества. Только за две недели, прошедшие после запуска сайта, на нем зарегистрировано 365 пользователей и 4000 просмотров! Для сайта с таким специфическим контентом эти показатели представляются весьма высокими. Необходимо отметить также, что почти сразу появились обращения от коллег — исследователей и преподавателей с предложениями о дальнейшем расширении информационного ресурса сайта.

Представляется важным, что даже в формате виртуального взаимодействия с посетителями музеем удалось преодолеть отстраненность, бездушность изложения контента, сохранить эмоциональную составляющую подачи и восприятия информации. Большинство посетителей сайта отмечают это как несомненное его достоинство, в чем можно убедиться, прочитав размещенные на нем отзывы. Профориентационная и просветительская миссия виртуального музея Л.Н. Когана заключается в открывшейся возможности взаимодействовать со студентами и выпускниками других направлений профессиональной подготовки, других вузов, с абитуриентами, учителями школ, широкой общественностью.

⁶ Официальный адрес сайта: URL: <https://sites.google.com/view/kogan-ln>

Данное направление деятельности имеет важное значение и для стимулирования интереса различных категорий населения к историко-культурному наследию, пониманию ими принципов и методов научной деятельности в сфере изучения общества, его закономерностей.

«Музей имени Льва Наумовича Когана — гордость вуза» (магистрант М. Анкина).

Приведенные высказывания ярко отражают значимую роль музея-аудитории Л.Н. Когана и виртуального музея в публичной презентации департамента, института, Уральского федерального университета в целом.

Важно подчеркнуть, что открытие виртуального музея не нивелирует значение дальнейшей работы музея в аудитории им. Л.Н. Когана, а, напротив, придает импульс для поиска новых форм работы, расширяя его камерное пространство магией непосредственного человеческого общения. Среди пожеланий студентов продолжить работу музея-аудитории заслуживают внимания такие, как проведение в нем лекций и семинаров, посвященных истории российской социологии, социологии культуры, социологии личности, социологических игр и конкурсов, бесед и эксклюзивных мероприятий для небольших групп — поэтических вечеров.

Музей живет и развивается. У него есть планы и надежды.

Однако уже сегодня есть уверенность в том, что музей, задуманный как посвящение памяти одного ученого, вышел далеко за рамки его личной судьбы и творчества. Демонстрируя уникальность Л.Н. Когана, музей свидетельствует одновременно о нем как о типичном представителе яркой плеяды ученых — основателей отечественной социологии, удивительного поколения энтузиастов-романтиков, переживших и жесткость цензуры, и крах идеологической парадигмы, и переосмысление видения динамично развивающихся социальных процессов. Музей Л.Н. Когана — это и музей эпохи становления и развития его любимой науки социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веселкова Н.В.* Музей Л.Н. Когана как пространство воображения: опыт включения в учебный курс // *Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования (по материалам XX Международной конференции — второй этап)* / Под общ. ред. Е.В. Грунт, А.В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во ИСТУ, 2017. С. 30–35.
2. *Вишневский Ю.Р., Зборовский Г.Е.* Социология на Урале: проблемы становления и развития // *Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI в.* / Отв. ред. Г.Е. Зборовский. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 4–12.
3. *Докторов Б.З.* Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. — 560 с.
4. *Зборовский Г.Е.* Л.Н. Коган и проблемы социологии образования // *Л.Н. Коган. Феномен многогранной творческой личности: материалы юбилейной конференции (Екатеринбург, 18 марта 2008 г.)*. Екатеринбург: Маска, 2008. С. 39–43.

5. *Зборовский Г.Е.* Социология в регионе как предмет научного исследования // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 1. С. 121–142. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8841 EDN: QXKWNG
6. *Зборовский Г.Е., Вишневский Ю.П.* Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 69–74. EDN: IQFUAP
7. *Коган Л.Н.* Творческая инициатива рабочего класса СССР в социалистическом труде. Свердловск: Свердловское областное государственное изд-во, 1952. — 68 с.
8. *Коган Л.Н.* Опыт социологического исследования на промышленном предприятии // Вопросы философии. 1959. № 8. С. 92–97.
9. *Коган Л.Н., Руткевич М.Н.* О методах конкретного социологического исследования // Вопросы философии. 1961. № 3. С. 123–133.
10. *Коган Л.Н.* Общее и специальное образование как предмет социологического исследования // Проблемы общего образования трудящихся промышленных предприятий Урала: Сборник статей. Свердловск: [Б.и.], 1969. С. 4–5.
11. *Коган Л.Н.* Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. — 252 с.
12. *Коган Л.Н.* Социология культуры. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1992. — 120 с.
13. *Коган Л.Н.* Предисловие // Молодежь — будущее России: тезисы докладов X Уральских социологических чтений (11–12 сентября 1996 г.): в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург: УИМ, 1996. С. 3–7.
14. *Коган Л.Н.* Вступительное слово // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 5–9. EDN: MOXFYL
15. *Коган Л.Н.* Неповторимая романтика социологии // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1999. С. 280–300.
16. Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса / Под ред. М.Т. Иовчука и др. М.: Соцэкгиз, 1961. — 551 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Маликова Наталья Николаевна — кандидат философских наук, доцент, ведущий специалист лаборатории политологических и социологических исследований, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Телефон: +7 (343) 389-97-33. **Электронная почта:** malikovann@gmail.com

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Телефон: +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovsky@gmail.com

Дата поступления: 12.04.2023.

Research Article

NATALIA N. MALIKOVA¹, GAROLD E. ZBOROVSKY¹

¹Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.
bl. 19, Mira str., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

A SOCIOLOGIST AS AN OBJECT OF MUSEUM DISCOURSE

Abstract. This article examines the activities of a unique sociological museum, based out of the Ural Federal University in Yekaterinburg. The museum is dedicated to the life and work of Professor L.N. Kogan, one of the highest profile Soviet/Russian sociologists of the second half of the XX century. The authors of the article focus on the goals, methods, style of work of the museum and its significance when it comes to reproducing the history of sociology in the Urals. Described are the main forms and types of the museum's educational activities among students, postgraduates, applicants receiving sociological education and professional training, as well as teachers and numerous guests of the university, city and region. The article shows how Kogan's image is constructed in the museum's space; also considered are the potential of his creativity and its implementation in theoretical and empirical research. A large number of documents, artifacts, and various sources gathered in the museum allow visitors via training sessions and tours to get an idea about the main stages of Kogan's life, studies, work, and his achievements in scientific, journalistic, and social activities. In the museum you can get acquainted with the style and methods of the scientist's work, the specifics of his interactions with students, postgraduates, applicants and sociologist colleagues. Almost all of L.N. Kogan's monographs and most important publications are presented on the shelves. The museum's exposition demonstrates the breadth of his scientific interests, which, in addition to sociology, extended to such areas as philosophy, political science, cultural studies, art and theater. The museum gives you a vivid idea of the personality of the scientist, his willingness to impart knowledge upon people, his professionalism in the study of social processes, how skilled he was in the culture of academic communication, as well as his ability to instill optimism into people. In addition, thanks to the abundance of historical documents, visitors have the opportunity to trace the history of the formation and development of sociology at the Ural University and the region over a period of 50 years. At the end of the article, the authors introduce the readers of the journal to the future prospects of the work of the L.N. Kogan Sociological Museum.

Keywords: Lev Naumovich Kogan; sociologist; museum; Ural Federal University; sociological science and practice; history of sociology in the Urals.

For citation: Malikova, N.N., Zborovsky, G.E. A Sociologist as an Object of Museum Discourse. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 150–169. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.7

REFERENCES

1. Veselkova N.V. L.N. Kogan Museum as a space of imagination: the experience of inclusion in the training course. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya (po materialam XX Mezhdunarodnoi konferentsii — vtoroi etap)*. [Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research (based on the materials of the XX International Conference — the second stage).] Ed. by E.V. Grunt, A.V. Merenkov. Ekaterinburg: ISTU publ., 2017. P. 30–35. (In Russ.)
2. Vishnevsky Yu.R., Zborovsky G.E. Sociology in the Urals: problems of formation and development. *Sotsiologiya na Urale: vtoroe rozhdenie i put' v XXI v.* [Sociology in the Urals: rebirth and the path to the XXI century.] Ed. by G.E. Zborovsky. Ekaterinburg: UrFU publ., 2015. P. 4–12. (In Russ.)

3. Doktorov B.Z. *Sovremennaya rossiiskaya sotsiologiya: Istoriya v biografiyakh i biografii v istorii*. [Modern Russian sociology: History in biographies and biographies in history.] St Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburg publ., 2013. 560 p. (In Russ.)
4. Zborovsky G.E. L.N. Kogan and problems of sociology of education. Kogan L.N. *Fenomen mnogogrannoi tvorcheskoi lichnosti: materialy yubileinoi konferentsii (Ekaterinburg, 18 marta 2008 g.)*. [The phenomenon of a multifaceted creative personality: materials of the anniversary conference (Yekaterinburg, 18 March 2008).] Ekaterinburg: Maska publ., 2008. P. 39–43. (In Russ.)
5. Zborovsky G.E. Sociology in the region as a subject of scientific research. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 121–142. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8841 (In Russ.)
6. Zborovsky G.E., Vishnevsky Yu.R. Sociology in the Urals: features, achievements and problems. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 6. P. 69–74. (In Russ.)
7. Kogan L.N. *Tvorcheskaya initsiativa rabochego klassa SSSR v sotsialisticheskom trude*. [Creative initiative of the working class of the USSR in socialist labor.] Sverdlovsk: Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izd-vo publ., 1952. 68 p. (In Russ.)
8. Kogan L.N. Experience of sociological research at an industrial enterprise. *Voprosy filosofii*. 1959. No. 8. P. 92–97. (In Russ.)
9. Kogan L.N., Rutkevich M.N. On methods of concrete sociological research. *Voprosy filosofii*. 1961. No. 3. P. 123–133. (In Russ.)
10. Kogan L.N. General and special education as a subject of sociological research. *Problemy obshchego obrazovaniya trudyashchikhsya promyshlennykh predpriyatii Urals: Sbornik statei*. [Problems of general education of workers of industrial enterprises of the Urals: collection of art.] Sverdlovsk, 1969. P. 4–5. (In Russ.)
11. Kogan L.N. *Tsel' i smysl zhizni cheloveka*. [The purpose and meaning of human life.] Moscow: Mysl' publ., 1984. 252 p. (In Russ.)
12. Kogan L.N. *Sotsiologiya kul'tury*. [Sociological culture.] Yekaterinburg: Ural university publ., 1992. 120 p. (In Russ.)
13. Kogan L.N. Preface. *Molodezh' — budushchee Rossii: tezisy dokladov X Ural'skikh sotsiologicheskikh chtenii (11–12 sentyabrya 1996 g.)*. [Youth — the future of Russia: abstracts of the reports of the X Ural Sociological Readings (11–12 September 1996).] Part 1. Ekaterinburg: UIM publ., 1996. P. 3–7. (In Russ.)
14. Kogan L.N. Introduction. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1997. No. 10. P. 5–9. (In Russ.)
15. Kogan L.N. The unique romance of sociology. *Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh*. [Russian Sociology of the Sixties in memoirs and documents.] Ed. by G.S. Batygin. St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute publ., 1999. P. 280–300. (In Russ.)
16. *Pod'em kul'turno-tekhnicheskogo urovnya sovetskogo rabochego klassa*. [The rise of the cultural and technical level of the Soviet working class.] Ed. by M.T. Iovchuk, et al. Moscow: Sotsekgiz publ., 1961. 551 p. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia N. Malikova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading specialist of the Laboratory of Political Science and Sociological Research, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Phone: +7 (343) 389-97-33. **Email:** malikovann@gmail.com

Garold E. Zborovsky — Doctor of Philosophy, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Phone: +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.com

Received: 12.04.2023.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.8

EDN: JWUQRM

А.А. ПОПЛАВСКАЯ¹

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ФРИЛАНС — СВОБОДА «ОТ» ИЛИ «ДЛЯ»?

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СТРЕБКОВ Д.О., ШЕВЧУК А.В.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ФРИЛАНСЕРАХ? СОЦИОЛОГИЯ СВОБОДНОЙ ЗАНЯТОСТИ.

М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 527 с.¹

Аннотация. Книга Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука «Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости» (2022) представляет собой описание результатов уникального, масштабного, более чем десятилетнего исследовательского проекта, посвященного осмыслению феномена фриланса на просторах Интернета. Являясь одними из первых исследователей данной темы в стране, авторы фиксируют историю становления русскоязычного рынка удаленной работы, его основных участников и законы функционирования, а также проводят глубокий анализ зарождения, распространения и трансформации практик удаленной самозанятости. Фрилансеры определяются авторами монографии как представители интеллектуального и творческого труда, а сам фриланс характеризуется как форма реализации свободы на рынке труда посредством Интернета. Название книги предлагает новое направление исследований — социологию свободной занятости. В рецензии рассматриваются достоинства монографии, а также ставится вопрос о том, можем ли мы назвать независимых профессионалов действительно свободными или же здесь есть нюансы.

Ключевые слова: фриланс; самозанятость; свободная занятость; организация труда; трудовая автономия; трудовые ценности.

Для цитирования: Поплавская А.А. Фриланс — свобода «от» или «для»? Рецензия на книгу: Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022 // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 170–182. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.8 EDN: JWUQRM

¹ Автор выражает благодарность редакторам журнала за ценные комментарии по тексту. Работа осуществлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Монография Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука «Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости» — многостороннее и продолжительное исследование особой и быстро меняющейся группы онлайн-работников, наращивающей свой потенциал в количественном (все больше людей пробуют себя в качестве фрилансеров) и качественном (все чаще вовлекаются высокообразованные люди) отношениях. Фрилансеры определяются авторами монографии как «независимые профессионалы, покинувшие офисы и ушедшие на “вольные хлеба”», представители занятий, связанных с высокой долей интеллектуального и творческого труда (программисты, дизайнеры, переводчики, копирайтеры, маркетологи, бизнес-консультанты, инженеры и т. п.) [11, с. 12]. Подобное определение фриланса позволяет авторам сузить объект исследования и избежать необходимости подробно обсуждать проблематику прекарности фриланса как вынужденной работы не по найму, которая широко обсуждается зарубежными и отечественными исследователями [12; 14; 7], и сосредоточиться на анализе «свободной» онлайн-занятости.

Однако, имея громкое название, книга оставляет без ответа вопрос: являются ли фрилансеры действительно группой людей, объединенных общей целью — быть «свободными»? Это *свобода «для»* самореализации, перенесения себя из брэнного мира капиталистических отношений, бюрократических процедур, строгих рабочих графиков и порядков в мир творчества, инноваций, взаимопомощи и реальной, деятельной жизни? Или же это *свобода «от»* долгосрочных взаимоотношений с другими людьми, работниками, начальством, подразумевающих взаимные услуги, уступки, погруженность во взаимодействие и дарообмен; то есть уход от людей, иерархий, корпоративной этики и общества в целом? В любом случае кажется, что практики фриланса становятся все более структурно оформленными (во временном, пространственном и социальном отношениях), что вновь нас приводит к вопросу: а что же, собственно, такое «свобода» и как она понимается в представленной монографии? Это определенный период для самоопределения и нахождения себя с последующим стремлением к стабильности, или же это постоянный поиск себя и отказ от подчинения каким-либо порядкам и нормативным предписаниям ради личной независимости, которая приносит свои краткосрочные выгоды, но имеет и свои долговременные издержки?

В настоящей рецензии мы расскажем об авторах, развитии их интереса к теме, выделим достоинства книги, которая, безусловно, заслуживает прочтения по двум причинам: (а) в ней представлено множество выводов относительно явления фриланса, интересных как научному сообществу, так и игрокам этого рынка; (б) книга содержит подробное описание того, как нужно проводить исследования фрилансеров и идентичных современных феноменов, с какими трудностями

здесь можно столкнуться и как их преодолеть. Далее мы порассуждаем на тему свободной занятости и о некоторых сложных вопросах. Стала ли трудовая сфера лучше с появлением удаленной, независимой работы? Может ли фриланс добавить свободы (временной, пространственной, трудовой, творческой) в жизнь человека? Какие выводы или предположения мы можем здесь сделать? Или же эти вопросы пока остаются без ответов?

Мифы о фрилансерах: научные ответы

Денис Стребков и Андрей Шевчук являются старшими научными сотрудниками Лаборатории экономико-социологических исследований, а также преподавателями факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Интерес к данной теме обозначился у них уже в 2000-х гг., когда на рынке только начали появляться люди, работающие удаленно и на проектной основе. На этих новых работников мало кто обращал внимание, их не воспринимали всерьез. Одна из первых написанных авторами на эту тему статей — «Фрилансеры на электронных рынках: роль социальных связей», опубликованная в журнале «Экономическая социология», рассказывает о новом формате занятости, о поиске заказчиков на просторах Интернета, через платформы, об уровне доходов и «карьерных» историях фрилансеров [10]. В статье сразу же развенчивается миф о независимых и атомизированных цифровых профессионалах, меняющих заказчиков и работу «как перчатки». Был сделан вывод, что большинство фрилансеров все-таки выстраивают социальные отношения со своими «временными работодателями», даже в виртуальном пространстве, но не привязываясь к платформе. Только таким образом, наращивая пул своих клиентов, повышая уровень доверия и репутации, фрилансер может добиться успеха и получить доступ к более интересным, сложным, ответственным заданиям. Статья не потеряла своей актуальности, читая ее, не веришь, что год написания — 2009-й.

Позже, в 2010-х гг., интерес к фрилансерам становится более широким, мир стремительно меняется, и цифровые платформы, удаленная занятость, возможность подработки на пространствах Интернета становятся «новой реальностью» для части профессионалов, работающих в IT-секторе и других смежных областях. Соответственно, и мифов относительно образа жизни фрилансеров, их социально-демографических и личностных характеристик, организации работы, уровня и источников заработка становится все больше и больше.

Однако мало кто ставит эти представления под сомнение и подвергает их научной проверке. Авторы же запускают мониторинговый проект «Перепись фрилансеров», который проходил в 2009–2019 гг. и включал четыре волны онлайн-опросов. На основе собранных данных Д.О. Стребков и А.В. Шевчук развенчивают множество мифов:

— Фрилансеры работают с Гоа и Бали. Нет, большинство из них работают из дома.

— Среди фрилансеров преобладают мужчины. Нет, женщины тоже осваивают этот рынок, особенно в декретный период.

— Фриланс — это удел безработной, неуспешной и стремящейся к новому (хоть какому-то) опыту молодежи. Нет, среди фрилансеров много опытных и успешных людей, взрослых и высокообразованных.

— Фрилансеры — это одиночки. Нет, у них есть семьи и дети, для них важно проведение времени с семьей, поддержание крепких взаимоотношений с близкими. Более того, выбирая эту форму занятости, независимые профессионалы на первых этапах часто нуждаются в надежном и понимающем партнере(-ше), способном(-ой) морально и финансово поддержать в случае неудачи.

— Фрилансеры — это интроверты. Нет, для успеха фрилансеру важны и мягкие навыки, наращивание социального капитала. Причем не только в сети, на платформах, в виртуальной реальности, но и при очном общении. Интересно, что в случае территориальной близости заказчика, возможности встречи с ним фрилансеры выбирают личные встречи.

— Фрилансеры берутся за все заказы подряд, выполняя их автоматизированно, не важно, для кого. Нет, опытные фрилансеры выбирают своих заказчиков, отмечая наиболее адекватных и способных отвечать на их вопросы, составлять подробные технические задания. Им не хочется работать «на дурачка». И т. д.

Проведение масштабного лонгитюдного исследования: профессиональные советы

Помимо важных эмпирических результатов, основанных на анализе опросных данных, проиллюстрированных выдержками из многочисленных интервью с фрилансерами, книга описывает механизм проведения мониторингового исследования, разбор которого важен всем практикам. Она также — пример замечательно выстроенной монографии, написанной научным, но в то же время понятным и живым языком.

Отметим, что исследование началось практически одновременно с появлением феномена удаленной работы на российском рынке. Иными словами, авторы оперативно проявили интерес к новому явлению, интуитивно почувствовав его будущую значимость. Доступ к респондентам в этот период был не столь сложен, так как для фрилансеров, работающих удаленно, было привычным все делать онлайн, а согласие участвовать в исследовании они давали самостоятельно (не нужно было договариваться с руководителями организаций, приезжать для бесед и т. д.). Исследователи разместили ссылку на опрос на

популярной платформе удаленной занятости (Free-lance.ru) и получили хороший отклик. При этом Стребков и Шевчук столкнулись со сложностями оценки масштаба фриланс-занятости, невозможностью очного наблюдения за независимыми профессионалами в их повседневности, а также с проблемой выхода на беседы с ними.

Фриланс был и во многом остается «черным ящиком», из него на контакт с исследователями выходят те профессионалы-энтузиасты, которым интересно поучаствовать в опросе. Последовательно запуская четыре волны «Переписи фрилансеров», исследователи сталкивались со значимым снижением активности участия в опросе. В книге разбираются допущенные ошибки и даются советы: в какой период лучше запускать онлайн-опросы, в каком формате, где и как размещать анкеты, каков должен быть их объем, нужно ли использовать рекламу и где ее лучше размещать.

Также интересна и важна взаимосвязь исследователей с объектом исследования — с самими фрилансерами и ключевыми игроками на этом рынке. Стребков и Шевчук, будучи преподавателями и относя себя отчасти к свободным работникам (о сравнении деятельности фрилансеров и современных преподавателей вузов см. подробнее: [11, с. 14]), с эмпатией относятся к проблемам независимых профессионалов, описывают стратегии их преодоления, составляют перечни успешных практик, на которые начинают ориентироваться и сами фрилансеры. Тем самым исследование становится (а) читаемым и перепроверяемым самими его участниками, (б) полезным той группе, которая исследуется, и практически применимым. Значимо и то, что авторы монографии за десятилетие установили дружеские отношения с ключевыми участниками рынка фриланс-услуг России², в беседах с которыми были почерпнуты знания о его специфике. Помимо опросов фрилансеров, в книге представлены подробный и ценный исторический анализ становления и динамики изменения рынка удаленной занятости в России (лидеры платформ, описание конкуренции между ними, эволюция и институционализация удаленной занятости в стране), а также результаты опросов тех, кто заказывает услуги фрилансеров. Есть и разделы, посвященные результатам анализа «больших данных» (количество зарегистрированных фрилансеров в динамике,

² Так, например, 29 ноября 2022 г. в Лабораторию экономико-социологических исследований на презентацию книги пришел Кирилл Аношин, основатель российской онлайн-платформы freelance.ru, директор Национальной гильдии фрилансеров, организатор фриланс-форума «Цифровые воротнички» и премии для фрилансеров «Золотое копье». Да, оказывается, фрилансеры взаимодействуют между собой, встречаются очно и участвуют в общих мероприятиях. И, что важно для настоящей рецензии, у ключевых игроков рынка действительно есть интерес к изданной монографии.

их демографическая структура, место жительства, количество заказов, средняя стоимость услуг и т. п.). Таким образом, масштаб анализа, представленного в книге, действительно впечатляет.

Социология свободной занятости: теория или эмпирический подход?

Судя по названию, читателю может показаться, что в монографии авторы разрабатывают новый вид социологии — «социологию свободной занятости». Согласно типологии Р. Мертона, такой подход можно было бы отнести к теориям среднего уровня (theories of the middle range), или к специальным теориям, находящимся между фундаментальными теориями и конкретными социологическими исследованиями [20]. Подобные теории позволяют глубоко описать отдельно взятый феномен (в данном случае — фриланс, связанный с интеллектуальным и творческим удаленным трудом), концентрируются на его разностороннем описании и углубленном понимании, а также подчеркивают масштабность явления: фрилансером может стать каждый, как и работником организации (социология труда, индустриальная социология), предпринимателем (социология предпринимательства) или членом семьи (социология семьи, брака) и проч.

Однако сами авторы как будто обходят стороной вопрос позиционирования собственного теоретического направления, скорее всего, имея первоначальной целью продолжительное и углубленное эмпирическое исследование нового социального явления. В целом их подход тесно связан с экономической социологией и социологией труда. С одной стороны, он берет истоки в неомарксизме, так как фрилансеров трудно отнести к какому-то особенному классу, они находятся вне структуры и являются то ли представителями «мелкой буржуазии» [21], то ли предпринимателями, боссами для самих себя [17], то ли представителями «креативного класса» [15]. Отличаясь интенсивной мобильностью, индивидуализацией, предприимчивостью и стремлением к маркетизации своих услуг, они являются и «самозанятыми», и не зависящими от структур интеллектуалами [19]. В российской литературе их можно было бы охарактеризовать как новый «бизнес-класс» [4], «класс интеллектуалов» [5], работников неформального или нестандартного сектора экономики [2]. Таким образом, фрилансеры выступают как «проблемный класс», так как они занимают противоречивую позицию в социальной структуре [11, с. 18].

С другой стороны, проблематика свободной занятости тесно связана с изучением платформ как инфраструктуры для организации работы фрилансеров, без которой сложно было бы представить рост удаленной занятости в мире [13]. Платформы отличаются от рынков, бюрократических организаций (иерархий) и сетей принципами, на которых выстраиваются взаимоотношения между работодателями и работниками. Следовательно, они представляют собой новое явление, и их развитию

уделяется особое внимание в рамках экономической социологии [9]. В том числе активно обсуждаются вопросы трудовой автономии на платформах и проблематизируется тема свободы фрилансеров, связанная с их зависимостью от алгоритмического управления [9; 16].

Три вопроса к авторам:

сущность фриланса, понимание свободы и трудовой потенциал

После прочтения книги все-таки остаются некоторые не до конца разрешенные вопросы.

Первое, что хочется отметить: исследуя проблематику свободной занятости, авторы уделяют не так много внимания вопросу определения свободы. Само слово «свобода» используется в книге нечасто, и кажется, что она понимается в основном как *трудовая автономия*, то есть отсутствие внешнего контроля над содержательными и организационными аспектами занятости, отсутствие подчинения кому-либо или зависимости от чего-либо [11, с. 27].

Образ фрилансера подается через характер его деятельности (труд, зависящий от инициативы и трудоспособности самого человека), сферу занятости (область цифровой экономики, связанная с интеллектуальным трудом, техническим или творческим), через то, кем фрилансер не является (не работает в организации, не состоит в штате фирмы, не создает организацию, никого не нанимает). Однако понимание сущности фриланса все равно остается эфемерным и расплывчатым. Появляются вопросы: когда мы говорим об электронном фрилансе, мы в большей степени имеем в виду форму или содержание труда? Отношение к работе или к жизни в целом? Фриланс — это временная социальная роль, определенный жизненный этап, который может быть пройден и из которого можно «вырасти», или это постоянная позиция, сфера развития, идентичность, некая идеология, которой следует человек? Ведь называя фрилансеров «цифровыми кочевниками», мы подразумеваем отсутствие привязанности к чему-либо — к сфере занятости, профессии, работодателю, месту, времени, а также постоянную смену интересов. Следовательно, мы говорим о непостоянстве и одновременно пытаемся найти фундаментальную основу выбора в пользу этого непостоянства. Пока эта основа видится как независимость или *свобода от*: от четкого графика, определенного места и времени работы, руководства и его требований, коллег и общения с ними, формальной привязки к фирме и в то же время — от обязательств, ответственности, привязанности к чему-либо в сфере занятости (см. подробнее: [11, с. 443]). В целом остается только свобода для наращивания человеческого капитала и развития «себя как проекта». Этот образ похож на то, что Д. Пинк в совокупности назвал «нацией свободных агентов», наращивающих количество работ в портфолио, ищущих и выполняющих наиболее выгодные для себя заказы на рынке. Л. Болтански и Э. Кьяпелло обозначили такую логику как «новый

дух капитализма», сочетающий ориентацию на прибыль и свободу от капиталистических законов и норм [8; 1].

Согласно концепции внутренних рынков труда, стремящихся к стабилизации и поддержанию надежности, процесс вхождения человека в организацию, несмотря на внешнее ограничение его свободы и независимости, создает ситуацию взаимной и взаимовыгодной лояльности работника и работодателя [3]. И, кажется, это не происходит с фрилансерами. Независимые профессионалы³, меняя заказчиков или работая одновременно на нескольких работодателях, потенциально могут ставить себя в ситуацию «кризиса лояльности», отказываясь от выстраивания формальных взаимоотношений с другими, следовательно, и от неформальных обязанностей, то есть становятся атомизированными, не нуждающимися в структурах, организациях, сообществах, но в то же время и ненужными им, взаимозаменяемыми и одинаковыми представителями сферы аутсорсинга. Похоже, что фрилансер как единица является необходимым элементом становления и развития той самой цифровой, платформенной, постиндустриальной экономики, своим присоединением к фриланс-культуре делающим ее все более масштабной. В теории все представляется таким образом. Хотя в самом эмпирическом исследовании рисуется обратный процесс: стабилизация жизни (места, графика работы, создания пула клиентов), укоренение фрилансеров в сетях взаимоотношений с внешними заказчиками и, по сути, обратный ход к бюрократизации процессов, к обретению чувства определенности, стабильности, надежности, к той самой зависимости от других и выстраиванию взаимоотношений с ними.

Второе: книга сконцентрирована на людях, которые нашли себя во фриланс-занятости и пытаются развиваться, выживать или преуспевать на этом рынке. Но остаются без ответа важные социологические вопросы: что фриланс дает другим людям, которые не вовлечены в подобный формат занятости, чем фриланс полезен для сообществ и организаций? Иными словами, каким образом широкое распростра-

³ Сам термин «независимый профессионал» является проблематичным, так как в социологии профессий профессионалы определяются как группа, укорененная в сообществах, перенимающая нормы и особый этический код своей профессиональной сферы, ставящая целью решение важных проблем в определенной области жизни общества [6; 18]. Таким образом, согласно классическому определению, профессионал не может появиться из ниоткуда и уйти в свободное плавание, то есть быть независимым игроком рынка. Он всегда зависит от структур, воспроизводится ими и поддерживает заведенный социальный порядок. Более того, автономия профессионала скорее исходит не из его личных действий, но из его связи с профессиональным сообществом, а также коллективных действий по повышению позиций профессионального сообщества на рынке труда (положение в структуре вознаграждений) и в обществе в целом (статус и символическая власть).

нение фриланса как индивидуальных практик влияет на общество, социальные институты и взаимоотношения? Можно попытаться задать философский вопрос: что будет, если все вдруг захотят стать независимыми профессионалами, — станет ли мир лучше, а люди свободнее? Скорее всего, в таком случае фрилансерам будет не на кого работать. Или другой, более реалистичный и приближенный к текущей ситуации вопрос: есть ли у фрилансеров с их видением мира рычаги влияния на структуры и власть что-либо менять в системе, иначе — *свобода для стратегического, коллективного действия*? Скорее нет, чем да. Само слово *власть* в книге описывается через категорию *трудовой автономии*, которую мы уже упоминали выше. То есть для фрилансера становится важной власть над собой, собственным временем и параметрами трудовой деятельности, но не над чем-то иным, не над внешними процессами, общественно значимыми, общими для всех проблемами.

Третий вопрос состоит в том, каковы пути для дальнейшего развития фрилансеров, какие форму и содержание труда они могут выбрать, чтобы перейти на новый уровень? Нужно ли им это? По определению, свободолюбивые фрилансеры не хотели бы переходить в наем. В книге говорится о предпринимательском потенциале фрилансеров [11; с. 234–237], хотя и это кажется проблематичной стратегией для них. Цитаты из интервью с фрилансерами заставляют задуматься о том, действительно ли намерения попробовать что-то помимо фриланса, организовать собственное дело, внедрять инновации, нанимать других людей и нести за них ответственность увенчаются успехом. Может ли хороший исполнитель быть хорошим управленцем, руководителем? Что за тип бизнеса он будет стремиться создать? Будет ли он таким же непостоянным, неуловимым, как и сам фриланс? Или все-таки бизнес фрилансера будет нацелен на стабилизацию и поддержание внутриорганизационной лояльности, на более удобную организацию труда, творческие задачи? Сами фрилансеры, по крайней мере часть из них, говоря об опыте предпринимательства, сделали следующие выводы: «В иллюзиях, в мечтах это было очень красиво, очень здорово, но когда я столкнулась с реальностью, у меня полностью отшибло всякое желание...», «Через три месяца это стало для меня рутиной, чем-то напрягающим, тяжелым, я быстро потеряла всякий интерес» [11, с. 236]. А некоторые выражали желание вовсе отказаться от любой работы при наличии достаточного количества денег. Получается, что в ситуации финансового благополучия фриланс-занятость и трудовая деятельность теряют для них всякий смысл, и, следовательно, в условиях дефицита ресурсов удаленная занятость воспринимается скорее как необходимость, чем как свободный выбор в пользу такого труда. И это опять заставляет задуматься о возможных прекарных последствиях для цифровых фрилансеров.

Таким образом, книга ставит перед читателем ряд интересных, сложных и важных для осмысления вопросов о целях труда, трудовой автономии и возможностях обретения свободы в рамках исполнения

интеллектуального труда на онлайн-пространствах в современном, стремительно меняющемся мире. Авторы не ставят целью ответить сразу на все эти вопросы, а скорее, представляя результаты своего многолетнего исследования, предлагают концептуальную рамку для их осмысления и приглашают к дальнейшему исследованию все еще нового и не до конца осмысленного феномена фриланса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма / Пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: НЛО, 2011. — 974 с. EDN: QOMGMJ
2. *Гимпельсон В., Капелюшников Р.* Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 122–143. DOI: 10.32609/0042-8736-2006-1-122-143 EDN: JVIXSP
3. *Грановеттер М.* Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 2. С. 49–79. EDN: OYTSGN
4. *Заславская Т.И.* Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 5. С. 7–15. EDN: HUAKYN
5. *Иноземцев В.Л.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. Т. 6. С. 67–77.
6. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46. EDN: KTUKMN
7. От precarious занятости к precarious жизни. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022. — 364 с.
8. *Пинк Д.* Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки / [Пер. с англ. А. Кириченко, Н. Киричуков]. М.: Секрет фирмы, 2005. — 327 с.
9. *Старк Д., Паис И.* Алгоритмическое управление в экономике платформ // Экономическая социология. 2021. Т. 22. № 3. С. 71. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-3-71-103 EDN: CKZVNK
10. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Фрилансеры на электронных рынках: роль социальных связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 11–32. EDN: OYNYOP
11. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 527 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 EDN: GYGZLX
12. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс / [Пер. с англ. Н. Усовой]. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 326 с.
13. *Срничек Н.* Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2019. — 128 с. EDN: VRPYEZ
14. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13. EDN: UAXUBZ

15. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее / [Пер. с англ. А. Константинов]. М.: Классика-XXI, 2005. — 430 с.
16. *Шевчук А.В.* От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1. С. 30–54. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-30-54 EDN: XHQTOI
17. *Benz M., Frey B.S.* The value of doing what you like: Evidence from the self-employed in 23 countries // Journal of Economic Behavior and Organization. 2008. Vol. 68. No. 3–4. P. 445–455. DOI: 10.1016/j.jebo.2006.10.014
18. *Dingwall R.* The Legacy of Parsons and Hughes // Essays on Professions. Hampshire, UK: Ashgate, 2008. P. 1–10.
19. *Hakim C.* We are all self-employed: How to take control of your career. San Francisco, Calif.: Berrett-Koehler Publishers, 2003. — 288 p.
20. *Merton R.* On the Sociological Theories of the Middle Range // Classical Sociological Theory / Ed. by C. Calhoun. New York: Blackwell Publishing, 2007. P. 448–459.
21. *Steinmetz G., Wright E.O.* The fall and rise of the petty bourgeoisie: Changing patterns of self-employment in the postwar United States // American Journal of Sociology. 1989. Vol. 94. No. 5. P. 973–1018. DOI: 10.1086/229110

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Поплавская Анига Андреевна — младший научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); преподаватель, кафедра экономической социологии, НИУ ВШЭ.

Телефон: +7 (495) 772-9590. **Электронная почта:** apoplavskaya@hse.ru

Дата поступления: 05.04.2023.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 2. P. 170–182. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.8

Review

ANITA A. POPLAVSKAYA¹

¹HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

FREELANCE — FREEDOM “FROM” OR “FOR”?

BOOK REVIEW: STREBKOV D.O., SHEVCHUK A.V. CHTO MY ZNAEM O FRILANSERAKH? SOTSILOGIYA SVOBODNOI ZANYATOSTI. [WHAT DO WE KNOW ABOUT FREELANCERS? SOCIOLOGY OF FREE EMPLOYMENT].

MOSCOW: IZD. DOM VYSSHEI SHKOLY EKONOMIKI PUBL., 2022. 527 P.

Abstract. The new book by Denis Strebkov and Andrey Shevchuk “What do we know about freelancers? The Sociology of Free Employment” (2022) is a summation of a unique, large-scale, more than a decade-long research project dedicated to understanding the phenomenon of online freelancing. The authors are at the forefront of surveying free

employment agents in the country. They describe the history of the formation of the Russian-speaking remote work market, its main participants and the laws by which it functions, while also conducting deep analysis of the origin, spread and transformation of remote self-employment practices and the composition of workers in this realm of labor. Freelancers are defined by the authors of the monograph as people who partake in intellectual and creative work, and freelancing itself is characterized as a sort of embodiment of freedom in the labor market. The title of the book suggests a new area of research — sociology of free employment. The review considers the merits of the monograph, while posing the question of whether we can even assert that independent professionals are truly free, or if there are certain caveats to it.

Keywords: freelance; self-employment; free employment; work arrangements; autonomy at work; work values.

Acknowledgments. I express my deep gratitude to the editors of the journal for valuable comments on the text. This review is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Poplavskaya, A.A. Freelance — Freedom “from” or “for”? Book Review: Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti. [What do we know about Freelancers? Sociology of Free Employment]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2022. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 170–182. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.8

REFERENCES

1. Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism. [Russ. ed.: *Novyi dukh kapitalizma*. Transl. from French and ed. by S. Fokin. Moscow: NLO publ., 2011. 974 p.]
2. Gimpelson V., Kapelyushnikov R. Precarious employment and the Russian labor market. *Voprosy Ekonomiki*. 2006. No. 1. P. 122–143. DOI: 10.32609/0042-8736-2006-1-122-143 (In Russ.)
3. Granovetter M. Sociological and economic approaches to the analysis of the labor market: a sociostructural view. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2011. Vol. 12. No. 2. P. 49–79. (In Russ.)
4. Zaslavskaya T.I. Business layer of Russian society: concept, structure, identification. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1994. No. 5. P. 7–15. (In Russ.)
5. Inozemtsev V. L. The class of intellectuals in a post-industrial society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2000. Vol. 6. P. 67–77. (In Russ.)
6. Mansurov V.A., Yurchenko O.V. Sociology of Professions. History, Methodology and Research Practice. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2009. No. 8. P. 36–46. (In Russ.)
7. *Ot prekarnoi zanyatosti k prekarizatsii zhizni*. [From precarious employment to precarization of life.] Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir publ., 2022. 364 p. DOI: 10.55604/9785777708861 (In Russ.)
8. Pink D. Free Agent Nation. The Future of Working for Yourself. [Russ. ed.: *Natsiya svobodnykh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki menyayut zhizn' Ameriki*. Transl. from Eng. by A. Kirichenko, N. Kirichukov. Moscow: Sekret firmy publ., 2005. 327 p.]
9. Stark D., Pais I. Algorithmic management in the platform economy. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2021. Vol. 22. No. 3. P. 71. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-3-71-103 (In Russ.)
10. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Freelancers in electronic markets: the role of social connections. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2009. Vol. 10. No. 5. P. 11–32. (In Russ.)

11. Strebkov D., Shevchuk A. *Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti*. [What do we know about Freelancers? Sociology of Free Employment.] Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki publ., 2022. 527 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)
12. Standing G. The precariat: The new dangerous class. [Russ. ed.: *Prekariat: novyi opasnyi klass*. Transl. from Eng. by N. Usova. Moscow: Ad Marginem publ., 2014. 236 p.]
13. Srnicek N. Platform capitalism. [Russ. ed.: *Kapitalizm platform*. Transl. from Eng. and ed. by M. Dobriakova. Moscow: NRU HSE publ., 2019. 128 p.]
14. Toshchenko Zh.T. Precariat — a new social class. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015. No. 6. P. 3–13. (In Russ.)
15. Florida R. The rise of the creative class and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. [Russ. ed.: *Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee*. Transl. from Eng. by A. Konstantinov. Moscow: Classica-XXI publ., 2005. 430 p.]
16. Shevchuk A.V. From factory to platform: autonomy and control in the digital economy. *Sotsiologiya Vlasti*. 2020. Vol. 32. No. 1. P. 30–54. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-30-54 (In Russ.)
17. Benz M., Frey B.S. The value of doing what you like: Evidence from the self-employed in 23 countries. *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2008. Vol. 68. No. 3–4. P. 445–455. DOI: 10.1016/j.jebo.2006.10.014
18. Dingwall R. The Legacy of Parsons and Hughes. *Essays on Professions*. Hampshire, U.K.: Ashgate. 2008. P. 1–10.
19. Hakim C. *We are all self-employed: How to take control of your career*. San Francisco, Calif.: Berrett-Koehler Publishers, 2003. 288 p.
20. Merton R. On the Sociological Theories of the Middle Range. *Classical Sociological Theory*. Ed. by C. Calhoun. N.Y.: Blackwell Publishing, 2007. P. 448–459.
21. Steinmetz G., Wright E.O. The fall and rise of the petty bourgeoisie: Changing patterns of self-employment in the postwar United States. *American Journal of Sociology*. 1989. Vol. 94. No. 5. P. 973–1018. DOI: 10.1086/229110

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anita A. Poplavskaya — Lecturer, Department of Economic Sociology;
Junior Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University.
Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.
Phone: +7 (495) 772-9590. **Email:** apoplavskaya@hse.ru

Received: 05.04.2023.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.9

EDN: LSWUJZ

Д. Б. ЛИТВИНЦЕВ¹

¹ Новосибирский государственный технический университет.
630073, Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20.

ДОМАШНИЙ VS ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ L. SERIES “DEPRIVATION OF LIBERTY IN THE SHADOWS OF INSTITUTIONS”

Аннотация. Книга Люси Сериес, во многом основанная на представлениях И. Гофмана о тотальных институтах и М. Фуко о дисциплинарных механизмах, посвящена проблеме депривации свободы пожилых людей и людей с ограниченными возможностями здоровья, нуждающихся в социальном уходе, в карцеральную и посткарцеральную эпоху. В отличие от других рецензентов, автор настоящей статьи полагает, что Л. Сериес внесла существенный вклад не столько в развитие теории социальной инклюзии, основанной на исторических и современных кейсах из Великобритании, сколько в развитие теоретико-методологических представлений о доме и тех институтах, которые, в отличие от домашней среды, формируют пространство ограничения свободы выбора. Фактически книга позволяет ответить на вопрос, что такое дом как социально-культурная единица и почему он может быть противопоставлен социальным институтам за счет достаточно жесткой демаркации соответствующих пространств.

Ключевые слова: Люси Сериес; жилищная социология; депривация свободы; домашнее пространство; тотальный институт; формальный институт; чувство дома; карцеральная и посткарцеральная эпохи.

Для цитирования: Литвинцев Д.Б. Домашний vs Институциональный. Размышления над книгой L. Series “Deprivation of Liberty in the Shadows of Institutions” // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 183–191. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.9 EDN: LSWUJZ

Работа Люси Сериес “Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution”¹ была издана Bristol University Press в 2022 г. Несмотря на то что книга находится в открытом доступе и свободно распространяется по некоммерческой лицензии Creative Commons, в России, в отличие от других стран, она так и не приобрела большую читательскую аудиторию.

¹ Термин “institution” Л. Сериес применяет в двух значениях, что несколько осложняет восприятие текста в силу многочисленных терминологических трудностей. Во-первых, институты — это физические существующие учреждения социального ухода. Во-вторых, это формальные или тотальные институты, направленные на депривацию свободы людей и формирующие релевантные практики социальной помощи.

Сама Л. Сериес позиционирует монографию как междисциплинарное социально-правовое исследование проблем депривации свободы пожилых людей и людей с ограниченными возможностями здоровья, нуждающихся в социальном уходе, в Великобритании в карцеральную и посткарцеральную (post-carceral) эпохи²; ключевыми элементами второй становятся права человека, независимость, возможность выбора и инклюзия [8]. При этом свобода в книге понимается достаточно узко — как возможность вернуться из учреждения в свой дом и/или возможность проживать там, где хочется и с кем хочется [15], что и ограничивается институциональной логикой различных карцеральных учреждений, осуществляющих тотальный контроль над человеком.

Однако, в отличие от уже опубликованных рецензий, в которых делается акцент на политическом ландшафте социальной работы и истории правового регулирования специализированных учреждений [5; 6; 7], хотелось бы взглянуть на данную работу под другим углом зрения и выйти за рамки предлагаемого дискурса социальной инклюзии различных категорий населения, сделав акцент именно на методологическом противопоставлении дома и института. В связи с этим по ходу анализа «домашнего» и «институционального» не будет соблюдаться хронология изложения Л. Сериес — автор настоящей статьи обращается к различным главам книги по мере необходимости³. Забегая вперед, отметим, что именно демаркация домашнего и институционального пространств представляет наибольший интерес в данном исследовании, т. к. подобная постановка вопроса достаточно редка в современной социологии. Автором предлагается и ответ на него в условиях, когда мы уже не можем отличить депривацию свободы в условиях института от депривации свободы в своем собственном доме [16].

Обозначенный вопрос не является тривиальным, хотя сама идея разделения жизни на социальную и домашнюю встречается уже в ранних работах классиков социологии, например Г. Спенсера и О. Конта [1]. Само противопоставление дома и институтов появляется в научной литературе значительно позже. Так, например, в книге “Home and Family. Creating the Domestic Sphere”, изданной в 1989 г., этому вопросу посвящена целая глава “Home and Institutions” [4]. Однако, несмотря на обширный список литературы, состоящий из

² Карцеральная эпоха в главе 3 описывается как период с конца XVIII до середины XX в., когда в практиках социального ухода преобладали институциональные ограничения, связанные с длительным пребыванием людей в соответствующих учреждениях [10]. При этом правовую базу, разработанную для регулирования содержания в этих учреждениях, Л. Сериес характеризует как «закон об учреждениях» (law of institution), подчеркивая именно формальный характер соответствующих правил и норм [10; 12].

³ Кроме того, поскольку электронный вариант монографии Л. Сериес, доступен в Интернете в виде отдельных пронумерованных глав, в тексте указаны ссылки на соответствующие разделы; по главам, имеющим DOI, книга разбита и в списках литературы в конце статьи.

многочисленных научных источников и нормативно-правовых актов, в книге Л. Сериес места данной работе и ряду других тематических статей⁴, к сожалению, не нашлось.

Попытки разделить домашнюю и институциональную сферы, особенно в условиях современного информационного общества, где жизнь людей пронизана многочисленными сетями, могут терпеть неудачу, потому что отсутствует единый подход и согласие исследователей по поводу интерпретации дома как социально-культурного феномена. В связи с этим Л. Сериес в главе 6 предлагает рассматривать дом с нескольких исследовательских позиций: как территорию (пространство), как центр самоидентификации и как социально-культурную единицу. Предлагается и четвертый аспект — *эстетика дома*, который также используется в книге в качестве культурно-правового отличия «домашнего» от «институционального». Несмотря на то что жилые дома и учреждения с архитектурно-строительной точки зрения противоположны друг другу, это не абстрактные понятия в книге Л. Сериес, а феномены, неразрывно связанные с субъектностью тех, кто в них проживает. Если человек не может принимать решения, которые ассоциируются с домом, его условия жизни начинают напоминать институциональные. Это создает лиминальные и оспариваемые пространства, где характеристики дома и учреждения/института сталкиваются, и между ними больше невозможно провести четкие границы [13].

Именно возможность и/или ограниченность принятия решений лежат в основе авторского подхода Л. Сериес к разграничению домашнего и институционального пространств⁵. При этом, по ее мнению, невозможно идентифицировать «домашнее», не определившись с тем, что есть «институциональное». Дома и учреждения/институты как идеализированные формы, находящиеся на разных полюсах, фактически необходимы для идентификации друг друга [13]. При этом вред от институтов, как отмечается в главе 11, заключается не в физическом устройстве этих учреждений, а в радикальном ограничении ими пространства для принятия решений посредством тотального наблюдения и контроля, ограничения выбора и навязывания своих целей и программ, чтобы «исправить» предполагаемые личностные проблемы человека. Вредоносность этих ограниченных пространств для принятия решений, с чем действительно сложно не согласиться, заключается в *деперсонализации, институционализации и мортификации (самоунич-*

⁴ Например, статья Tuominen K., Pietilä I., Jylhä M., Pirhonen J. “A home, an institution and a community — frames of social relationships and interaction in assisted living”, опубликованная в № 16 (1) журнала “International Journal of Ageing and Later Life” в 2022 г.

⁵ В книге встречается и параллельное противопоставление частного пространства дома и публичного институционального пространства. В этом плане приватность может пониматься в дискурсе К. Мангейма (дом как пространство души индивида) [1].

женщи) человека. В то же время преимущества дома заключаются не в его расположении или правовом статусе частной собственности, а в том, что он предоставляет собой более обширное пространство для принятия решений, которое способствует выражению личности человека, обеспечивает возможность для его саморазвития и процветания [18].

В главе 7 Л. Сериес акцентирует внимание на том, что «контроль над порогом» (control of the threshold) является центральным элементом дома, позволяющим управлять тем, кого можно впустить и кто может выйти. Этот контроль может быть подорван институциональной жизнью, однако контроль пожилых людей и людей с ограниченными возможностями здоровья над личным пространством в значительной степени обусловлен зависимостью от других в вопросах ухода [14]. Речь здесь идет непосредственно о физическом доступе в дом, о входной двери или двери в комнату, ограничивающей домашнюю жизнь от вторжения посторонних. В данном случае дом рассматривается как изолированное пространство за закрытыми дверями, о чем также писал Н. Элиас [1].

Понятно, что в основе исследований Л. Сериес лежит противопоставление дома и тотальных институтов И. Гофмана, на что она сама и указывает в главе 4 [11], однако если посмотреть шире, то любой формальный институт (особенно если его субъектом выступает государство) посредством норм и правил ограничивает пространство принятия решений. В этом смысле в задачи институтов действительно входит деперсонализация личностей с целью воспитания правильных (конформных) граждан посредством механизмов принуждения и санкционирования. Подобный дискурс М. Фуко также обнаруживается в книге, но именно это и позволяет принять позицию Л. Сериес применительно к институтам вообще, а не только к тотальным институтам — психиатрическим больницам, домам призрения и т. п.

Закономерно встает вопрос: как же быть с различными домами престарелых и подобными учреждениями/институтами, претендующими, как минимум внешне, на создание домашней среды? В данном случае Л. Сериес занимает любопытную позицию, относя их к квазиинститутам, и в главе 1 предлагает следующую классификацию. В первую волну посткарцеральной политики образовались дома престарелых и дома-интернаты как квазиинституты. Вторая волна в большей степени характеризовалась разрывом с институциональным наследием: начали возникать различные формы сопровождаемого и коллективного проживания [8]. При этом в главе 4 делается акцент на том, что противостояние институтам в сфере социального ухода усилилось после Второй мировой войны, что сопровождалось распространением философии заботы о пожилых и людях с ограниченными возможностями здоровья. Л. Сериес называет это деинституционализацией, хотя фактически речь идет о том, что постепенно исчезают здания соответствующих учреждений⁶, а сами карцеральные

⁶ В качестве примера Л. Сериес приводит здание психиатрического учреждения Powick Hospital в Великобритании, которое было закрыто в 1989 г. и в итоге преобразовано в жилой комплекс [11].

институты и практики получают распространение во многих сферах государственной и частной социальной помощи [11].

Несмотря на очевидное преобладание объективного подхода к демаркации «домашнего» и «институционального» в книге Л. Сериес, в последней главе обнаруживается и субъективный аспект. Человек должен действительно наслаждаться окружающим пространством как домом, жить в соответствии со своими ритмами, а не по «институциональным часам» (institutional clock), находить смысл в своей повседневной деятельности, а не воспринимать ее как навязанную норму бытия, и т. п. Причем свобода может быть ограничена тем, что кто-то всегда находится рядом для того, чтобы человеку не стало плохо, он не навредил бы себе, не попал под машину и проч. Основной вопрос здесь заключается в том, нравятся ли нам те, кто ограничивает нашу свободу, и принимаем ли мы способы и масштаб ее ограничения [18]. Фактически, обращаясь к терминологии А. Шюца, человек даже в условиях карцеральных ограничений должен чувствовать себя как дома, в противном случае жилище превращается в учреждение, тотальный институт. Неслучайно даже в российских стационарах для мам с новорожденными детьми, характеризующихся многочисленными институциональными рестрикциями, отчасти пытаются создать домашнюю обстановку, что, однако, большого успеха не имеет [2] в силу вышеизложенного.

Л. Сериес в главе 10 использует терминологию, несколько отличную от терминологии А. Шюца. Различные правила и положения пронизывают жизнь каждого, но по отдельности лишь незначительно депривировуют свободу. В совокупности же они могут подорвать ощущение «дома на территории» (home of territory), ограничивая пространство принятия решений и причиняя вред, связанный с институционализацией [17]. В книге данный термин встречается единожды, однако очевидно, что Л. Сериес применяет его в значении «чувства дома» А. Шюца [1], но в более широком смысле — применительно не просто к дому, а к различным территориям/пространствам принятия решений. Это как раз подчеркивает потенциальную возможность чувствовать себя как дома не только в стенах собственного жилища. В то же время Л. Сериес приходит к важному выводу: если выбор стоит между институциональными условиями жизни или жизнью в нужде, то внешняя (сторонняя) поддержка принятия решений не позволит человеку воспользоваться обширным пространством принятия решений, связанным со своим домом [17].

Сегодня длительное пребывание в учреждениях сменяется проживанием в различных сообществах, что способствует нормализации жизни, повышает автономию и независимость людей, а также предполагает личностно-ориентированный уход [8]. Это, кстати, справедливо и для современной России, где уже происходит постепенное замещение практик сопровождаемого проживания инклюзивным [3]. Но в главе 2 Л. Сериес делает важное замечание: хотя сообщество и символизирует освобождение, в нем также можно обнаружить отдельные карцерально-институциональные практики [9]. Новые социальные ус-

луги по уходу, как подчеркивается в главе 7, начинают предоставляться в современном обществе в логике дома, хотя и отчасти воспроизводят институциональную динамику. Это создает определенные проблемы для правового регулирования данных услуг. Здесь обнаруживается еще один нарратив: если учреждения просто предоставляют помещения для проживания (*residential accommodation*), то настоящий дом — это частное жилище (*private dwelling*) [14]. Подобное утверждение усиливает дискуссию вокруг «домашнего» и «институционального» и привносит в критерии демаркации экономический аспект (право собственности), хотя сама Л. Сериес на этом не делает существенного акцента.

В то же время, как показано в главе 11, институциональные явления могут преследовать человека и в частном доме [18]. Тут следует различать формальные институциональные явления, проникающие в жилище извне, и неформальные жилищные институты, которые создаются внутри самого дома. В первом случае это может быть связано с целью организации всеподнадзорности (М. Фуко) в интересах государства, что искусственно ограничивает пространство принятия решений и довлеет над индивидами. В этом, собственно, и проявляется депривация свободы в широком смысле. Во втором случае — это традиции, привычки, рутина и прочие повседневные практики, вырабатываемые самими жильцами дома. Даже если они и ограничивают пространство принятия решений, то с согласия всех членов семьи, что не позволяет им утратить чувство дома. В связи с этим Л. Сериес неслучайно подчеркивает в главе 6, что образ домашней жизни, которым люди действительно наслаждаются, отрицается самими учреждениями/институтами [13].

Таким образом, книга Л. Сериес “*Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*” — одна из немногих социологических работ, поднимающих и по-своему решающих методологически важный вопрос о противопоставлении (разграничении) «домашнего» и «институционального». Выводы Л. Сериес не противоречат широко распространенным представлениям о доме (жилище), основываются на известных в социологии теориях тотальных институтов И. Гофмана и дисциплинарных механизмов М. Фуко, а также подтверждаются обширным эмпирическим материалом. Междисциплинарный подход и институциональный дискурс позволяют работе занять достойное место среди других современных исследований, направленных на изучение проблем социальной инклюзии пожилых и людей с ограниченными возможностями здоровья. В целом книга может быть полезна не только социологам, социальным работникам и обучающимся по соответствующим специальностям, но и тем, кто интересуется институциональными исследованиями в области социологии жилища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвинцев Д. Б. Категория жилища в трудах классиков социологии XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 1. С. 7–34. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.1 EDN: QDGHJC

2. *Литвинцев Д.Б.* Тотальные институты в России: почему женщина после оперативных родов не чувствует себя как дома (кейс стационара) // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 3. С. 41–46. EDN: OIBTFV
3. *Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Дегтярева В.В.* Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 84–92. DOI: 10.17223/15617793/468/10 EDN: FBEEBC
4. *Higgins J.* Homes and Institutions // Home and Family. Creating the Domestic Sphere / Ed. by A. Graham, C. Graham. London, UK: Palgrave Macmillan, 1989. — 190 p. DOI: 10.1007/978-1-349-20386-4
5. *Lai P.* Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution by Lucy Series // International Journal of Care and Caring. 2022. Vol. 6. No. 4. P. 652–653. DOI: 10.1332/239788221X16642889481722
6. *Laidlaw R.* Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution, Lucy Series // The British Journal of Social Work. 2022. Article: bcac175. DOI: 10.1093/bjsw/bcac175
7. *Reed-Berendt R.* Lucy Series, Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution // Medical Law Review. 2022. Vol. 30. Iss. 4. P. 757–762. DOI: 10.1093/medlaw/fwac029
8. *Series L.* 1. Introduction // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 1–11. DOI 10.51952/9781529212006.ch001
9. *Series L.* 2. Distinguishing Social Care Detention // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 12–31. DOI: 10.51952/9781529212006.ch002
10. *Series L.* 3. The Law of Institutions // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 32–52. DOI: 10.51952/9781529212006.ch003
11. *Series L.* 4. The Post-carceral Landscape of Care // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 53–83. DOI: 10.51952/9781529212006.ch004
12. *Series L.* 5. Social Care Detention in Human Rights // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 84–106. DOI: 10.51952/9781529212006.ch005
13. *Series L.* 6. Institution/Home // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 107–129. DOI: 10.51952/9781529212006.ch006
14. *Series L.* 7. Regulatory Tremors // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 130–155. DOI: 10.51952/9781529212006.ch007
15. *Series L.* 8. The Acid Test // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 156–184. DOI: 10.51952/9781529212006.ch008
16. *Series L.* 9. Aftermath // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 185–207. DOI: 10.51952/9781529212006.ch009
17. *Series L.* 10. Protecting the Vulnerable // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 208–225. DOI 10.51952/9781529212006.ch010

18. *Series L. 11. Out of the Shadows of the Institution? // Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution.* Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 226–235. DOI: 10.51952/9781529212006.ch011

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвинцев Денис Борисович — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, Новосибирский государственный технический университет. **Телефон:** +7 (383) 346-20-45. **Электронная почта:** denlitv@inbox.ru

Дата поступления: 13.03.2023.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 2. P. 183–191. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.9

Review

DENIS B. LITVINTSEV¹

¹Novosibirsk State Technical University.

20, K. Marx ave., 630073, Novosibirsk, Russian Federation.

HOUSEHOLD VS INSTITUTIONAL. REFLECTING ON THE BOOK

“DEPRIVATION OF LIBERTY IN THE SHADOWS OF INSTITUTIONS” BY L. SERIES

Abstract. This book by Lucy Series, largely based on the ideas of E. Goffmann’s total institutions and M. Foucault’s disciplinary mechanisms, is devoted to the problem of the elderly and people with disabilities in need of social care being deprived of freedom in the carceral and post-carceral era. However, unlike other reviewers, the author of this article sees a significant contribution of L. Series not so much to the development of the theory of social inclusion, based on historical and modern cases from the UK, but to the development of theoretical and methodological ideas about the home and the institutions that, unlike the home environment, form a space where freedom of choice is restricted. Essentially the book allows answering the question of what a house is as a socio-cultural unit and why it can be opposed to social institutions due to a rather rigid demarcation of their respective spaces.

Keywords: Lucy Series; housing sociology; deprivation of freedom; home space; total institution; formal institution; feel at home; carceral and post carceral era.

For citation: Litvintsev, D.B. Household vs Institutional. Reflecting on the Book “Deprivation of Liberty in the Shadows of Institutions” by L. Series. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 181–193. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.9

REFERENCES

1. Litvintsev D.B. The Category of Housing in the Classical Sociology. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 7–34. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.1 (In Russ.)
2. Litvintsev D.B. Total Institutions in Russia: Why A Woman After an Operative Delivery Does Not Feel at Home (Hospital Case). *Meditcina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya*. 2021. No. 3. P. 41–46. (In Russ.)

3. Litvintsev D.B., Mozheykina L.B., Degtyareva V.V. Inclusive Living in Russia as an Aspect of the Multidimensionality of Social Inclusion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. No. 468. P. 84–92. DOI: 10.17223/15617793/468/10 (In Russ.)
4. Higgins J. Homes and Institutions. *Home and Family. Creating the Domestic Sphere*. Ed. by A. Graham, C. Graham. L.: Palgrave Macmillan, 1989. 190 p. DOI: 10.1007/978-1-349-20386-4
5. Lai P. Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution by Lucy Series. *International Journal of Care and Caring*. 2022. Vol. 6. No. 4. P. 652–653. DOI: 10.1332/239788221X16642889481722
6. Laidlaw R. Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution, Lucy Series. *The British Journal of Social Work*. 2022. Article: bcac175. DOI 10.1093/bjsw/bcac175
7. Reed-Berendt R. Lucy Series, Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution. *Medical Law Review*. 2022. Vol. 30. Iss. 4. P. 757–762. DOI: 10.1093/medlaw/fwac029
8. Series L. 1. Introduction. *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 1–11. DOI: 10.51952/9781529212006.ch001
9. Series L. 2. Distinguishing Social Care Detention. *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 12–31. DOI: 10.51952/9781529212006.ch002
10. Series L. 3. The Law of Institutions. *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 32–52. DOI: 10.51952/9781529212006.ch003
11. Series L. 4. The Post-carceral Landscape of Care. *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 53–83. DOI: 10.51952/9781529212006.ch004
12. Series L. 5. Social Care Detention in Human Rights. *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 84–106. DOI: 10.51952/9781529212006.ch005
13. Series L. 6. Institution/Home. *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 107–129. DOI: 10.51952/9781529212006.ch006
14. Series L. 7. Regulatory Tremors. *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 130–155. DOI: 10.51952/9781529212006.ch007
15. Series L. 8. The Acid Test. *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 156–184. DOI: 10.51952/9781529212006.ch008
16. Series L. 9. Aftermath. *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 185–207. DOI 10.51952/9781529212006.ch009.
17. Series L. 10. Protecting the Vulnerable. *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 208–225. DOI: 10.51952/9781529212006.ch010
18. Series L. 11. Out of the Shadows of the Institution? *Deprivation of Liberty in the Shadows of the Institution*. Bristol, UK: Bristol University Press, 2022. P. 226–235. DOI: 10.51952/9781529212006.ch011

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis B. Litvintsev — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Management, Novosibirsk State Technical University.
Phone: +7 (383) 346-20-45. **Email:** denlitv@inbox.r

Received: 13.03.2023.

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 - 72185 от 24.01.2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова

Оригинал-макет: И.М. Ситдиков

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, WoS RSCI, ERIN PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79

Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2023. Том 29. № 2. Подписано в печать 23.06.2023.

Формат бумаги 70x100 1/16. Печать офсетная.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86306.

Усл. печ. л. 12. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

ООО «Галлея-Принт»

Адрес: 111024, Москва, 5-я Кабельная, 2Б